

МЭН-ЦЗЫ

孟

子

**ЦЕНТР
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ®
ВОСТОКА

XII

Серия основана в 1993 году

ЦЕНТР
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

Российская Академия наук
Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

МЭН-ЦЗЫ

Предисловие Л. Н. Меньшикова
Перевод с китайского, указатели В. С. Колоколова

Санкт-Петербург
1999

ББК Э341-21
УДК 299.512

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН*

Издается при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 99-01-16107д)

Мэн-цзы. Предисл. Л. Н. Меньшикова. Пер. с китайского, указ. В. С. Колоколова / Под. ред. Л. Н. Меньшикова. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. — 272 с. («Памятники культуры Востока»).

Древнекитайский философ Мэн Кэ (372—289 гг. до н. э.), известный чаще как Мэн-цзы — «Учитель Мэн», считается самым блестящим представителем конфуцианского учения после его основателя Конфуция (551—479 гг. до н. э.). Учение Конфуция им самим нигде систематически не изложено и дошло до нас в передаче учеников, сопоставивших свои записи и скомпоновавших из них книгу «Суждения и беседы» («Лунь юй»). «Лунь юй» и «Мэн-цзы» — эти две книги являются наиболее полным изложением взглядов основоположников конфуцианского учения Кун Цю (Конфуция) и Мэн Кэ (Мэн-цзы).

В настоящем томе вниманию читателя предлагается полный русский перевод второго из двух важнейших памятников древнекитайской конфуцианской мысли, выполненный китаеведом классической школы В. С. Колоколовым (1896—1979), одним из самых больших знатоков китайского языка, классического и нового.

Перевод, снабженный аннотированным индексом встречающихся в «Мэн-цзы» имен, после смерти В. С. Колоколова много лет пролежал без движения. За это время положение с переводом на русский язык конфуцианской классики практически никак не изменилось. Поэтому предлагаемый перевод сохраняет свою актуальность как в общем плане, так и для образовательных целей — в России до сих пор все еще нет удовлетворительных пособий для изучения конфуцианской классики и конфуцианской мысли.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с ведома издательства.

Исключительное право на распространение настоящей книги на территории России и за ее пределами принадлежит «Петербургскому Востоковедению».

ISBN 5-85803-136-6

© «Петербургское Востоковедение», 1999

© Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения РАН, 1999

Зарегистрированная
торговая марка

Зарегистрированная торговая марка

ПРЕДИСЛОВИЕ

О «Мэн-цзы» в переводе В. С. Колоколова

Древнекитайский философ Мэн Кэ (372—289 гг. до н. э.), известный больше как Мэн-цзы — «Учитель Мэн», считается самым блестящим представителем конфуцианского учения после его основателя Кун Цю (также Кун цзы, Кун фуцзы, «Учитель Кун», 551—479 гг. до н. э.), известного в Европе под его латинизированным именем Конфуций. Учение Конфуция им самим нигде систематически не изложено и дошло до нас в передаче учеников, сопоставивших свои записи и скомпоновавших из них книгу «Суждения и беседы» («Лунь юй»), из которой мы, собственно, и знаем, что сказал Учитель по тому или иному поводу. Цельная по общему смыслу суждений, композиционного единства она не составляет. Адептам учения — и в меньшей степени его исследователям — приходится отыскивать разбросанные по разным частям книги высказывания Учителя на нужную тему и, лишь сопоставив их, делать уже обобщающие выводы. Тем не менее именно «Суждения и беседы» — первое, что должен изучать (а ранее — выучить наизусть: китайская старая наука не признавала приблизительного знания) тот, кто хочет приобщиться к этому учению. К сожалению, конфуцианские классики если и имеются в русских переводах, то или устаревших¹, или малоудовлетворительных. Из всех европейских переводов сравнительно надежными до сих пор считаются переводы Джеймса Легга прошлого века², к ним чаще

¹ Таковы учебные переводы акад. В. П. Васильева в его «Китайской хрестоматии» (4.2. Лунь-юй. СПб., литогр. А. Григорьева, 1868); П. С. Попов: 1) Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. СПб., центр «Восточный» электропечатни И. Бороганского, 1910; 2) Китайский философ Мэн-цзы. СПб., тип. имп. АН, 1904. См. также исследования летописи «Чунь-цю», выполненные Н. Монастыревым: 1) Заметки о Конфуциевой летописи Чунь-цю и ее древних комментаторах; 2) Конфуциева летопись Чунь-цю / Пер. Н. Монастырева; 3) Примечания к Чунь-цю, составленные Н. Монастыревым. Все три выпуска: СПб., тип. братьев Пантелеевых, 1876.

² Legge J. The Chinese Classics, with a Translation, Critical and Exegetical Notes, Prolegomena and Copious Indexes. In Seven Volumes. Hongkong, 1861—1872. Новей-

всего обращаются за справками читатели конфуцианской классики и исследователи конфуцианства. Понятно поэтому стремление многих ученых заново перевести конфуцианскую классику на современном уровне науки. Таков перевод древнейшей «Книги песен» («Ши цзин») ³, где переводчик А. А. Штукин постарался соединить поэтическое переложение с точностью передачи реалий и — насколько это возможно — особенностей китайского стихосложения. Труд А. А. Штукина до сих пор является единственным полным стихотворным переводом этого древнейшего памятника китайской поэзии на европейские языки. Новый перевод «Суждений и бесед» («Лунь юй») начал акад. В. М. Алексеев ⁴, но остановился на третьей главе. Предшествующим переводам В. М. Алексеев дал следующую весьма выразительную оценку: «<...> и это предприятие (перевод китайских классиков. — Л. М.) в научном и даже литературном порядке <...> на русском языке еще и не начиналось, ибо школьные подстрочники В. П. Васильева („Лунь юй“, часть II „Китайской хрестоматии“; „Ши цзин“, часть III „Китайской хрестоматии“) с выпиской слов, переводами и примечаниями, и их едва ли чем-либо улучшившие переводы П. С. Попова („Изречения Конфуция и других лиц“, „Китайский философ Мэн-цзы“) едва ли могут подходить под ту или другую рубрику» ⁵.

Много позже, уже в наше время, два перевода «Суждений и бесед» (оба неполные) представили В. А. Кривцов и И. И. Семенов, а «Мэн-цзы», также в выдержках — Л. И. Думан ⁶. Однако и эти переводы трудно признать удовлетворительными, в частности, из-за малоубедительных концепций их авторов. В. М. Алексеев (все в той же

шие стереотипные переиздания (In Five Volumes): Hong Kong University Press, 1960, 1970, 1982.

³ «Ши цзин» («Книга песен») / Изд. подгот. А. А. Штукин и Н. Т. Федоренко. М.: Изд-во АН СССР, 1957 (Сер. «Литературные памятники»). Впоследствии перевод А. А. Штукина неоднократно переиздавался как в полном виде, так и в избранных образцах. А. А. Штукин, начавший свой перевод в 30-е годы, в 1938 г. был арестован и провел в тюрьмах и ссылках без малого двадцать лет. Тем не менее он не оставил своей работы и сумел довести ее до конца. О Штукине и его работе см. в статье: *Баньковская М. В.* «Ши цзин» и Судьба // ПВ. Вып. 6. 1994. С. 579—614.

⁴ См.: Новый метод и стиль переводов на русский язык китайских древних классиков // *Алексеев В. М.* Китайская литература. Избранные труды. М., ГРВЛ, 1978. О причинах незавершения перевода, начатого в 1920 г., В. М. Алексеев сообщает в собственноручной записи на машинописной копии 1928 г.: «Оставлен за невозможностью печатать» (Указ. соч., с. 429; см. также: СПбО ААН, ф. 820).

⁵ Там же. С. 417.

⁶ «Лунь юй» / Пер. В. А. Кривцова; «Мэн-цзы» (Избранные места) / Пер. Л. И. Думана // Древнекитайская философия: Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1972 (Сер. «Философское наследие»); *Семенов И. И.* Афоризмы Конфуция. М.: Изд-во МГУ, 1987.

работе) советовал, во избежание произвольных истолкований, обращаться к комментариям, составленным авторитетами неоконфуцианского этапа развития конфуцианства, такими как Чжу Си (1130—1200) или У Чэн (1249—1333), и в своей неоконченной работе систематически это проделал.

В числе китаеведов, стремившихся представить русскому читателю новые адекватные подлиннику переводы конфуцианской классики, был синолог старой классической школы, наш современник, Всеволод Сергеевич Колоколов (1896—1979)⁷. Он родился в Кашгаре в семье С. А. Колоколова, драгомана, а потом и консула российского консульства в Кашгаре и еще позже — генерального консула в Мукдене. Как старый русский интеллигент и дипломат С. А. Колоколов считал, что его дети должны знать язык народа той страны, в которой они живут (что, конечно, не исключало и знания европейских языков). Поэтому В. С. Колоколов был сначала определен в китайскую школу, где не только овладел китайским языком как родным, но и прошел весь курс китайской школьной науки. Не оставалась в пренебрежении и Европа: среднее образование В. С. Колоколов получил в американском колледже в г. Фучжоу. А в 1913 г., после возвращения семьи в Петербург, стал лицеистом Александровского лицея. В результате В. С. Колоколов освоил не только китайский, но и английский, французский, немецкий, арабский, узбекский языки, а также классическую латынь. В 1917 г., после Февральской революции, лицей был закрыт, и выпуск не состоялся. В. С. Колоколов поступил в ускоренную школу прапорщиков при Павловском пехотном училище в Петрограде и по окончании, в сентябре, был направлен в Тверь, в состав 196-го запасного пехотного полка. Во время Октябрьской революции полк (бывший в числе защитников Зимнего дворца) был расформирован, и В. С. Колоколов уехал в деревню, на родину жены, в Кашинский уезд. Там он служил секретарем волостного совета, но вскоре, в 1918 г., при первой мобилизации в Красную Армию вступил в нее добровольцем.

В 1920 г. благодаря своему знанию китайского языка В. С. Колоколов зачислен слушателем Восточного отделения Академии Генштаба в Москве, а через два года, в 1922 г., он в той же Академии начал преподавать китайский язык. В 1935 г. за многочисленные заслуги в преподавании ему присвоили ученое звание профессора без защиты диссертации, а с 1937 г. он возглавил кафедру китайского языка, сначала все на том же Восточном отделении, а в 1939—1942 гг. в Высшей спецшколе РККА. Параллельно он преподавал китайский

⁷ Излагаемые данные о В. С. Колоколове взяты из библиографической справки, составленной для Архива востоковедов (АВ) при СПбФ ИВ РАН сотрудником этого архива К. В. Дубковым.

язык в ряде высших учебных заведений и русский язык в Коммунистических университетах трудящихся Востока (КУТВ) и трудящихся Китая (КУТК им. Сун Ят-сена). Так многие китайские эмигранты в СССР и подавляющее большинство московских китаистов стали его учениками. В эти же довоенные годы он создает ряд учебных пособий⁸. Но самым важным его пособием в этот период стал составленный им китайско-русский словарь⁹. Ценность этого совсем небольшого словаря не только в том, что он вплоть до выхода в свет словаря под редакцией И. М. Ошанина (1952) оставался единственным общедоступным словарем китайского языка, по которому учились все китаеведы моего поколения в Москве и Ленинграде. Важно также то, что В. С. Колоколов впервые применил здесь как основу построения словаря графическую систему расположения иероглифов, предложенную в середине XIX в. акад. В. П. Васильевым и усовершенствованную О. О. Розенбергом¹⁰. Заслуга В. С. Колоколова состояла еще и в том, что он возродил для всеобщего употребления эту полузабытую систему.

После увольнения в запас в 1947 г. В. С. Колоколов продолжает преподавать в Военной академии им. М. В. Фрунзе, а в 1950 г. переходит в Институт востоковедения АН СССР. Переехав в 1955 г. в Ленинград, он работает до выхода на пенсию (1970) в Ленинградском отделении Института¹¹. Умер В. С. Колоколов в Ленинграде 18 февраля 1979 г.

⁸ Из них наиболее важные: 1) Китай: Страна, население, история. М., Военизгиз, 1924 (совместно с И. Мамаевым); 2) Учебник китайского языка. Курс II. М., 1933; 3) Этимологический анализ основных иероглифов по Шавангуну, Вигеру и Васильеву [Б. м., б. г.].

⁹ Колоколов В. С. Краткий китайско-русский словарь по графической системе, включающий важнейшие военные термины. М.: Гос. изд-во «Советская энциклопедия», 1935. Переиздан в 1947 г.

¹⁰ См.: Васильев В. П.: 1) Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. СПб., литогр. И. Тиблина и К*, 1867; 2) Анализ китайских иероглифов. Составлен для руководства студентов профессором СПб университета Васильевым. СПб., литогр. И. Тиблина и К*, 1866; Rosenberg O. Arrangement of the Chinese Characters According to an Alphabetical System. Tokio, 1916. После словаря В. С. Колоколова все отечественные китайско-русские словари используют как оптимальную русскую графическую систему (обозначаемую обычно как «система Васильева—Розенберга»). Из них важнейшие: Китайско-русский словарь / Под ред. И. М. Ошанина. М.: Гос. изд-во национальных и иностранных словарей, 1952 (неоднократно переиздавался); Баранова З. И., Гладиков В. Е., Жаворонков В. А., Мудров Б. Г. Китайско-русский словарь / Под ред. Б. Г. Мудрова. М.: Русский язык, 1980; Большой китайско-русский словарь. По русской графической системе в четырех томах / Сост. коллективом китаистов под рук. и ред. проф. И. М. Ошанина. М.: ГРВЛ, 1983—1984.

¹¹ По документам официальный перевод В. С. Колоколова из московской части Института востоковедения в его Ленинградское отделение состоялся в 1957 г., но

В. С. Колоколов, будучи воспитанником старой китайской школы, четко определял для себя, что изучение любых областей китайской истории и культуры невозможно без твердого усвоения книг конфуцианской классики, так называемых «Четверокнижия» («Сы шу») и «Пятикнижия» («У цзин») ¹². Поэтому, не отказавшись от безвозмездных занятий с желающими по китайскому языку и письменности, он сосредоточил свое внимание на переводе двух основных книг, где изложено конфуцианское учение, а именно «Суждений и бесед» и «Мэн-цзы». Эти две книги являются наиболее полным изложением взглядов основоположников учения Кун Цю (Конфуция) и Мэн Кэ (Мэн-цзы). Перевод «Суждений и бесед» не нашел своего издателя ¹³. Дело в том, что В. С. Колоколов, вслед за одним из китайских педагогов, отказался от классического вида памятника, составленного из небольших фрагментов, фиксирующих, что и когда сказал Учитель (т. е. Конфуций) ¹⁴ по тому или иному поводу, причем прямая связь между этими фрагментами весьма проблематична. В. С. Колоколов принял порядок, принятый в учебном тексте упомянутым педагогом, а именно, тематическое расположение материала, отступив от общепринятого канонического вида «Суждений и бесед», т. е. создав таким образом совсем другое произведение. И хотя он настаивал на этом своем порядке, его перевод в таком виде принят не был. При отсутствии удовлетворительного точного перевода памятника (а В. С. Колоколов утверждал, что все прежние переводы никуда не годятся) из-

фактически он переехал в Ленинград и стал здесь активным участником научной работы и заседаний в начале 1955 г.

¹² В «Четверокнижие», составлявшее первый этап обучения классическим книгам, входили: «Великое учение» («Да сюэ»), «Центр и неизменность» («Чжун юн»), «Суждения и беседы» («Лунь юй») и книга «Мэн-цзы», перевод которой сегодня предлагается читателю. «Пятикнижие» состоит из книг, к формированию или редактированию которых Конфуций имел отношение, но материалы которых существовали до него: «Книга перемен» («И цзин»), «Древнейшие записи» («Шан шу» или «Шу цзин»), «Книга песен» («Ши цзин»), «Летопись» («Чунь-цю», составлена Конфуцием по архивам владения Лу), «Книга установлений» («Ли цзи», в основе ее лежат древние книги ритуала и установлений Чжоу ли и И-ли).

¹³ АВ, ф. 144, оп. 1, ед. хр. 6—15. Включают разные варианты перевода, примечания и статьи.

¹⁴ Во многих фрагментах перед очередным суждением стоит не «Учитель сказал», но «Цзы-Гун сказал» или «Цзы-Лу сказал», т. е. высказывание соотносится с одним из учеников Конфуция. Это дало основание приписывать такие высказывания иным, чем Учитель, лицам. Так, у П. С. Попова перевод озаглавлен: «Изречения Конфуция, учеников его и других лиц». Думается, что это неточно. Дело в том, что, по утверждению традиции, после смерти Учителя его ученики собрались, сверили свои записи сказанного им и составили из них эту книгу. Тогда слова типа «Цзы-Гун сказал» означают, что данная запись есть только у Цзы-Гуна. Иначе непонятно, почему все сказанное твердо соотносится с Конфуцием.

дание его по-русски в искаженном виде было бы непозволительной роскошью. В Китае — другое дело. Там «Суждения и беседы» издавались и переиздавались множество раз в их первоизданном виде, и наличие иначе классифицированного текста воспринималось как очевидная интерпретация.

Переводя «Мэн-цзы», В. С. Колоколов не стал прибегать к столь сомнительным операциям, и в результате мы имеем полную русскую версию памятника в сложившемся традиционном виде, причем перевод выполнен одним из самых больших знатоков китайского языка, классического и нового. В тексте «Мэн-цзы» философ обильно цитирует предшествующие ему более древние тексты, подтверждая ими справедливость собственных высказываний. И первое, что обнаружил переводчик, — это неполное соответствие многих выдержек, как их привычно толкуют и переводят, тому контексту, в который они у Мэн-цзы поставлены. Во всех таких случаях В. С. Колоколов сделал новый перевод этих цитат так, чтобы они согласовались со сказанным философом. Это представляется справедливым: вряд ли Мэн-цзы понимал основополагающие для его учения тексты хуже, нежели мы понимаем их сейчас, спустя более чем два тысячелетия. Логичнее полагать, что Мэн-цзы их читал с большим знанием, чем мы. Следующее наблюдение В. С. Колоколова состояло в том, что общепринятые переводы основополагающих конфуцианских принципов (и шире — терминов всей древнекитайской философии), например, *жэнь* 仁 как «гуманность», *и* 義 как «долг», *ли* 禮 как «ритуал» и т. п., зачастую не вписываются или плохо вписываются в общий контекст высказываний, их включающих¹⁵. Поэтому при переводе для многих важнейших терминов В. С. Колоколов, как и В. М. Алексеев, выбирает иные русские эквиваленты, более точно, по его мнению, отражающие истинное содержание этих терминов. Обоих авторов не смущает, что при этом приходится идти наперекор уже сложившейся традиции, но их новые интерпретации тоже между собой нередко расходятся. Так, у Колоколова *жэнь* «беспристрастность», у Алексеева «истинно-человеческое», у Колоколова *ли* «благопристойность», «благолепие», у Алексеева «чинное поведение» и т. п.

Переводы В. С. Колоколова первоначально взялся курировать акад. Н. И. Конрад в качестве ответственного редактора. Однако по-

¹⁵ Аналогичные сомнения испытывал при переводе «Суждений и бесед» акад. В. М. Алексеев. Он также избирал для этих терминов не те слова, которые у китаеведов стали уже стандартными. Так, то же слово *жэнь*, стандартно «гуманность», В. М. Алексеев переводит как «истинно-человеческое (начало)»; *ли*, стандартно «ритуал», — как «чинное поведение» (см. обоснование этого перевода в его «Китайской литературе», с. 440—441); *цзюньцзы*, стандартно «благородный человек», — как «достоинейший человек» (см. обоснование там же, с. 431) и т. п.

сле ознакомления с уже сделанным ответственный редактор остался недоволен новшествами переводчика и предложил ему вернуться к старым терминологическим интерпретациям, которые Н. И. Конраду представлялись вполне удовлетворительными. В. С. Колоколов, уже избравший для себя иной путь, понятно, к исходным терминам вернуться не мог, о чем — в выражениях достаточно определенных — и сообщил Н. И. Конраду. Кончилось это тем, что Н. И. Конрад отказался быть ответственным редактором издания и, более того, лишил работу В. С. Колоколова своей авторитетной поддержки¹⁶. В этом одна из основных причин того, что издание перевода задержалось на столь долгий срок.

Но была и другая причина. Когда перевод был готов, В. С. Колоколов ознакомил с ним автора этих строк (и даже подарил мне третий экземпляр машинописной копии). Я тогда обратил внимание переводчика на то, что среди китайских эстампажей, снятых с каменных стел с текстами различных сочинений и собранных В. М. Алексеевым во время его посещений Китая в 1906—1909, 1912 и 1926 годах, есть и эстампаж со стелы, на которой выбит в 837 г. полный текст «Мэн-цзы» в ряду других восьми конфуцианских классиков¹⁷. Сейчас эти стелы хранятся в эпиграфическом музее Бэйлинь («Лес стел») в г. Сиани, центре пров. Шэньси, а в первом тысячелетии новой эры — одной из столиц Китая, тогда именовавшейся Чанъань. Этот «каменный текст» был самой ранней надежной фиксацией трактата «Мэн-цзы» — до этого времени строгие ортодоксы находили в нем слишком много неприемлемого с точки зрения государственной идеологии. Например, Мэн-цзы утверждал, что если государь ведет себя не так, как положено государю, если он по своим нравственным качествам напрасно носит титул государя, то люди достойные, образцовые во всех отношениях (не «народ», конечно) могут исправить это положение, сменив государя на другого, который будет соответствовать тому слову, которым его называют. Поэтому «Мэн-цзы» в число конфуцианских классиков долго не входил, и в китайских библиографиях помещался не в отделе «Классики (конфуцианского канона)», а в отделе «Философы».

¹⁶ Переписка Н. И. Конрада (24 письма 1951—1970 гг.) и В. С. Колоколова (8 писем 1964—1970 гг.) хранится в архиве В. С. Колоколова: АВ, ф. 144, оп. 2, ед. хр. 32 и 127.

¹⁷ Историю этих стел см.: *Алексеев В. М.* Стела IX века об основании первого этнографического музея (примеч. Л. Н. Меньшикова) // *Эпиграфика Востока*. 1985. Т. 23. С. 29—37. Полное описание этих стел, подготовленное В. М. Алексеевым в 1918 г., осталось в корректуре и напечатано не было. В настоящее время подготовлено к печати в альманахе «Петербургское востоковедение» (ПВ) вместе с указанной статьей, которую В. М. Алексеев писал в качестве предисловия к описанию эстампажей.

В. С. Колоколов с жаром принялся за подготовку эстампажей «Мэн-цзы», думая напечатать их в качестве приложения к переводу и надеясь снабдить публикацию индексом, соотносящим друг с другом текст эстампажа и текст перевода. Эту работу В. С. Колоколов только начал, выяснив порядок расположения текста «Мэн-цзы» на эстампажах, но продолжить уже не смог.

Перевод, который автор его считал вполне законченным, снабженный аннотированным индексом встречающихся в «Мэн-цзы» имен, после смерти В. С. Колоколова много лет пролежал без движения. За это время положение с переводом на русский язык конфуцианской классики практически никак не изменилось. Поэтому предлагаемый перевод сохраняет свою актуальность как в общем плане, так и для образовательных целей — у нас до сих пор все еще нет удовлетворительных пособий для изучения конфуцианской классики и конфуцианской мысли. Все сказанное позволяет нам взять на себя смелость предложить русскому читателю полный перевод «Мэн-цзы», выполненный В. С. Колоколовым двадцать лет назад¹⁸.

Здесь необходимо сделать оговорку. Мы издаем перевод В. С. Колоколова без всяких изменений и поправок за исключением одной детали. Автор перевода придерживался несколько иной транскрипции китайских слогов, чем это принято ныне: он писал *мын*, *пын*, *фын* и т. п. вместо современных *мэн*, *пэн*, *фэн*. Поскольку издание предназначено для широкого круга читателей не менее, чем для специалистов, мы сочли возможным во избежание разнобоя заменить указанные устаревшие транскрипции на современные общепринятые, предупредив об этом читателя.

Л. Н. Меньшиков

¹⁸ В настоящее время готовится к печати исследование конфуцианской мысли, принадлежащее А. С. Мартынову, с приложением выдержек из «Мэн-цзы», переведенных И. Т. Зограф. Я уверен, что по выходе из печати эта книга станет этапной в истории изучения конфуцианской классики. Однако в работе не будет полного перевода «Мэн-цзы», и сказанное о переводе В. С. Колоколова и после выхода указанного исследования останется справедливым.

孟

子

ГЛАВА ПЕРВАЯ*

ЛЯНСКИЙ ВАН ХУЭЙ

Часть первая
(7 статей)

1.1. Мэн-цзы свиделся с Лянским правителем — ваном Хуэем. Ван сказал:

«Старец! Не посчитав далеким расстояние в тысячу ли, ты все же пришел сюда, значит, тоже имеешь сказать нечто такое, что принесет выгоды моему владению?»

Отвечая ему, Мэн-цзы сказал:

«Ван! Зачем обязательно говорить о выгодах? Есть ведь также нелюбезность и справедливость, вот и все. Если вы, ван, будете спрашивать: „Чем принесешь выгоды моему владению?“ — за вами сановники-дафу будут спрашивать: „Чем принесешь выгоды нашим семьям?“ — служилые люди-ши и простой народ тоже будут спрашивать: „Чем принесешь выгоды нам лично?“ Верхи и низы станут нападать друг на друга в погоне за выгодой, и владение ваше окажется в опасности! Тогда во владениях, располагающих десятью тысячами боевых колесниц, убийцами своих правителей обязательно будут семьи, имеющие по одной тысяче колесниц; во владениях, располагающих тысячей колесниц, убийцами своих правителей будут семьи, имеющие по одной сотне колесниц. Не делающих так будет не много, беря тысячу из десяти тысяч и сотню из тысячи.

Если действовать так, чтобы ставить справедливость напоследок, а в первую очередь ставить выгоды, то пресыщения не наступит, пока все не будет отнято.

* Рубрификация дана по пекинскому изданию «Мэн-цзы и чжу» 孟子譯註 1960 г. Первые цифры обозначают главы, а вторые — статью.

Таких людей, которые, будучи нелюбимыми, бросали бы своих родителей, не бывает; таких людей, которые, будучи справедливыми, ставили бы позади себя своих господ, не бывает.

Ван, будем же говорить только о нелюбимости и справедливости, вот и все. Зачем обязательно говорить о выгодах?»

1.2. Мэн-цзы свиделся с Лянским ваном Хуэем. Ван стоял у пруда и, глядя на лебедей, диких гусей, ланей и оленей, спросил:

— Просвещенные правители радуются ли всему этому тоже?

Мэн-цзы ответил ему:

«Да, радуются, но только после того, как становятся просвещенными; непросвещенные же вовсе не радуются, хотя и обладают всем этим.

В Стихах говорится:

В начале стройки башни дивной
 Все мерили да и подсчет вели всему,
 А как взялся простой народ за дело,
 Он соорудил так скоро, что не прошло и дня тому.
 Ее строение началось совсем без спешки:
 Покорным сыном простой народ явился сам.
 И вот гуляет ныне ван в саду своем,
 Ручные лани и олени спешат к его ногам.
 Все словно умытые, они лоснятся,
 И птицы белые, как журавли, возле него кружатся.
 Вот ван у дивного пруда стоит,
 Как рыбы пляшут в нем, глядит (1).

Правитель Вэнь-ван соорудил с помощью силы народной и башню, и пруд, а народ веселился и радовался этому. Он назвал эту башню дивной, назвал этот пруд тоже дивным. Народ радовался, что там были лани и олени, рыбы и черепахи. С древних времен повелось, чтоб именитые люди и простой народ радовались вместе, потому-то они и могли радоваться.

В „Клятве Тана“ сказано:

„Почему все еще не оплакивают тебя, «солнце» * этакое?! Пусть погибну с тобой и я, [пусть даже] вместе!“ (2)

* Имеется в виду правитель Цзе при династии Ся, тиранивший народ, любивший называть себя Солнцем (кит. комментарий).

Разве может правитель, имея башни, пруды, редких птиц и зверей, радоваться всему этому один, когда народ так желает его гибели, что даже готов погибнуть, хотя бы и вместе с ним?»

1.3. Лянский ван Хуэй воскликнул: «Уж я ли не источаю все помыслы для блага своего владения? Когда в Хэ-нэй наступает лихолетье, тогда я переселяю тамошний народ в Хэ-дун, а оттуда перевожу провиант в Хэ-нэй. Точно так я поступаю и когда в землях восточнее Реки случается лихолетье. Наблюдая же образ правления в соседних владениях, я не нахожу там правителей, которые так напрягали бы свои помыслы, как я. Почему же население в соседних владениях не уменьшается, а мое население не увеличивается?»

Мэн-цзы ответил ему: «Ван, вы любите воевать, так позвольте же мне привести вам в пример битву. Вот грянули барабаны, но когда оружие воинов скрестилось, ваши воины, побросав латы и волоча за собой оружие, побежали. Одни остановились, пробежав сто шагов, а другие остановились, пробежав только пятьдесят шагов. Как бы вы отнеслись к тому, если пробежавшие пятьдесят шагов стали бы высмеивать тех, кто пробежал сто шагов?»

Ван ответил: «Не позволил бы! Расправился бы только с теми, кто не пробежал ста шагов, — эти ведь тоже бежали!»

На это Мэн-цзы сказал:

«Ван, если вы так поняли этот пример, то не надейтесь, что у вас народу станет больше, чем в соседних владениях.

Не нарушайте сроков полевых работ, и хлеба у вас будет не под силу съесть. Не закидывайте густых сетей в пруды и водоемы, тогда рыб и черепах тоже не под силу будет съесть. Ходите в лес с топорами и секирами в надлежащее время, и древесины у вас будет не под силу извести. Когда будет не в силах съесть хлеба, рыб и черепах, когда будет не под силу извести древесину, тогда это и позволит народу не сетовать, как прокормить народившихся и как похоронить умерших. Если не будет таких сетований, тогда и наступит начало настоящего вановского пути в управлении народом.

Все усадьбы в пять му засадите тутовыми деревьями. Тогда сможете одеть в шелковые одежды и тех, кому пятьдесят лет. В вы-

гонах для разведения кур, поросят, собак и свиней не упускайте положенного времени для их размножения. Тогда сможете накормить мясом и тех, кому семьдесят лет. На полях в сто му не отвлекайте людей от времени полевых работ, и тогда семьи, даже со многими едоками, смогут не знать голода. С уважением относитесь к обучению в школах для младших и старших, распространяйте в них понимание смысла почитания родителей и братской любви, тогда те, кто с проседью, не будут больше носить за спиной и таскать на головах тяжести по дорогам. Не может быть, чтобы не был ваном такой правитель, при котором одевались бы в шелка и питались мясом даже те, кому семьдесят лет, а простой народ не голодал бы и не мерз от холода.

Кормить собак и свиней пищей для людей и не знать меры бережливости, допускать, чтоб на дорогах попадались трупы умерших от голода, и не знать, как выдавать вспомоществование; говорить, когда люди мрут: „Это не я виноват, а год такой!“ — какая же во всем этом разница с тем, кто, кольнув человека острым оружием, убьет его и скажет: „Это не я виноват, а оружие“? Ван, не возводите вину на неурожайные годы. Вот тогда народы всей Поднебесной сами придут к вам».

1.4. Лянский ван Хуэй сказал:

— Я хотел бы спокойно выслушать твои поучения!

Мэн-цзы, отвечая ему, спросил: «Есть ли разница, чем убить человека: дубиной или клинком?» Тот ответил: «Никакой разницы нет!»

Мэн-цзы еще спросил: «Есть ли разница: убить клинком или образом правления?»

Тот ответил: «Нет никакой разницы».

Тогда Мэн-цзы сказал:

«Вот у вас на кухне есть жирное мясо, в конюшнях стоят упитанные кони, а у народа истощенный вид от голода, на пустырях попадаются трупы умерших с голоду. Это и значит „выпускать диких зверей на пожирание людей“. А ведь людям нестерпимо видеть даже то, как звери пожирают друг друга. Как же вы, пребывая в положении отца и матери своего народа, проводите образ правления вана и все же не избегаете того, чтоб „выпускать диких зверей на пожирание людей“?»

Ведь еще Чжун-Ни говорил: „Не было своего потомства у того, кто первый изготовил деревянную куклу (для сопребания. — В. К.)“. Эти куклы делают похожими на людей и пользуются ими вместо живых людей. Но как же может быть, чтоб они * заставляли этот народ ваш голодать и помирать!»

1.5. Лянский ван по имени Хуэй (обращаясь к Мэн-цзы. — В. К.) сказал:

«Старец! Тебе ведь известно, что из всех владений в Поднебесной сильнее моего владения Цзинь не было. Говоря же о себе, скажу тебе, что на востоке я потерпел поражение от правителя владения Ци, мой старший брат погиб там; на западе я потерял семьсот ли земли, которая перешла к владению Цинь, а на юге терплю оскорбления от владения Чу. Я стыжусь всего этого и хочу разом смыть позор ради тех, кто подвергся смерти. Как же мне поступить, чтоб это стало возможным?»

Отвечая ему, Мэн-цзы сказал:

«Можно быть ваном и на земле в одну сотню ли по всем ее четырем сторонам. Ван, если вы будете проводить нелицеприятность в правлении, смягчите казни и наказания, уменьшите налоги и пошлины, введете глубокую вспашку и облегчите труд полоть сорняки, тогда те, кто в зрелом возрасте, в свободное от работы время будут совершенствоваться в воспитании [чувств] сыновнего почтения и братской любви, преданности и верности [в служении правителю]. Возвращаясь с работы, они дома будут прислуживать отцу и своим старшим братьям, а выходя на работу из дому, будут прислуживать своим старшим по возрасту и вышестоящим. Тогда вы сможете послать их пусть даже с дубинами в руках, и [то] они разобьют ими прочные латы и острое оружие ваших врагов из [владений] Цинь и Чу.

Ибо правители тех владений отнимают благоприятное время для полевых работ у своего народа, не позволяют ему вовремя ни пахать, ни полоть, дабы вырастить урожай на содержание своих родителей. Их отцы и матери мерзнут и голодают, жены и дети

* Здесь Мэн-цзы выступает против распространителей суеверия в отношении душ умерших. — *Примеч. пер.*

разбредаются в разные стороны. Правители тех владений завлекают свой народ в трясины, и, если вы, ван, нападете на них, кто же из них сможет устоять против вас? Вот почему и говорят: „Кто нелицеприятен, для того нет супостата!“ Прошу вас, ван, не сомневайтесь в этом!»

1.6. Мэн-цзы свиделся с Лянским правителем — ваном Сяном. Выйдя от него, он сказал окружающим людям:

«Поглядел я на него и не нашел в нем сходства с достойным правителем людей. Подошел я к нему и не почувствовал ничего, что внушило бы благоговейный страх перед ним. Он сразу же спросил меня: „В чем утвердится порядок в Поднебесной?“ Отвечая ему, я сказал: „Утвердится в единстве“. — „Кто же из нас, правителей, сможет объединить Поднебесную?“ — Я ответил: „Объединить ее может тот, кто не падок к умерщвлению людей“. — „Кто же из нас, правителей, будет соучаствовать с таким?“ — Я ответил: „В Поднебесной не окажется никого, кто не соучаствовал бы с ним. Вы же знаете, ван, что если произойдет засуха в промежутке между седьмой и восьмой луной*, то всходы засохнут. Но когда по небу поплывут набухшие облака и обильными ливнями пройдут дожди, нивы бурно поднимутся, — когда все это случится, кто же сможет тогда противиться их произрастанию?»

Ныне же в Поднебесной среди правителей нет таких, кто не был бы падок к умерщвлению людей, но если окажется такой, кто не будет падким к умерщвлению людей, тогда народы Поднебесной все пойдут за ним и будут уповать на него. Если бы взаправду так произошло, народы покорились бы ему с такой же готовностью, с какой вода стекает вниз. Однако, если вода сразу обильно низвергнется, кто тогда сможет воспротивиться ей?»

1.7. Сюань-ван, правитель владения Ци, спросил Мэн-цзы:

— Могу ли осведомиться у тебя, каковы были деяния Цинского правителя Хуаня и Цзиньского правителя Вэня?

* В эпоху, когда жил Мэн-цзы, год начинался с осени, после сбора урожая (примерно в сентябре или октябре), весна начиналась с седьмой луны (т. е. с середины или конца февраля). — *Примеч. пер.*

Мэн-цзы на это ответил:

— О деяниях Хуаня и Вэня никто из учеников Чжун-Ни ничего не передавал, а потому в последующих поколениях не сохранилось предания о них, и я, ваш покорный слуга, никогда об этих деяниях ничего не слышал. Не будь безысходного положения в стране, вряд ли [они] сделались бы ванам.

Сюань-ван спросил:

— Какими же нужно обладать качествами, чтоб можно было стать ваном?

Мэн-цзы ответил:

— Оберегайте народ свой и будете ваном. Тогда никто не сможет противостоять вам.

Сюань-ван спросил:

— А такой, как я, сможет ли оберегать свой народ?

Мэн-цзы ответил:

— Сможет!

Сюань-ван спросил:

— Отчего же ты знаешь, что я смогу?

Мэн-цзы ответил:

— Мне, вашему покорному слуге, довелось слышать от Ху Хэ о том, как вы, ван, как-то раз восседали на троне в судебном зале, а внизу кто-то проходил мимо и тащил за собою быка. Вы увидели того человека и спросили его: «Куда тащишь быка?» Тот ответил вам: «Буду окроплять кровью быка новый колокол». Тогда вы велели ему: «Оставь быка. Я не могу вынести его трепета, словно у невинного, которого ведут на место казни!» Тот возразил вам: «Если так, значит ли это, что обряд окропления новых колоколов отменяется?» На это вы ответили: «Как же можно отменять! Замени быка бараном!» Не знаю, так ли это было?

Сюань-ван ответил:

— Да, так.

Тогда Мэн-цзы сказал:

— Такого сердца вполне достаточно, чтоб быть ваном. В народе все считают, что вам приглянулся бык, но ваш покорный слуга твердо знает, чего вы, ван, не вынесли.

Ван ответил:

— Да, в народе наверняка есть такие, которые так считают. Мое владение Ци хоть маленькое и ничтожное, но чего мне зариться на какого-то быка? Я действительно заменил его на барана только потому, что не смог вынести его трепета, словно у невинного, которого ведут на место казни!

Мэн-цзы ответил:

— Ван, вы не удивляйтесь тому, что народ счел, что вам приглянулся бык. Откуда ему знать, почему вы малым животным заменили большое? Ведь если вы в самом деле пожалели животного, как невинного, которого ведут на место казни, то скажите, зачем же вы делали выбор между быком и бараном?

Ван засмеялся и спросил:

— Скажи по правде, какое же у меня сердце? Я ведь не из любви к такому богатству, как бык, заменил его на барана. Подобаает ли, чтобы народ называл меня любящим богатство?

Мэн-цзы ответил:

— Это не повредит вам: таков должен быть у вас способ проявлять нелюбовность. Вы видели быка, но не представили себе барана. Добропорядочные мужи по отношению к зверям и птицам держат себя так: когда те живы, они любят их, но когда тех умерщвляют, они не выносят этого зрелища. Слыша их вопли, добропорядочные мужи не в силах вкушать их мясо. Потому-то эти мужи стараются быть подальше от боен и кухонь.

Ван обрадовался и сказал:

— Это о тебе, мудрец, сказано в Стихах: «Угадываю о том, что у другого на сердце» (3). Но если бы я занялся угадыванием, мне все равно не удалось бы разгадать даже свои веления сердца, как бы я ни выворачивался наизнанку. Когда ты заговорил о моем сердце, оно так и забилося во мне. Объясни же мне, по какой причине ты считаешь, что такое сердце, как у меня, подходит для вана?

На это Мэн-цзы сказал:

— Дозволите ли вы кому-либо доложить вам о себе так: «У меня достаточно сил, чтобы поднять груз весом в сто цзюнь*»,

* Цзюнь — гиря, приблизительно равная 10 кг. — *Примеч. пер.*

но не хватит сил на то, чтоб поднять перышко» или «у меня хватит зренья на то, чтоб разглядеть кончик осенней паутинки, но его недостаточно, чтобы разглядеть воз хвороста?»

Ван ответил:

— Нет! Не дозволил бы.

Тогда Мэн-цзы спросил:

— Почему же в данное время у вас, ван, достаточно милосердия, чтобы распространить его на птиц и зверей, между тем действие такого милосердия вы не доводите до вашего народа? В таком случае и перышко не поднимет тот, кто для этого не приложит никаких сил; воз хвороста не приметит тот, кто для этого не воспользуется зрением. Вот и народ не получит защиты, если для этого не будет использовано милосердие ваше. Следовательно, бесправие вана не в том, что он не может действовать, а в том, что он не действует.

Ван спросил:

— Как же отличить по внешнему виду бездействие от невозможности действовать?

Мэн-цзы ответил:

«„Обопритесь на гору Тайшань и перескочите через море Бэйхай“. Вы скажете: „Я не могу“. Вот это и будет действительная невозможность. „Разотрите руки и ноги престарелому!“ Вы скажете: „Я не могу!“ Вот это и будет бездействие, отнюдь не невозможность действовать.

Следовательно, бесправие правителя не является такого рода невозможностью действовать, как, скажем, опереться на гору Тайшань и перескочить море Бэйхай, а является бездействием такого же рода, как при отказе растирать конечности престарелому.

Уважение к своим старцам распространите и на чужих старцев, а жалость к своим младенцам — ко всем другим, и тогда всю Поднебесную сможете держать у себя, как в ладони.

В Стихах говорится: „Он [Вэнь-ван] явил для своей жизни пример, который достиг его старших и младших братьев, вследствие чего и распространился по всему государству“. Речь идет лишь о том, чтоб возбудить в себе такие чувства сердца и приложить их к другим, только и всего.

Следовательно, чтобы охранять всю землю, омываемую четырьмя морями, достаточно распространить милосердие; без распространения милосердия нечем будет оберегать даже свою жену и детей. С древности повелось, что люди намного превосходят других ничем иным, как умелым распространением своей деятельности, вот и все.

Почему же в данное время у вас, ван, достаточно милосердия, чтоб распространить его на птиц и зверей, между тем действие такого милосердия вы не доводите до вашего народа?

Взвесьте вещь и тогда узнаете, легка она или тяжела; измерьте вещь и тогда узнаете, длинна она или коротка. Так поступают со всеми вещами, тем более следует поступать так и со своим сердцем. Прошу вас, ван, измерьте его!

Или вы, ван, полагаете, что возразуетесь в сердце своем после того, как поднимете оружие, поставите на край гибели воинов и слуг ваших, сорвете обиды свои на владетельных князьях?»

Ван ответил:

— Нет, не то! Какая мне радость от этого? Я поведу войско, чтобы добиться моего наибольшего желания.

Мэн-цзы спросил:

— Можно ли узнать, что является вашим наибольшим желанием?

Ван засмеялся и перестал говорить. Мэн-цзы стал спрашивать:

— Может, яства, приготовленные для ваших уст, недостаточно жирные и сладкие? Одежды для вашего тела недостаточно легкие и теплые? Или убранства, изготавливаемые для ваших очей, недостаточно красивы и цветисты? Голоса и звуки певцов и музыкантов для ваших ушей недостаточно благозвучны? Любимцы ваши недостаточно угождают вам исполнением ваших повелений? Но ведь подвластных вам слуг вполне достаточно, чтобы удовлетворить вас всем этим. Ах, ван! Неужели ради всего этого вы хотите войны?

Ван ответил:

— Нет! Я хочу не ради этого!

Мэн-цзы сказал:

— Если так, то узнать, что является вашим наибольшим желанием, вполне возможно, ван! Вы хотите расширить ваши земли,

принимать при своем дворе правителей Цинь и Чу в качестве подданных, хотите занять положение Срединного государства и умиротворить варваров четырех стран света. Но судя по тому, как вы действуете, как добиваетесь своего желанья, это походит на то, что лезть на дерево и искать там рыбу.

Ван воскликнул:

— Не слишком ли сильно такое сравнение?

Мэн-цзы ответил:

— Пожалуй, больше того! Полезешь на дерево за рыбой, хоть и не добудешь ее, но и беды после этого не произойдет никакой. Судя по тому, как вы действуете, как добиваетесь своего желанья, если вы совершите это, изоцщрив все свое сердце, то после обязательно случится беда.

Ван спросил:

— Можно ли послушать ваши доводы?

Мэн-цзы начал так:

— Предположим, что жители владения Цзоу станут сражаться с владением Чу. Как, по-вашему, ван, кто кого одолеет?

Ван ответил:

— Одолеют жители владения Чу.

На это Мэн-цзы сказал:

«Если так, то, значит, вы утверждаете, что малый, безусловно, не может противостоять большому; один, безусловно, не может противостоять многим; слабый, безусловно, не может противостоять сильному.

В пределах, омываемых [четырьмя] морями (т. е. в Поднебесной. — В. К.), имеется всего девять таких земель, которые насчитывают по тысяче ли с каждой из четырех сторон. Ваше владение Ци, собранное вместе, составит только одну из этих девяти земель. Так чем же будет отличаться положение владения Цзоу, противостоящего владению Чу, от стремления правителя одной из земель покорить правителей восьми других? Почему бы не вернуться для решения этого вопроса к его началу?

Предположим, что отныне вы, ван, приметесь за дела управления и будете применять нелицеприятность в отношении к подданным. Это приведет к тому, что все служилые люди-ши в Под-

небесной захотят получить место у вас при дворе, все земледельцы захотят распахать ваши пустоши; купцы и торговцы захотят хранить свои товары в ваших складах и лабазах, странствующие и путешествующие захотят появляться на ваших дорогах; все в Поднебесной, недовольные своими властителями, будут желать принести вам свои жалобы. Пусть все будет так, тогда кто же из правителей сможет устоять против всего этого?»

Ван сказал:

— Я неразумен, я не могу постичь этого. Хочу, чтобы ты, мудрец, помог моему желанию. Поясни свою мысль, чтобы научить меня. Я хоть и несмышлен, прошу все же чаще испытывать меня в этом.

Мэн-цзы сказал:

«Хранить постоянство в сердце при отсутствии постоянного имущества могут одни только служилые люди-ши. Если же говорить о народе, то отсутствие постоянного имущества служит причиной отсутствия у него постоянства в сердце. А если нет такого постоянства, то будет совершаться все: и разнузданность, и распушенность, и извращенность, и расточительность. Ждать, когда люди запутаются в преступлениях, а потом только преследовать их по суду и наказывать — это значит ловить народ в сети закона. Может ли быть, чтобы на посту правителя находился человек, с нелюбезностью относящийся к людям, между тем народ ловили бы в сети, а он, правитель, допускал совершение этого?»

Вот почему разумному государю надо обязательно так распоряжаться народным имуществом, чтобы люди, взирая вверх на своих родителей, имели достаток для служения им, а глядя вниз на чада свои, имели достаток для содержания жен и детей, чтоб в радостные годы были сыты на всю жизнь, а в лихие годы избегали угрозы гибели и смерти; только после достижения этого правитель будет устремлять народ к совершению добрых дел, а потому и повинование ему со стороны народа окажется легким делом.

Ныне же народным имуществом распоряжаются так, что люди, взирая вверх на своих родителей, не имеют достатка, чтобы прокормить их, а глядя вниз на свои чада, не имеют достатка для прокормления жен и детей. В радостные годы они терпят горе, а в лихие годы неизбежно гибнут и умирают.

При таком положении народа, когда только думаешь, как спасти людей от смерти, и боишься того, что на это не хватит пожертвований, остается ли еще время на то, чтобы заниматься внушением народу правил приличия [вежливости] и долга справедливости?

Ван, если вы хотите осуществить все это, то почему бы не вернуться для решения этого вопроса к его началу?

Все усадьбы в пять му засадите туговыми деревьями. Тогда сможете одеть в шелковые одежды и тех, кому пятьдесят лет. В выгонах для разведения кур, поросят, собак и свиней не упускайте положенного времени их размножения. Тогда сможете накормить мясом и тех, кому семьдесят лет.

На полях в сто му пахотной земли не отвлекайте людей от полевых работ, тогда семьи даже по восемь едоков не будут голодать.

Относитесь с большим вниманием к обучению в школах для младших и старших, излагайте в них смысл и значение почитания родителей и братской любви к людям, тогда на дорогах не будут попадаться пожилые люди с проседью в волосах с тяжелой ношей за плечами.

Чтобы состарившиеся одевались в шелка и ели мясную пищу, простой народ не страдал ни от голода, ни от холода, а их правитель-ван между тем был не [настоящим] ваном, — такого еще не бывало!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛЯНСКИЙ ВАН ХУЭЙ

Часть вторая
(16 статей)

2.1. Чжуан Бао явился к Мэн-цзы и сказал ему:

— Я, Бао, был на приеме у Сюань-вана — правителя владения Ци, и он завел со мною разговор о любви к музыке, я же не знал, что мне ответить ему. Объясни, что такое любовь к музыке?

Мэн-цзы ответил:

— Если у вана любовь к музыке очень велика, то это почти все, что требуется для приведения страны Ци в порядок!

В другой раз, при свидании с ваном, Мэн-цзы спросил его:

— Ван! Когда-то вы завели речь с Бао о любви к музыке. Было ли это?

Ван изменился в лице и сказал:

— Я вовсе не способен обожать музыку прежних ванов, а люблю только современную простонародную музыку.

Мэн-цзы воскликнул:

— Если у вас, ван, [вообще] любовь к музыке очень велика, то это ведь почти все, что требуется для приведения страны Ци в порядок! Сама по себе музыка, будь то нынешняя или древняя, все равно есть музыка.

Ван удивленно спросил:

— Могу ли получить возможность услышать разъяснение?

Мэн-цзы в ответ на это сам задал вопрос:

— А что радостнее: наслаждаться музыкой одному или наслаждаться ею с людьми?

Ван ответил:

— С людьми несравненно радостнее.

Мэн-цзы продолжал:

— А что радостнее: наслаждаться музыкой с немногими или наслаждаться ею со всеми?

Ван ответил:

— Несравненно лучше со всеми.

Тогда Мэн-цзы сказал:

«В таком случае ваш покорный слуга просит разрешения сказать вам, что значит радость для правителя-вана.

Представьте себе, что сейчас вы развлекаетесь здесь музыкой. Простой народ слышит звуки ваших цимбал и барабанов, мелодии ваших флейт и свирелей, но все с насупленными бровями, недовольные, переговариваются друг с другом: „У нашего вана увлечение музыкой, но отчего же это приводит нас к крайним лишениям: отцы и сыновья не видятся друг с другом, старшие и младшие братья, жены и дети — все разлучены и разбрелись кто куда?“

Или представьте себе, что сейчас вы развлекаетесь здесь охотой. Простой народ слышит грохот ваших колесниц и топот копыт ваших коней, видит красоту перьев вашего головного убора и бунчуков ваших знамен, но все с насупленными бровями, недовольные, переговариваются друг с другом: „У нашего вана увлечение охотой, но отчего же это приводит нас к крайним лишениям: отцы и сыновья не видятся друг с другом, старшие и младшие братья, жены и дети — все разлучены и разбрелись кто куда?“

В этом нет иной причины кроме той, что вы не предаетесь радостям вместе с народом.

Теперь представьте себе, что вы развлекаетесь здесь музыкой. Простой народ слышит звуки ваших цимбал и барабанов, мелодии ваших флейт и свирелей. У всех приподнятое настроение и радостный вид, и они переговариваются друг с другом: „Знать, у нашего вана болезнь почти прошла! Чем же иначе объяснить, почему он может развлекаться музыкой?“

Или представьте себе, что сейчас вы развлекаетесь охотой. Простой народ слышит грохот ваших колесниц и топот копыт ваших коней, видит красоту перьев вашего головного убора и бунчуков ваших знамен. У всех приподнятое настроение и радостный вид, и они переговариваются друг с другом: „Знать, у нашего ва-

на болезнь почти прошла! Чем же иначе объяснить, почему он может развлекаться охотой?"

В этом нет иной причины кроме той, что вы предаетесь радостям вместе с народом.

Предавайтесь же радостям вместе с народом, и тогда будете настоящим ваном!»

2.2. Циский правитель Сюань-ван спросил у Мэн-цзы:

— Был ли у Вэнь-вана заповедник величиною в семьдесят ли по всем четырем сторонам?

Мэн-цзы ответил ему:

— Да, по преданиям, был.

Ван изумился и спросил:

— Неужто его величина была таковой?

Мэн-цзы в ответ сказал:

— А народу казалось, что он еще мал!

Тогда ван, недоумевая, сказал:

— В моем заповеднике сорок ли по сторонам, а народу кажется, будто он велик. Почему же так?

Мэн-цзы ответил:

«Заповедник Вэнь-вана был по сторонам величиной в семьдесят ли. В него ходили кто за травой и хворостом, а кто за фазанами и зайцами. Вэнь-ван дал право народу пользоваться заповедником сообща с собою. Поэтому народ и считал его маленьким. Разве в этом есть что-либо несуразное?»

Когда я, ваш покорный слуга, впервые дошел до границ ваших пределов, то прежде всего осведомился о главных запретах в вашем владении, после чего только осмелился вступить в него. Я узнал, что в пригороде у столичной заставы есть ваш заповедник в сорок ли по сторонам, в котором всякий, убивший в нем лося или оленя, приравнивается к преступнику, убившему человека. Стало быть, эти сорок ли по сторонам являются западней внутри вашего же владения. Если народ считает ваш заповедник большим, разве в этом есть что-либо несуразное?»

2.3. Сюань-ван, правитель владения Ци, спросил Мэн-цзы:

— Есть ли пути, которым должно следовать при сношениях с соседними владениями?

Мэн-цзы ответил ему:

«Есть! Те правители, которые думают только о нелюбезности, действуют так, что могут поставить большие владения на службу малым. Вот почему правитель большого владения Тан служил малому владению Гэ, а правитель огромного государства Чжоу Вэнь-ван служил маленькому княжеству Хунь-и.

Те правители, которые думают только о разуме по отношению к людям, действуют так, что могут поставить малые владения на службу большим. Потому Великий ван служил большому племени Сюнь-юй, а правитель Гоу-Цзянь служил правителю большого владения У.

Радуются Небу (довольны своей судьбой. — В. К.) те, кто ставит малое владение на службу большому; страшатся Неба те, кто ставит большое владение на службу малому. Радующиеся Небу охраняют Поднебесную, а страшатся Неба охраняют свое владение. Ведь и в Стихах об этом говорится: „Страшись величия Неба, тогда и сохранишь свое владение“» (4).

Ван воскликнул:

— Ах, как велики эти слова! Но у меня есть порок: я люблю отвагу.

На это Мэн-цзы ответил:

«Ван, прошу вас ни в коем случае не любить отвагу, проявляемую в мелочах. Ведь когда поглаживают меч, сверкают злобным взором и восклицают так: „Как! Он смеет противиться мне!“ — это отвага простых мужиков, такая, с которой выступают один на один. Ван, прошу вас возвеличить ее.

В Стихах говорится:

Ван воспылил гневом таким разъяренным,
 Что всю дружину в порядок привел образцовый.
 Гневом этим он бегство рати своей преградил,
 Им же благоденствие Чжоу укрепил,
 И им же всей Поднебесной он угодил (5).

Такова была отвага Вэнь-вана. Одной только вспышкой своего гнева он приводил народ Поднебесной в успокоение.

В Посланиях сказано:

„Небо ниспослало тебе низкий народ. Будь ему государем, будь ему наставником. Говори ему только о том, чтоб он поддер-

живал верховного властителя своего и любил его. Существует государь для того, чтобы судить, есть или нет в четырех странах света виновные и невиновные! — Как тогда в Поднебесной кто-либо осмелится преступить его волю?» (6)

Правитель У-ван стыдился, если в Поднебесной оказывался хотя бы один человек, действующий наперекор ему. Такова была отвага У-вана. Он тоже одной только вспышкой своего гнева приводил народ Поднебесной в успокоение.

Вот бы и вы, ван, ныне тоже одной вспышкой своего гнева привели народ Поднебесной в успокоение! Единственно, чего боится народ, что у вас не окажется такой любви к отваге».

2.4. Сюань-ван, правитель владения Ци, свиделся с Мэн-цзы в Снежном дворце. Ван спросил:

— Есть ли у просвещенных правителей такая же радость?

На это Мэн-цзы ответил:

«Есть. Люди осуждают своих высших правителей, когда им не удается получить такую радость. Но те, кто осуждает высших за это, не правы. Однако не правы и те, кто, будучи высшим правителем народа, не ищет радостей вместе с ним.

Народ также радуется радостям того, кто радуется его радостям, также печалится печалью того, кто печалится его печалью. Еще не бывало того, чтобы тот, кого радуют или печалят дела по всей Поднебесной, тем не менее был бы не настоящим ваном-правителем.

В старину Цзин-гун, правитель владения Ци, спросил у мудреца Янь-цзы:

„В чем должен я совершенствоваться, чтоб иметь возможность сравниться с прежними правителями-ванами в их осмотрах своих владений? Мне бы хотелось ознакомиться с городами Чжуаньфу и Чаофу, направиться по морю на юг и посетить город Ланье“.

На это Янь-цзы ответил так:

„Ах, как хорошо задан вопрос! Посещение Сыном Неба подвластных ему владительных князей называлось «объездной охотой». «Объездная охота» — это объезд тех мест, которые были обязаны охранять владительные князья. Прибытие владительных князей на утренний прием к Сыну Неба называлось «отчетами по

службе». «Отчеты по службе» — это изложение того, в чем заключалась обязанность владетельных князей. Во всем этом не было ничего такого, что не было бы связано со служебными делами: весной — наблюдение за вспашкой и восполнение недостатка в семенах, а осенью — наблюдение за уборкой и оказание помощи нуждающимся. В поговорке времен царства Ся говорилось: «Не разъезжай наш ван по своим владениям, с чего бы мы стали благоденствовать? Не объезжай наш ван свои владения, каким бы образом мы получали помощь?»

Для владетельных князей каждая такая поездка, каждый объезд были мерилom их деятельности.

А теперь не так. Где войско князя пойдет, там все продовольствие окажется съеденным. Голодающие остаются без пищи, а трудящиеся — без отдыха. Как только начинают владетельные князья коситься и поносить друг друга, так народ поднимает ропот. Владетельные князья пропускают мимо ушей указы Сына Неба, терзают народ; питье и еда расходуются ими нескончаемым потоком.

Для владетельных князей являются печальями: плыть по течению, преодолевать течение, запустение и гибель.

Кто уносится вниз по течению и забывает о возвращении назад, того я называю плывущим по течению; кто устремляется вверх по течению и забывает о возвращении назад, того я называю преодолевающим течение; кто без пресыщения гоняется на охоте за дикими животными, того я называю приводящим в запустение дела управления; кто находит радость в вине и пьет без отвращения, того я называю приводящим к гибели свое владение.

Прежние правители не находили радости в том, чтобы плыть по течению, преодолевать течение; не совершали поступков, приводящих к запустению и гибели.

Государь, подумайте и вы о своих поступках”.

Правитель Цзин-гун обрадовался. Он ввел в своем владении большие запреты, выехал из своего дворца и поселился в пригороде. Тогда и было положено начало выдачам ссуд из казенных амбаров и восполнению недостатка в семенах. Он призвал наивысшего наставника по музыке и велел ему: „Сочини для меня музы-

ку, в которой выражалась бы взаимная любовь государя и его слуг". Мелодии „Чжи шао“ и „Цзюэ шао“, должно быть, и были этими музыкальными произведениями. Стихи на эту музыку назывались: „Какая может быть вина в том, чтоб сдерживать желания государя?“

Сдерживать желания государя — значит, любить его».

2.5. Сюань-ван, правитель владения Ци, спросил Мэн-цзы:

— Все люди говорят мне, чтобы я отдал на слом «Светлый храм». Ломать его или оставить?

На это Мэн-цзы ответил так:

— «Светлый храм» — это ведь храм тем, кто был настоящим ваном. Если вы, ван, хотите проводить вановское управление народом, то не ломайте его.

— Могу ли осведомиться, что значит «вановское управление»?

На это Мэн-цзы ответил:

«Вот как в старину Вэнь-ван правил во владении Ци. С тех, кто обрабатывал землю, взималась одна девятая валового сбора. Служилые люди получали потомственное жалование; на заставах и базарах товары только проверяли, но пошлин не взыскивали; на ловлю рыбы в водоемах и рыбных садках запрета не было; жен и детей преступников в залог не брали. Старики, не имеющие жен, получали именование вдовцов; старухи, не имеющие мужей, получали название вдов; старики, не имеющие детей, носили название одиноких; малолетние, не имеющие отцов, носили название сирых. Эти четыре группы составляли тот обездоленный народ Поднебесной, которому не к кому было обратиться с жалобами на свою долю. Приступая к делам управления и при проявлении нелицеприятности к людям, Вэнь-ван обязательно прежде всего учитывал эти четыре группы населения. Об этом же говорится и в Стихах:

Хорошо живется вам, богачам,
Так пожалейте ж бобылей горемычных!» (7)

Ван воскликнул:

— Ах, до чего же хороша речь твоя!

Мэн-цзы спросил:

— Отчего бы вам не осуществить это, ван, если вы одобряете?

Ван ответил:

— У меня есть порок: я люблю богатства.

На это Мэн-цзы ответил:

«В старину был такой Лю-гун, который любил богатства.

О нем даже в Стихах говорится так:

Тогда собирал в стога, в амбары жатву
И весь сушенный провиант
Укладывал в тюки, в мешки. И думу
Он задумал, чтобы народ к себе собрать во имя славы,
Ему он луки, стрелы натянуть велел.
Щиты и копья, пики и секиры вдруг взметнулись,
И шествие народное тогда так началось (8).

Следовательно, „шествие народное тогда так началось“ потому, что у тех, кто постоянно жил, были стога и амбары, а у тех, кто отправился в шествие, был завернут провиант.

Ван, если вы и любите богатства, разделяйте это чувство с вашими ста семействами (простым народом. — В. К.) вместе. Что стоит это для вас?»

Ван сказал:

— У меня есть порок: я люблю предаваться похоти.

На это Мэн-цзы сказал:

«В старину был Великий ван, который любил предаваться похоти и питал слабость к чужеземным наложницам из племени Цюэ (? — В. К.). Об этом даже в Стихах говорится так:

Древний правитель Дань-Фу
На резвом коне ко двору прискакал...
Вдоль крутых берегов реки Сишуй
До Циских развилыстых гор конь его мчал,
Там он Цзянских дев ловил да хватал,
В свой походный шатер их таскал... (9)

В ту пору, когда это происходило, внутри шатра не было ни одной девы, которая была бы обижена его невниманием, а вне шатра не было ни одного его дружинника, который оставался бы холост.

Ван, если вы сластолюбивы, разделяйте это чувство с вашими ста семействами (т. е. народом. — В. К.) вместе. Что стоит это для вас?»

2.6. Имея в виду Сюань-вана, правителя владения Ци, Мэн-цзы обратился к нему с такими словами:

— Допустим, что кто-либо из ваших слуг поручит свою жену и детей на попечение другу, а сам отправится путешествовать во владение Чу. Ко времени возвращения обратно окажется, что его жена и дети изнурены от голода и холода. Как ему следует поступить с другом?

Ван ответил:

— Отвергнуть его.

Мэн-цзы спросил:

— А как следует поступить с наставником служилых людей, главным судьей, если он не сможет справиться с ними?

Ван ответил:

— Отстранить его.

Мэн-цзы спросил:

— Ну, а как быть, если в пределах всех четырех границ страны нет порядка в управлении?

Ван посмотрел по сторонам, направо и налево, и стал говорить о другом.

2.7. Мэн-цзы свиделся с Сюань-ваном, правителем владения Ци, и сказал ему:

— Когда говорят о родовых вотчинах, то имеют в виду не то, что в них растут высокие деревья, а потомственных слуг, которые живут в них. У вас, ван, нет близких слуг. Те, что были выдвинуты в старину, ныне пропали в неизвестности.

Ван сказал:

— А как мне распознать, кто неспособный, и устранять таких?

Мэн-цзы ответил:

«Правитель владения продвигает мудрых, если он вынужден поступать так. Можно ли проявить неосмотрительность и допустить, чтоб подлые стояли выше достопочтенных, чтобы чужие превосходили по положению близких?»

Когда окружающие вас скажут про кого-либо, что он мудрый, еще нельзя согласиться с ними. Когда все сановники-дафу скажут, что он мудрый, еще нельзя согласиться с ними, а когда все государственные мужи скажут: „мудрый“, вот тогда уж проверьте его.

Убедившись в том, что он мудрый, после этого используйте его на службе.

Когда окружающие вас скажут про кого-либо, что он не годится, не слушайте их. Когда все сановники-дафу скажут: „не годится“, не слушайте их. Но когда все государственные мужи скажут: „не годится“, тогда проверьте его. Убедившись в том, что он не годится, после этого прогоните его.

Когда окружающие вас скажут про кого-либо, что его следует обезглавить, не слушайте их. Когда все сановники-дафу скажут: „следует обезглавить“, не слушайте их. А когда все государственные мужи скажут: „следует обезглавить“, тогда проверьте его. Убедившись в том, что его следует обезглавить, после этого обезглавьте его. Вот почему в летописях и говорится, что „государственные мужи обезглавили его“.

Будьте таким, тогда сможете стать отцом и матерью для своего народа».

2.8. Сюань-ван, правитель владения Ци, спросил Мэн-цзы:

— Скажите, было ли так, что правитель Чэн Тан отпустил на все четыре стороны злодея Цзе, а правитель У-ван пошел походом на тирана Чжоу-Синя и не пощадил его?

На это Мэн-цзы ответил:

— В преданиях так оно и было.

Тогда ван спросил:

— Допустимо ли, чтоб слуга умерщвлял своего государя?

Мэн-цзы ответил:

— Тех, кто губит (чувство. — В. К.) нелюбви, я называю грабителями; тех, кто губит справедливость по отношению к людям, я называю злодеями. Губителей и злодеев я называю отщепенцами. Я слышал, что был казнен отщепенец Чжоу-Синь, но не слышал, чтоб умерщвляли своих государей те, о которых вы спрашивали.

2.9. Мэн-цзы, обращаясь к Сюань-вану, правителю владения Ци, сказал:

«Когда строят большое здание, обязательно велят мастеру работ подыскать большие бревна. Если тому удастся раздобыть такие бревна, то вы, ван, обрадуетесь и будете считать, что он сможет справиться со своей задачей.

Когда же плотники станут обтесывать бревна и уменьшать их, то вы, ван, разгневайтесь и будете считать, что они уже не смогут справиться со своей задачей.

Когда человек еще мал, он учится, а когда возмужает, то уже хочет осуществлять то, чему научился. Но что получится, если вы, ван, скажете ему: „Брось все, чему ты научился, и следуй за мной“!?

Предположим теперь, что здесь имеется драгоценный камень-нефрит. Вы обязательно заставите гранильщика обточить его, хотя бы он стоил сотню сотен и*.

А когда дело доходит до управления владением, то вы говорите: „Брось все, чему ты научился, и последуй за мной“!

Скажите же, в чем тут разница с гранильщиком, которому вы велите обточить нефрит?»

2.10. Люди владения Ци пошли в поход на владение Янь и победили его. Сюань-ван, правитель владения Ци, спросил Мэн-цзы:

— Одни говорят мне, чтобы я ни в коем случае не брал себе этого владения, а другие говорят, чтоб я взял его. Одними людскими силами было бы невозможно достичь того, чтоб в течение пяти десятидневков завершить поход страны с десятью тысячами боевых колесниц на страну с таким же количеством колесниц, а потому если не брать, то обязательно последует небесное бедствие. Но что произойдет, если я возьму?

На это Мэн-цзы ответил так:

«Если при взятии владения Янь народ его будет доволен этим, то берите его. Из людей глубокой древности, поступивших таким образом, был У-ван.

Если при взятии владения Янь народ его не будет доволен, тогда не берите его. Из людей глубокой древности, поступивших таким же образом, был Вэнь-ван. Если при походе вашей страны, владеющей десятью тысячами колесниц, на другую, с таким же количеством колесниц, [население] будет встречать ваши войска, ван, с корзинами, наполненными яствами, с кувшинами, наполнен-

* И — название денежной единицы, равной 20 лан (весовых единиц) серебра.

ными нектарами, разве может быть в этом что-либо иное, как не стремление избежать бедствий, подобных наводнению и пожару?

Но если „вода“ окажется еще глубже, а „огонь“ еще жарче, народ тоже переметнется от вас, только и всего».

2.11. Люди владения Ци напали на владение Янь и захватили его. Владетельные князья принялись строить замыслы, как бы выручить владение Янь.

Сюань-ван спросил Мэн-цзы:

— Чем мне ответить на замыслы владетельных князей, собирающихся напасть на меня?

На это Мэн-цзы ответил так:

«Мне, вашему покорному слуге, доводилось слышать о том, что был такой, кто, владея семьюдесятью ли земли, управлял всей Поднебесной, — это был Чэн Тан. Но мне еще не доводилось слышать, чтобы тот, кто владеет тысячей ли земли, боялся кого-либо.

В Посланиях сказано:

„Первый свой поход Чэн Тан начал с владения Гэ, и вся Поднебесная уверовала в него“ (10).

Если бы он начал поход с восточной стороны, тогда взроптали бы западные варвары И; если бы он начал поход с южной стороны, взроптали бы северные варвары Ди. Они бы говорили: „Почему это нас оставляют напоследок?“

Народ уповал на него так, как при великой засухе уповают на дождливую тучу. Не прекращался поток торговцев, возвращающихся на рынки, пахари не изменяли ему.

Казните их государя и утешьте этот народ, и он сильно возрадуется, словно при ниспадении дождя во благовремении.

В Посланиях сказано:

„Ждите нашего государя. Государь придет и возродит их“ (11).

Ныне правитель владения Янь мучил свой народ. Вы направились туда и покарали его. Народ считает, что вы готовитесь спасти его, словно из воды и огня. Он встречает ваши войска, ван, корзинками яств и кувшинами напитков. Между тем ваши начальники собираются умерщвлять их непокорных отцов и старших братьев, привлекать за соучастие их младших братьев и сыновей,

хотят разрушать храмы их предков, изымать их ценную утварь. Как же можно допускать это?

В Поднебесной, несомненно, боятся мощи владения Ци. К тому же ныне земли вашего владения удвоились, и если не будет проводиться управление на основе нелицеприятности, то этим вы приведете в действие оружие Поднебесной против себя. Ван, поспешите издать приказ, чтобы вернули обратно на родину взятых в плен стариков и детей, прекратили изъятие ценной утвари, обдумайте со всеми сановниками владения Янь, какого поставить им государя, а затем покиньте их. Вот тогда, может быть, еще успеется прекратить эти замыслы».

2.12. Между жителями города Цзоу и столицы владения Лу произошло побоище.

Му-гун, правитель города Цзоу, спросил Мэн-цзы:

— Как же мне поступить, чтобы уладить это дело? Из моих управляющих погибли тридцать три человека, а из народа никого, так как никто не вступился за них. Если казнить за это, то всех никак не переказнишь, а не казнить, то будут со злобой взирать на своих старших, чего доброго, будет погибать их верховный правитель, так они и выручать его не станут.

На это Мэн-цзы ответил:

«Государь, из вашего народа сколько тысяч слабых и старых в лихолетья и голодные годы валяются в канавах и пропастях, где умирают от голода, а здоровые и крепкие разбегаются во все стороны! Между тем амбары и житницы ваши бывают полны, склады и сараи переполнены. Однако никто из управляющих об этом вам не докладывает! Это значит, что верхи нерадивы к своим обязанностям и этим губят низы.

Когда-то Цзэн-цзы говорил: „Берегитесь! Берегитесь! Что от вас исходит, то на вас же и обернется!“

Если народу не теперь, так после все же удастся возмутиться против них, вы, государь, не вините его за это.

Народ будет только тогда по-родственному любить своего высшего правителя и станет умирать за своих начальников, когда государь будет проводить нелицеприятность в управлении».

2.13. Вэнь-гун, правитель владения Тэн, спросил Мэн-цзы:

— Поскольку мое владение Тэн маленькое, а расположено оно между крупными владениями Ци и Чу, служить ли мне Ци или служить Чу?

На это Мэн-цзы ответил:

— Дать совет по такому вопросу не по моим способностям. При безвыходном положении есть лишь одно решение: рыть рвы и укреплять городские стены. Если вы будете охранять свое владение вместе с народом, то можно добиться того, что он жизни не пожалеет и не покинет вас.

2.14. Вэнь-гун, правитель владения Тэн, спросил Мэн-цзы:

— Я очень боюсь, что жители владения Ци построят крепость в Се. Как мне лучше поступить?

На это Мэн-цзы ответил так:

— В старину Великий ван проживал в городе Бинь. Когда на этот город напали кочевники Ди, он оставил его и, добравшись до подножия Развилистых гор Цишань, стал жить там. Он сделал так по необходимости и безвыходному положению, а вовсе не потому, что выбрал (облюбовал. — В. К.) это место и захватил его.

Если делать добро, то дети и внуки в последующих поколениях обязательно сделаются настоящими ванами. Добропорядочный муж кладет начало делу и оставляет его потомкам для того, чтобы они могли продолжить его. Если же думать об успехе дела, то это зависит от Неба. Что может поделать с этим государь? Старайтесь же делать добро, вот и все!

2.15. Вэнь-гун, правитель владения Тэн, спросил Мэн-цзы:

— Тэн — маленькое владение, ему, пожалуй, не избежать печальной участи быть поглощенным, даже если и будет всеми силами стараться служить большим владениям. Как же мне все-таки поступить так, чтобы было хорошо?

На это Мэн-цзы ответил:

«В старину Великий ван проживал в городе Бинь. На него нападали кочевники Ди. Он старался услужить им дорогими мехами и шелками, но избавиться от них не смог; он старался услужить им добрыми псами и конями, но избавиться от них не смог; он старался услужить им жемчугами и драгоценным камнем-нефритом, но избавиться от них не смог. Тогда он велел позвать всех

престарелых и старейшин и сказал им: „Предметом желаний кочевников Ди являются мои земли. Мне довелось слышать вот о чем: «Добропорядочный муж не губит людей из-за того, чем люди кормятся». Братцы мои, какая вам печаль, если у вас не будет государя? Я собираюсь покинуть вас!“ И он покинул город Бинь, перебрался через Мостовые горы Ляншань, разбил городок у подножья Развилистых гор Цишань и поселился там. Жители города Бинь стали поговаривать: „Наш государь был нелицеприятный к людям, нельзя нам терять такого!“ И вот тех, кто последовал за ним, стало столько, сколько ходят на базары.

Кто-либо иной скажет: „Это же ваш потомственный оплот, а не то, что вы сами лично для себя сотворили. Защищайте его до самой смерти, но не покидайте его!“

Итак, прошу вас, государь, выбирайте сами одно из этих двух решений».

2.16. Пин-гун, правитель владения Лу, собрался как-то раз выехать из дворца. Его любимец, которого звали Цзан Цан, стал просить его:

— В прошлые разы, когда вы, государь, выезжали, то обязательно говорили управляющим, куда собираетесь. Нынче вам запрягли военную колесницу, а управляющие все еще не знают, куда вы едете. Осмелюсь просить вас сказать!

Пин-гун ответил:

— Собираюсь повидаться с Мэн-цзы.

Цзан Цан воскликнул:

— Как же так, государь! Почему это вы настолько не цените себя, что первым хотите направиться к этому мужлану? Вы считаете его мудрым? Правила учтивости и долга справедливости исходят от мудрых, а между тем у Мэн-цзы получилось так, что он оплакивал свою позже умершую мать больше, нежели ранее умершего отца. Государь, не встречайтесь с ним!

Пин-гун ответил:

— Ладно.

Юэ Чжэн-цзы, ученик Мэн-цзы, отправился к правителю и, встретив его, спросил:

— Государь, почему вы не повидались с Мэн Кэ (Мэн-цзы. — В. К.)?

Тот ответил:

— Кто-то сказал мне, что у Мэн-цзы оплакивание позже умерших превышает оплакивание ранее умерших. По этой причине я и не поехал повидаться с ним.

Тогда Юэ Чжэн-цзы воскликнул:

— Как же так, государь! О каком превышении идет речь? Уж не о том ли, что прежних оплакивать по рангу служилых людей-ши, а позжих — по рангу сановников-дафу, или прежних только с тремя треножниками для хранения жертвоприношений, а позжих с пятью треножниками?

Пин-гун ответил:

— Нет! Речь идет о красоте убранства гроба, короба для него, одежд и шуб.

Юэ Чжэн-цзы возразил ему:

— Так это же не называется превышением. Стало быть, речь идет о разнице состояния в бедности и богатстве.

Юэ Чжэн-цзы встретился с Мэн-цзы и сказал ему:

— Я говорил с государем, и он собирался прибыть к вам повидаться. Но из его любимцев оказался некий Цзан Цан, который помешал ему. Вот почему на самом деле ван не прибыл к вам сюда.

Мэн-цзы сказал:

— Когда действуют, значит, кто-то побуждает к этому, когда прекращают действовать, значит, кто-то этому препятствует. Действие и его прекращение не являются чем-то таким, что могут люди производить сами по своему желанию. То, что я не встретился с правителем владения Лу, таково было действие Неба. Разве мог в таком случае сын из рода Цзан сделать так, чтоб я не встретился с ваном?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГУН-СУНЬ ЧОУ

Часть первая
(9 статей)

3.1. Гун-Сунь Чоу спросил Мэн-цзы:

— Учитель, если бы вы встали у кормила правления во владении Ци, смогли бы ли вы повторить заслуги, совершенные Гуань Чжуном и Янь-цзы (в прошлом. — В. К.)?

Мэн-цзы ответил:

— Ты — истый уроженец Ци: знаешь только про Гуань Чжуна и Янь-цзы, вот и все!

Однажды кто-то спросил Цзэн Си: «Уважаемый, кто из вас более мудрый: ты или Цзы-Лу?» Цзэн Си почтительно поднялся и сказал: «Мой покойный мудрый дед испытывал робость перед ним». Тот еще спросил: «В таком случае скажи, уважаемый, кто мудрее: ты или Гуань Чжун?» Тут Цзэн Си внезапно изменился в лице и с негодованием ответил: «Давал ли я тебе когда-либо повод сравнивать меня с Гуань Чжуном? Добивался ли я расположения правителя так исключительно, как он? Занимался ли я делами управления (владением. — В. К.) столь продолжительно [долго], как он? А „подвиги“ и „заслуги“ оказались бы столь низкими (презренными. — В. К.), как у него! Было ли у тебя когда-нибудь и что-либо такое, что позволило бы тебе сравнивать меня во всем [этом] с Гуань Чжуном?»

Так вот, отвечу тебе так: считаешь ли ты, что я желал бы совершать то, что делал Гуань Чжун, но чего Цзэн Си не сделал бы?

Гун-Сунь Чоу сказал:

— Все-таки благодаря Гуань Чжуну его правитель стал ба — предводителем всех владетельных князей; а благодаря Янь-цзы

его правитель сделался прославленным. По-твоему, выходит, что Гуань Чжун и Янь-цзы были недостойны, чтобы подражать им в делах, так ли?

Мэн-цзы ответил:

— Помочь правителю Ци сделаться ваном так же легко, как перевернуть ладонь руки.

Гун-Сунь Чоу на это сказал:

— Если так, то сомнения вашего ученика, т. е. мои, возрастают еще в большей мере, тем более от того, что нравственные качества (доблести, да — В. К.) Вэнь-вана просуществовали в течение ста лет, а затем рухнули, так и не распространившись по всей Поднебесной. Когда же У-ван, а затем Чжоу-гун продолжили дело Вэнь-вана, тогда только эти начала широко распространились.

Ныне же вы утверждаете, что сделаться ваном совсем легко. Значит, Вэнь-ван не заслужил того, чтобы подражать ему, так ли?

Мэн-цзы на это сказал:

«Как можно сопоставлять себя с Вэнь-ваном? Мудрых и просвещенных государей было шесть или семь, начиная счет с Чэн Тана и до У-Дина. Поднебесная подпала в подчинение иньцам на долгое время, а раз надолго, то, значит, трудно было изменить положение в ней. У-Дин, принимая на утренних приемах владетельных князей-чжухоу, настолько расположил их к себе, что ему овладеть Поднебесной было бы так же легко, как катать шарики на ладони. Изгнание У-Дина иньским властителем Чжоу длилось не так уж долго. По-видимому, еще сохранились те обычаи, нравы и добрые начала в управлении, которые были унаследованы от его родовой семьи. К тому же были еще живы Вэй-цзы, Вэй-Чжун, княжичи Би Гань, Цзы-цзы и Цзяо Гэ, которые отличались своей мудростью. Они помогали в качестве советников правителю и как помощники. Вот почему дело Вэнь-вана продолжалось столь долго и лишь впоследствии начало забываться. При Вэнь-ване не было ни пяди земли, которая не принадлежала бы его владению; не было ни одного народа, который не считал бы себя его подданным, между тем Вэнь-ван начал свое правление, имея владение всего лишь в сто ли. Вот почему трудно сопоставить себя с ним.

У жителей владения Ци есть такая поговорка: „Хоть имеешь ум да разум, а все лучше уметь воспользоваться обстоятельствами, чем мудрить зря; хоть имеешь мотыгу и заступ, а все лучше дожидаться времени полевых работ, чем действовать ими без толку“. Сейчас как раз такое время, когда легче всего действовать. В годы полного расцвета династий Ся, Инь и Чжоу земель у них было не свыше тысячи ли, а ныне одно только владение Ци имеет столько же земель. В те времена петушинные крики и собачий лай, свидетельствующие о многолюдности населения, были слышны повсюду и достигали всех четырех сторон границ тогдашних владений, а ныне одно только владение Ци имеет такое же густое население. При осуществлении нелюбезного образа правления любой правитель станет править, как настоящий ван, не изменяя ни земельных границ, ни густоты населения, и никто не сможет воспротивиться ему.

К тому же еще не бывало столь продолжительного времени, чем теперь, чтобы ван не проявлял себя достойным правителем; еще не бывало большей скорби народа о жестоком правлении, чем в настоящее время. Известно, что голодного легко накормить, а жаждущего легко напоить. Кун-цзы говорил: „Добродетель распространяется быстрее, чем указ, передаваемый пешими и конными гонцами“ (12). Для нынешнего времени проведение нелюбезного правления во владениях, обладающих десятками тысяч боевых колесниц, принесет народу такую же радость, какую испытает повешенный вниз головой при его освобождении. Поэтому выполнение хотя бы наполовину того дела, которому служили люди из древних времен, непременно завершится двойным успехом. Это тем более справедливо для настоящего времени».

3.2. Обращаясь к Мэн-цзы, Гун-Сунь Чоу спросил:

— Учитель, если б вам дали звание высшего сановника-цин или советника правителя «сян» и предоставили полную возможность осуществлять ваш путь управления во владении Ци, и пусть бы предводитель владетельных князей-ба и сам правитель-ван не возражали против этого, в этом случае ваше сердце дрогнуло бы или нет?

Мэн-цзы ответил:

— Нет! У меня с сорока лет сердце не содрогается.

Тот сказал:

— Если это так, то вы, учитель, далеко превосходите храбрца Мэн-Бэня.

Мэн-цзы ответил:

— Это же не трудно! Ведь и мудрец Гао-цзы раньше меня перестал содрогаться сердцем.

Гун-Сунь Чоу спросил:

— Имеется ли путь к тому, чтобы перестать содрогаться сердцем?

Мэн-цзы ответил:

«Имеется! Мужественный Бэй-Гун Ю, когда воспитывал в себе храбрость, не уклонялся от уколов в свое тело, не отводил взора от направленного в него острия. Причем его не оставляла мысль, что дрогнет он хоть на волосок, значит, посрамит себя в глазах людей, будто его секут на базаре. Он ни от кого не принимал оскорблений: ни от презренных торгашей в просторных одеждах из грубого сукна, ни от владетелей сотни сотен боевых колесниц. Для него было безразлично, заколоть ли владетеля сотни сотен боевых колесниц или мужчину в грубой одежде. Для него не существовало строгих владетельных князей-чжухоу. На их злые окрики он обязательно отвечал такими же. Другой храбрец, Мэн Ши-Шэ, воспитывая храбрость, внушал себе: „Рассматривай неуспех свой как победу. Кто взвешивает силы врага и тогда только наступает, кто обдумывает победу и тогда только вступает в сражение, тот, значит, страшится мощи тройного войска врага. Разве я, Шэ, могу быть всегда уверенным в обязательной своей победе? Я могу добиться лишь того, чтобы не иметь страха, и только!“

Так как тебе ведь еще неизвестно, кто из этих двух храбрых мужей был рассудительнее, умнее в храбрости, сравни Мэн Ши-Шэ с Цзэн-цзы, а Бэй-Гун Ю с Цзы-Ся. Окажется, что самообладание все же было у Мэн Ши-Шэ.

Когда-то в прошлом Цзэн-цзы говорил своему ученику Цзы-Сяну: „Любишь ли ты храбрость? Мне вот довелось как-то слушать о великой храбрости от моего учителя Кун-цзы. Он говорил: «Как мне не быть в тревоге, когда, обратившись к самому себе, я нахожу, что был не прав, хотя бы и перед торгашом в просторной

грубой одежде? Когда же, обратившись к самому себе, я нахожу, что прав во всем, то пойду против всех, хотя бы их было тысяча и даже десять тысяч человек!»“

И опять же, присутствие духа, которым владел Мэн Ши-Шэ, оказывается, не идет ни в какое сравнение с самообладанием Цзэн-цзы».

Гун-Сунь Чоу вновь спросил:

— Разрешите мне узнать, какова же невозмутимость сердца у вас, учитель, и какова у Гао-цзы? Осмелюсь спросить вас об этом!

Мэн-цзы ответил:

«Гао-цзы говорит: „Не ищи в своем сердце того, что не удастся выразить в слове; не ищи в своем духе того, что не удастся обрести в сердце“.

С тем, чтобы не искать в своем духе того, что не удастся обрести в сердце, можно согласиться, но с тем, чтобы не искать в сердце того, что не удастся выразить в слове, согласиться нельзя. Ведь предводителем духа является воля, а дух — наполнитель тела. В нем (теле. — В. К.) воля является ведущей, а дух — второстепенным. Потому-то я и говорю: „Поддерживая волю свою, не возмущай духа своего!“»

Гун-Сунь Чоу, не поняв, спросил:

— Как же так? То вы говорите: «В нем (теле. — В. К.) воля является ведущей, а дух — второстепенным», то опять-таки говорите: «Поддерживая волю, не возмущай духа своего».

Мэн-цзы ответил:

— Когда воля сосредоточена в чем-то едином, она движет дух, а когда дух сосредоточен в чем-то едином, то он движет волю. Представь себе сейчас спотыкающегося или бегущего. Это — проявление духа. Тем не менее он оказывает обратное воздействие на сердце того, кто спотыкается или бежит.

Гун-Сунь Чоу спросил:

— Осмелюсь спросить, учитель, в чем же ваше преимущество?

Мэн-цзы ответил:

— Я умею воспитывать мой беспредельный дух тем, что знаю слово.

Гун-Сунь Чоу спросил:

— Осмелюсь спросить, что вы называете беспредельным духом?

Мэн-цзы ответил:

«Это такой дух, благодаря которому достигают величия и твердости. Все пространство между небом и землей заполнит этот дух, только если воспитывать его в прямоте и не причинять ему вреда.

Это такой дух, благодаря которому достойно сочетаются справедливость и путь к познанию истины. Без этого духа тело испытывает изнурение.

Рождается же этот дух именно от накопления справедливости в делах, а не от захвата его наскоком при внезапном проявлении справедливости*.

Поэтому я и говорю: Гао-цзы так и не понял, что такое справедливость, вследствие чего считает ее внешним проявлением духа.

При необходимости иметь дело со справедливостью не будь настороже, но не забывай в сердце о ней, не тщишься сам способствовать ее росту**. Не уподобляйся в этом некоему уроженцу владения Сун.

Среди жителей владения Сун был такой, который возымел печаль по поводу того, что его всходы на поле не растут. Он начал подтягивать их руками из земли. Вернувшись домой сам не свой от таких усилий, он сказал своим домашним людям: „Ну и намалялся же я сегодня! Я помогал всходам расти!“ Сын его побежал в поле разглядывать ростки, а они все завяли.

В Поднебесной мало таких, которые не помогали бы всходам расти. Но пользы всходам не только не приносят, а губят их, как те, кто не пропальывает их, полагая, что в этом нет пользы, и оставляет их на произвол судьбы, так и те, кто подтягивает руками ростки из земли, якобы помогая этим их росту».

Тогда Гун-Сунь Чоу спросил:

— А что значит «знать слово» (риторику. — В. К.)?

* Это место в трактовке комментатора Чжу Си звучит так: «Собирание справедливости [в делах] — вот что рождает правду, а кривду берут наскоком на справедливость».

** У Чжу Си эта фраза разделена ровно пополам. Получающееся сочетание 正心 «упорядочить сердце» (см. 大學 «Учение для взрослых») он предлагает понимать иначе. — В. К.

Мэн-цзы ответил:

— Это — знать, что скрыто в уклончивых речах, какая ловушка кроется в развязных речах, какой разлад вносят извращенные речи и чего доискиваться во вкрадчивых речах. Произносящие такие речи вынашивают их в своих сердцах и причиняют вред своему же управлению. Произнося их в своем управлении, они причиняют ими вред своим же делам. Премудрый Кун-цзы, безусловно, согласился бы с моими словами, если бы вновь восстал из гроба.

Гун-Сунь Чоу задал затем такой вопрос:

— Цзай Во и Цзы-Гун умели произносить убеждающие речи, Жань Ню, Минь-цзы и Янь Юань умели прекрасно говорить о добродетельных делах, Кун-цзы совмещал в себе то и другое, но говорил: «Что касается произнесения речей и отдачи распоряжений, в этом я неспособен» (13). Если это так, то выходит, что вы, учитель, уже премудры, не так ли?

Мэн-цзы воскликнул:

— Ой! Что же ты говоришь такое? Когда-то в прошлом Цзы-Гун спросил у Кун-цзы: «Учитель, вы премудры?» Кун-цзы на это ответил так: «Что касается премудрости, то я неспособен к ней, но я учусь без пресыщения и обучаю без усталости». Тогда Цзы-Гун сказал: «Учиться без пресыщения — это разумно, обучать (всех. — В. К.) без усталости — это нелицеприятно. Раз вы нелицеприятны и к тому же разумны, учитель, значит, вы уже премудры!»

Ведь вот и сам Кун-цзы премудрым себя не признавал. Что же ты говоришь такое?!

Гун-Сунь Чоу, продолжая допытываться, спросил:

— Я слышал, что в старину считали, будто Цзы-Ся, Цзы-Ю и Цзы-Чжан обладали одной частью телесных свойств Премудрого человека (Кун-цзы. — В. К.), а Жань Ню, Минь-цзы и Янь Юань обладали всеми этими свойствами, но в уменьшении. Осмелюсь спросить, какое же место вы занимали бы среди них?

Мэн-цзы ответил:

— Оставим это пока!

Гун-Сунь Чоу далее спросил:

— Каковы же были Бо-И и И Инь?

Мэн-цзы ответил:

— Их пути не совпадают с моим. Бо-И был таков: не своему государю он не служил, не своим народом он не распоряжался, при благоустройстве во владении продвигался вперед по службе и отступал назад при смутах в нем; И Инь же рассуждал так: кому служить, как не государю, какой бы он ни был? Кем распоряжаться, как не народом, каков бы он ни был? Продвигаюсь вперед по службе как при благоустройстве во владении, так и при смуте в нем.

А Кун-цзы учил так: «Можно служить — так служи, а можно прекратить службу — так прекрати. Можно откладывать решение надолго — так откладывай, а можно решить скорей — так решай скорей!»

Все они были древние мудрецы. Я же еще не в состоянии поступать таким же образом, но что мне хочется — это подражать во всем Кун-цзы.

Гун-Сунь Чоу спросил:

— Только ли этим отличались Бо-И и И Инь от Кун-цзы?

Мэн-цзы ответил:

— Нет! Но из мудрецов, появившихся на свет с начала зарождения народа, не было еще такого, каким был Кун-цзы.

Гун-Сунь Чоу спросил еще:

— В таком случае есть ли какое-либо сходство между мудрецами?

Мэн-цзы ответил:

— Есть! Будь у них сто ли земли, и, управляя ею как правители, они были бы в состоянии обладать Поднебесной путем проведения всего лишь утренних дворцовых приемов владетельных князей-чжухоу, но никто из них не совершил бы ни единой несправедливости, не казнил бы ни одного невиновного для того, чтобы добыть этим Поднебесную. В этом отношении все они совершенно сходны.

Гун-Сунь Чоу спросил:

— Осмелюсь спросить, в чем же все-таки они отличались друг от друга?

Мэн-цзы ответил:

«Цзай Во, Цзы-Гун и Ю Жо были достаточно разумны, чтобы познать Премудрого Кун-цзы, но они не доходили до того, чтобы впадать в подробности, похваляясь своими познаниями Кун-цзы».

Цзай Во говорил про него так: „Учитель Кун-цзы в моих глазах гораздо умнее Яо и Шуня“.

Цзы-Гун говорил: „По его (Кун-цзы. — В. К.) учтивости представляешь себе, как бы он управлял; слушая его музыку, знаешь, каковы были его нравственные добродетели. Никто из потомков, насчитывающих в своих родах сотни поколений, равных по достоинству правителям-ванам стольких же поколений, не смог бы что-либо возразить ему. С того времени как зародился на свете народ, еще не было такого, как Кун-цзы“.

Ю Жо говорил: „Разве только народ обитает в пространстве между небом и поверхностью земли? Подобно тому, как цилинь* по однородности относится ко всем четвероногим бегающим животным, жар-птица-феникс относится к пернатым летающим птицам, гора Тайшань — к холмам и возвышенностям, реки и моря — к лужам на дороге, так и мудрецы, по отношению к народу, тоже представляют однородную категорию. Все они выходят из своей однородности и выдаются из скопления своих особей. Но с того времени как зародился на свете народ, не было еще более великолепного мудреца, чем Кун-цзы!“»

3.3. Мэн-цзы говорил:

— Ба — это владетель, который выдает себя нелюбезным, прибегая, однако, к силе. В качестве ба он обязательно имеет крупное владение.

— Ван — это правитель, который осуществляет нелюбезность, прибегая к своим добродетелям. В качестве вана он не нуждается в больших земельных владениях.

У правителя Чэн Тана было семьдесят ли земли, а у Вэньвана — одна сотня ли.

* Цилинь — мифологическое животное, имеющее по описаниям некоторое сходство с жирафом. — В. К.

Покоряющему людей силой не покорить их сердца. На это у него не хватит никаких сил.

Покоряющему людей добродетелями удастся вызвать радость из самих глубин их сердец, все покорится ему со всей искренностью.

Примером служит покорность семидесяти двух учеников своему учителю Кун-цзы.

Об этом же говорится и в таком Стихе:

Быть непокорным не было в мыслях ни у кого,
Пришедших из западных и восточных,
Южных и северных стран Поднебесной (14).

3.4. Мэн-цзы говорил:

— Будь нелюбимым, тогда прославишься, а будешь любимым, тогда опозоришься. Теперь представь себе, что ты пребываешь в состоянии нелюбимости, между тем тебе ненавистен позор. Это все равно, что проживать в низине, тогда как тебе противна сырость.

Если тебе противен позор, нет лучшего способа избавиться, как дорожить своими добродетельными качествами и уважать служилых людей-ши.

Когда на служебных постах будут находиться просвещенные благоразумные люди, а служебные обязанности будут нести способные, толковые люди, тогда во владениях воцарится безмятежная, несуетная жизнь.

С наступлением такого времени все правление и законы правителя настолько воссияют, что даже в соседних больших владениях правители будут устрашены.

В Стихах сказано:

Пока небо еще не покрылось тучами и не дождит,
Соберу я почву с корней тутовника,
Обвью входы в гнездо свое.
Кто из народа, обитающего внизу,
Теперь осмелится меня обидеть? (15)

На это Кун-цзы сказал: «Создавший этот стих знал путь к истине! Кто, в самом деле, осмелится обидеть, оскорбить того правителя, который способен держать в порядке свое владение?» (16)

Теперь представим себе, что во владении воцарилась безмятежная и несуетливая жизнь. Если к этому времени правитель будет предаваться повальному разгулу и нерадивости в делах, то этим он сам же навлечет на себя беду.

Нет такой беды и нет такого счастья, которых люди не создавали бы себе сами.

Вот об этом и говорится в Стихах:

В речах своих всегда ты согласишься с велением природы, —
И много счастья добудешь себе сам (17).

А Тай-Цзя сказал так: «Когда небо творит зло, от него можно укрыться, а когда сам творишь зло, то остаться в живых никак невозможно!» (18)

3.5. Мэн-цзы говорил:

— Уважайте просвещенных людей, используйте способных, на служебных постах пусть находятся выдающиеся таланты, тогда все служилые люди в Поднебесной возрадуются и пожелают занимать места при дворе ее верховного правителя.

Пусть на базарах будут оплачивать места в торговых рядах, но без взимания пошлин, или будут оплачивать весовой сбор по закону, но без взимания платы за места в торговых рядах, тогда все купцы в Поднебесной возрадуются и пожелают хранить свои товары на таких базарах.

Пусть на пограничных заставах проверяют проезжающих, но не облагают их пошлиной, тогда все путники в Поднебесной возрадуются и охотно будут появляться на таких дорогах.

Пусть тех, кто вспахивает пустующие земли, будут призывать на подмогу «чжу», но не будут облагать налогом, тогда все земледельцы в Поднебесной возрадуются и пожелают распахивать такие пустоши.

Пусть на усадьбах не будет подушного налога холстом за каждого взрослого мужчину, тогда весь народ в Поднебесной возрадуется и пожелает стать даже бездомным ради такого правителя.

Уверьте всех, что сможете осуществить эти пять советов, тогда народы соседних владений будут смотреть на таких правителей как на отца и мать.

С тех времен как зародились народы, еще не было таких правителей, которые смогли бы преуспеть, ведя детей и младших братьев народа на борьбу против их же отцов и матерей.

Если все будет совершено так, как советую, то в Поднебесной не найдется вам супостата.

Те, у кого не окажется супостата в Поднебесной, являются правителями, угодными Небу. В таком случае не бывало еще того, чтобы они не становились достойными ваннами-правителями.

3.6. Мэн-цзы говорил:

— У всех людей есть чувство, которое не переносит терзания людей. Поскольку такое же чувство было у прежних правителей-ванов, управление при них не мучило людей жестокостями.

Если осуществлять правление, не терпящее жестокости, посредством чувства, не переносящего мучения людей, то можно будет править Поднебесной так же легко, как катать шарик на ладони.

Потому я и говорю: у всех людей есть чувство, которое заставляет не переносить терзания людей. Вот представим себе [теперь], что люди вдруг заметили маленького ребенка, который готов упасть в колодезь. У всех сразу же замрет сердце от страха и сострадания, но не потому, что они собираются завязать дружбу с родителями маленького ребенка; не потому также, чтобы заслужить похвалу у своих сородичей и друзей, — с ними случится так не от того, что крик ребенка для них противен*.

Если судить так, то выходит, что все, не испытывающие чувства сострадания, не являются людьми; все, не имеющие стыда за злодеяние, не являются людьми; все, не имеющие чувства правдивости, не являются людьми.

Сострадание является началом нелицеприятности, стыд за злодеяние является началом справедливости; самоотреченность является началом учтивости; правдивость является началом разума.

* В китайских комментариях, которым следуют переводы книги «Мэн-цзы» на европейских языках, сказано: «не потому, что для них неприятна дурная слава», однако в современном комментарии 1960 г. дано иное толкование, соответствующее тексту оригинала. — В. К.

Иметь эти четыре начала для людей так же важно, как иметь все четыре конечности тела.

Когда имеющие в себе эти четыре начала говорят про себя, что они не способны развить их, тем самым губят себя, а те, кто говорит, что правитель-государь не сможет быть таким, являются его губителями.

Всякий имеющий в себе эти четыре начала знает, что их расширение и их восполнение подобно костру, начинающему разгораться, и роднику, начинающему растекаться.

Если сможешь восполнить эти начала, то их хватит на все земли, омываемые четырьмя морями; если же не будешь восполнять, то их не хватит даже на то, чтобы служить своим родителям.

3.7. Мэн-цзы говорил:

— Разве мастер, изготавливающий стрелы, лицепрятнее того мастера, который изготавливает латы?

Единственно, чего опасается мастер, изготавливающий стрелы, что они почему-либо не будут поражать людей; единственно, чего опасается мастер, изготавливающий латы, что они почему-либо не защитят людей от ранений.

То же самое и со знахарями и гробовщиками.

Потому нельзя не быть осмотрительным при выборе занятий.

Кун-цзы говорил так: «Прелестью жизни в сельском селении является нелицепрятность со стороны обитателей селения. Как можно считать разумным того, кто при выборе местожительства не поселится там, где царит нелицепрятность?» (19)

Нелицепрятность — это же почетное звание, дарованное небом, это спокойное прибежище для людей. Оставаться лицепрятным, когда никто не препятствует сделаться нелицепрятным, — вот в чем неразумие. Тяжкой повинностью людей являются лицепрятность, неразумие, неучтивость, несправедливость. Повинный человек, стыдящийся исполнять повинность, подобен мастеру, изготавливающему луки, или мастеру, изготавливающему стрелы, которые стыдятся делать их.

Если стыдишься исполнять эти повинности, то нет ничего лучшего, как сделаться нелицепрятным.

Нелицеприятность — это то же, что стрельба из лука. Стреляющий сперва принимает правильное положение, а затем уже стреляет. Если при выстреле стрелок все же не попадает в цель, он не обижается на того, кто одержит победу над ним, и обращается к самому себе в поисках причины неудачи, вот и все.

3.8. Мэн-цзы говорил:

— Цзы-Лу был таким, что когда люди указывали ему на его ошибки, то он радовался, а Юй был таким, что когда слышал доброе слово, то кланялся в ноги.

В этом отношении великий Шунь проявил себя еще больше. Добро для него было общим со всеми людьми, он следовал за ними, не щадя себя; с радостью заимствовал у них все, чем мог бы совершить добро. Он сам пахал, собирал жатву, лепил гончарную посуду, рыбачил. Он достиг того, что стал властителем Поднебесной только благодаря заимствованию всего доброго у людей и ничем иным.

Кто заимствует у людей все то, чем можно совершить добро, тот и есть творящий добро для людей. Потому-то для добропорядочного мужа нет ничего большего, чем делать добро людям.

3.9. Мэн-цзы говорил:

— Бо-И был таков: не своему государю он не служил, не со своим другом он не дружил, у дурных людей (правителей. — В. К.) на утренних приемах не выстаивал, с дурными людьми дружественных речей не заводил.

Выстаивать на утренних приемах у дурных людей и заводить речи с дурными людьми для него было все равно, что если бы он сел в угольную пыль, облаченный в парадные одежды и надев парадный головной убор.

Вникая в его сердце, питавшее отвращение ко всему дурному, думаю, что, стоя рядом с поселянином, у которого головной убор был бы надет не ровно, как полагается, он, стыдливо поглядев на него, отошел бы прочь, словно опасаясь запачкаться от него.

По этой причине он не принимал даже тех владетельных князей-чжухоу, ездивших к нему с приглашениями на службу, среди которых были желающие научиться его умению вести споры. А то, что он не принимал даже и таких, означает, что он не придавал никакого значения поступлению на службу.

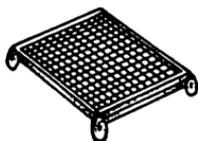
Лю-Ся Хуэй был таков: он не стыдился состоять на службе при алчном правителе, не считал унижительным занимать должность мелкого начальника. Продвигаясь вперед по службе, он не скрывал своей просвещенности и обязательно руководствовался своим путем. Он не роптал (обижался. — В. К.), когда оставался не у дел, не жаловался, когда бывал в беде и нужде. Потому-то он говорил так: «Ты живи сам по себе, а я буду жить сам по себе! Хоть расстегнутый и даже голый, если ты станешь подле меня, как может быть, чтоб этим ты запачкал бы меня?!»

Вот почему он чувствовал себя со всеми непринужденно, но не терял самого себя (т. е. своего достоинства. — В. К.).

Когда его удерживали и оставляли жить, он оставался.

То, что он оставался, означает, что уходу он не придавал никакого значения.

Бо-И был узок во взглядах, а Лю-Ся Хуэй — неудобливым. Добропорядочный муж в своих взглядах из такой узости и неудобливости не исходит.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГУН-СУНЬ ЧОУ

Часть вторая
(14 статей)

4.1. Мэн-цзы говорил:

— В военном деле благоприятное время, зависящее от Неба, уступает выгодам местности, а выгоды местности уступают согласию людей.

Представим себе город, стены которого имеют в длину три ли, с укрепленными предместьями в семи ли от него. Ты окружил этот город и пошел на приступ, но не одолел его.

То, что тебе удалось окружить его и пойти на приступ, безусловно, имеет отношение к использованию благоприятного времени, зависящего от Неба. Однако то, что ты все же не одолел, означает, что благоприятное время от Неба уступило выгодам местности, в которой расположен город.

Но вот представим себе, что стены городские — не скажешь, что невысокие, рвы у городских стен — не скажешь, что неглубокие, оружие и доспехи у бойцов — не скажешь, что неострые и непрочные, зерна и провианта у них — не скажешь, что немного, однако защитники города изыскивают разные предлоги и покидают его. Это означает, что выгоды местности уступили согласию людей.

Потому я и говорю: поселяй народ, не прибегая к ограждению его прочными границами; укрепляй владение, не используя горы и бурные реки; возвеличивай мощь Поднебесной, не применяя преимуществ в оружии и доспехах.

Больше содействия получает тот, кто обретает путь к истине, а кто теряет этот путь, тому меньше оказывают помощи.

Пределом наименьшего оказания помощи является возмущение, проявляемое близкими родными, а пределом наибольшего оказания помощи — покорное повиновение всей Поднебесной. Нападай же на то, против чего возмущаются твои близкие родные, и действуй тем, что приводит в покорность всю Поднебесную!

Потому-то и бывают такие добропорядочные мужи, которые не сражаются, а если сразятся, то обязательно выйдут победителями.

4.2. Мэн-цзы только было собрался на утренний прием к правителю-вану, как тот прислал гонца к Мэн-цзы сказать ему так: «Я-де, государь твой, готов был повидаться с тобой, но простудился и мне нельзя выходить на воздух из-за ветра, а потому не приеду к тебе. Рад был бы повидаться с тобой завтра на утреннем приеме во дворце, но не знаю, сможешь ли ты доставить мне удовольствие увидеться с тобой?»

Мэн-цзы на это ответил так:

— К несчастью, я внезапно заболел и не смогу посетить вана на утреннем приеме во дворце.

На другой день Мэн-цзы вышел из дома и отправился выражать соболезнование родоначальнику Дун-Го.

По этому случаю Гун-Сунь Чоу спросил Мэн-цзы:

— В прошлый день, вчера, вы отказались присутствовать на приеме во дворце по причине болезни, а сегодня отправились к другому лицу выражать соболезнование. Может быть, нельзя поступать так?

Мэн-цзы ответил:

— В прошлый день, вчера, я был болен, а сегодня выздоровел. Как же мне было не отправиться выражать соболезнование?

Ван послал гонца к Мэн-цзы узнать о его болезни. Прибыл и врач. Мэн Чжун-цзы (брат Мэн-цзы. — В. К.) сказал им:

— В прошлый день, вчера, брату было велено по повелению вана явиться во дворец, а у него случилось легкое недомогание, какое бывает при усиленном собирании хвороста в горах, а потому он не смог быть на приеме. Сегодня болезнь немного прошла, но я не знаю, направился ли он во дворец или нет.

Затем он послал несколько человек перехватить брата по дороге и сказать ему: «Пожалуйста, не возвращайся домой, а иди во дворец!»

Тогда Мэн-цзы пришлось направиться к родоначальнику Цзин Чоу и остаться ночевать у него.

Цзин-цзы (он же Цзин Чоу. — В. К.) спросил Мэн-цзы:

— В великой взаимосвязи людей внутреннее заключается в отношениях между отцом и сыном, а внешнее — между правителем-государем и его слугой-сановником. Главное между отцом и сыном — это милосердие, любовь, а между правителем и его слугой — уважение и почтение. Я, Чоу, усматриваю уважение нашего вана по отношению к тебе, но не вижу, чем ты проявляешь свое уважение к нему.

Мэн-цзы ответил ему:

— Ой! Какие же ты говоришь слова?! Из всех жителей владения Ци нет таких, которые говорили бы вану о нелицеприятном [должном] отношении к людям — «жэнь» и о [должной] справедливости «и». Неужели все они считают, что «жэнь» и «и» не являются чем-то прекрасным? Вот что скажу тебе: в сердце все они говорят про себя: «Да заслуживает ли этот ван того, чтобы говорить с ним о „жэнь“ и „и“?» Но! В таком случае это такое неуважение к вану, больше которого нет на свете! Я же никогда не осмеливаюсь представлять на усмотрение вана ничего такого, что не являлось бы соответствующим пути Яо и Шуня. Отсюда следует, что из циских людей нет таких, которые уважали бы своего вана так, как его уважаю я.

Цзин-цзы воскликнул:

— Да нет же! Я вел речь не об этом! В обрядовых правилах учтивости говорится: «На зов отца являйся сразу, а не отвечай „Ладно!“; на призывное повеление правителя иди тотчас же, а не жди, когда тебе запрягут колесницу!» (20) У вас ведь было твердое намерение быть на утреннем приеме у вана, но вы не осуществили его вследствие того, что услышали о повелении вана. По всему кажется, что вы не так поступили, как следовало бы в соответствии с правилами учтивости.

Мэн-цзы ответил:

«Разве ты об этом ведешь речь? Вспомни тогда, что говорил Цзэн-цзы: „Богатства, которыми обладают владетели Цзинь и Чу, недостижимы. Так пусть же они пользуются ими, а я буду поль-

зоваться моим нелюбимым отношением к людям; пусть они пользуются своей именитостью титулов, я же буду пользоваться моей справедливостью. Какой же может быть просчет у меня?!"

Неужели Цзэн-цзы говорил бы об этом, если это было несправедливо? В этом, может быть, и заключается единичность моего пути.

Для достижения почета в Поднебесной есть три условия. Одно из них — это именитость титула, одно из них — это преклонный возраст и еще одно из них — личные качества дэ (доблести. — В. К.).

При дворах правителей для почета нет лучшего условия, чем именитость титула; в сельской общине и сообществах — нет лучшего, чем преклонный возраст; а для тех, кто оказывает помощь миру и растит знания в народе, — нет лучшего, чем нравственные качества (доблести. — В. К.).

Как можно, довольствуясь приобретением одного из этих условий, относиться с пренебрежением к двум другим?

Вот почему весьма деятельный правитель-государь непременно имеет такого слугу, которого не призывает к себе, а сам идет к нему, когда пожелает обсудить что-либо. А такой правитель, у которого почитание личных качеств мудрецов и удовлетворение их в пути к познанию истины не таковы, какие должны быть, не заслуживает того, чтобы иметь с ним дело.

Вот почему Чэн Тан по отношению к И Иню сперва учился у него, а потом сделал его своим слугой-сановником, вследствие чего правил без всякого труда. Также и Хуань-гун по отношению к Гуань Чжуну сперва учился у него, а потом сделал его своим слугой-сановником, вследствие чего стал предводителем всех владетельных князей-ба без всякого труда.

Ныне же никто из владетельных князей-чжухоу в Поднебесной не может превзойти один другого, безобразия в их землях одни и те же, да и личные качества их одинаковы. Этому нет иного объяснения, как то, что они любят тех слуг-сановников, которых сами же поучают, но не любят тех, которые наставляют их самих.

Ни Чэн Тан по отношению к И Иню, ни Хуань-гун по отношению к Гуань Чжуну не осмеливались призывать их к себе.

Если тогда казалось недопустимым призывать Гуань Чжуна, то тем более это является недопустимым по отношению к таким, которые не столь недостойные, каким был тот».

4.3. Чэнь Чжэнь, обращаясь с вопросом к учителю Мэн-цзы, сказал:

— В прошлые дни, когда вы были во владении Ци, правитель-ван преподнес вам в дар сто слитков чистого золота, но вы не приняли. В эти нынешние дни, когда вы были во владении Сун, вам подарили семьдесят слитков весового золота, вы приняли; когда вы были во владении Се, вам подарили пятьдесят слитков весового золота, вы тоже приняли. Если вы были правы, не приняв дары в прошлые дни, значит, неправы, приняв дары в эти дни. А если вы правы, приняв дары в эти дни, то, значит, были неправы, не приняв дары в прошлые дни. Из этих двух положений, учитель, вам непременно придется остановиться на одном.

Мэн-цзы ответил:

«Я был прав во всех случаях! Когда я находился во владении Сун, мне предстояло совершить далекое путешествие, а путникам обязательно делают подарки на дорогу. При прощании мне сказали: „Это вам дар на дорогу“. Как же мне было не принять его? Когда я находился во владении Се, у меня в сердце было намерение предостеречься. При прощании мне сказали: „Наслышаны о вашей предосторожности, а потому дарим на приобретение оружия!“ Как же мне было не принять этот дар? Если же говорить о даре во владении Ци, то ему не было дано никакого предназначения, а делать подарки без предназначения — это значит подкупать кого-либо.

Где же видано, чтобы был такой добропорядочный муж, которого можно было бы взять подкупом?!»

4.4. Мэн-цзы прибыл в город Пинлу. Обращаясь к одному из сановников-дафу в этом городе, он сказал:

— Если кто-либо из твоих служилых людей, вооруженных пиками, допустит на дню раза три самовольную отлучку, ты прогонишь его или нет?

Тот ответил:

— Не буду ждать и трех раз.

Мэн-цзы ответил:

— Если так, то и ты сам в самовольной отлучке бываешь тоже много раз. В лихие годы и голодные лета из ваших людей сколько тысяч старых и малых валяются в канавы и пропасти от голода, а возмужалые разбегаются во все стороны!

Тот сказал:

— Это происходит вовсе не от того, что я, Цзюй-Синь, так поступаю.

Мэн-цзы сказал:

— [Тогда] представь себе, что ты являешься тем, кто получил у хозяина коров и овец, и пасешь их для него. В таком случае ты будешь обязательно искать для скота пастбища и сочные корма. Если же тебе не удастся найти пастбища и сочные корма, вернешь ли ты скот тому хозяину или все будешь оставаться на месте и взирать, как скот будет подыхать?

Тот ответил:

— Если так, то, значит, в этом моя, Цзюй-Синя, вина!

В другой раз Мэн-цзы как-то встретился с правителем-ваном и сказал ему:

— Я, ваш покорный слуга, знаю в вашей столице, которой вы правите, пятерых, из которых только один признает за собой вину — это Кун Цзюй-Синь.

Тут он рассказал вану о нем.

Ван сказал:

— Если дело обстоит так, то во всем этом вина моя.

4.5. Мэн-цзы, обращаясь к Чи-Ва, сановнику владения Ци, сказал ему:

— По-видимому, ты испросил себе должность наставника служилых людей, отказавшись от обязанностей градоправителя города Линцю, ради того, чтобы иметь возможность выступать с речами. Но вот уже прошло несколько месяцев, а ты все еще не можешь получить возможность говорить, не так ли?

Тогда Чи-Ва выступил перед правителем-ваном со своими советами, но они не были использованы, что привело к понижению Чи-Ва в должности слуги «чэнь», и он ушел со службы.

Жители владения Ци начали говорить:

— То, что Мэн-цзы сделал с Чи-Ва, — это хорошо, но мы не знаем, что он сделает теперь с самим собою.

Гун-Ду-цзы сообщил об этом Мэн-цзы.

Мэн-цзы сказал:

— Мне известно о том, что есть такие начальники, которые уходят со службы, если не справляются со своей должностью; есть и такие докладчики, которые удаляются, если им не удаются их речи. Я же не исполняю должность начальника, и на мне не лежит обязанность быть докладчиком. Разве я не волен быть свободным в своих поступках, выдвигаясь вперед или отступая назад?

4.6. В бытность Мэн-цзы высшим сановником-цин во владении Ци он как-то раз выехал послом во владение Тэн для выражения соболезнования. Правитель-ван послал Ван Хуаня, сановника-дафу из городка Гэ, сопровождающим его. Ван Хуань с утра до вечера торчал перед Мэн-цзы, и тот, на обратном пути из Тэн в Ци, не проронил с ним ни слова о посольских делах.

Гун-Сунь Чоу, обращаясь к Мэн-цзы, спросил его:

— Почему вы на обратном пути ни разу не заговорили со своим спутником о посольских делах? Ведь ваш пост высшего сановника-цин во владении Ци не является незначительным, а путь между владениями Ци и Тэн не такой уж близкий.

Мэн-цзы ответил:

— Ах! О чем бы я рассказал ему, раз кто-то другой уже справился с этим делом!

4.7. Мэн-цзы отправился из владения Ци во владение Лу на похороны матери. Возвращаясь обратно во владение Ци, он остановился в городке Ин. Ученик его Чун-Юй обратился к нему с такой просьбой:

— Вы не знали, что я такой непутевый, и на днях велели мне поторопить мастеров изготовить гроб. Я, Юй, не осмелился попросить ваших указаний, зная, что к похоронным делам вы строги. Я хочу теперь посягнуть на ваше внимание и сказать, о чем я имел намерение просить вас. Не показалось ли вам, что дерево для гроба было из прекраснейших пород?

Мэн-цзы ответил:

— Качество гробов и коробов для них, что изготовлялись в глубокой древности, не имело определенной меры. Во времена сред-

ней древности гроб делали толщиной в семь цунь, а короб соответственно прилаживали к нему. Это распространилось от Сына Неба до простых людей, и все они изоощряли свои сердца в изготовлении гробов, но не только ради того, чтобы гробы выглядели красивыми.

Кому не полагается делать такие гробы, тот не может быть довольным; у кого нет средств приобрести их, тот тоже не может быть довольным. Все люди с древних времен пользуются такими гробами, если им положено и они имеют средства приобрести их. Так почему же одному только мне не поступить так? К тому же только ли у меня одного нет той радости, которая имеется в сердцах людей, знающих, что они не допустили прилегания земли вплотную к кожному покрову их усопших?

Я слышал, что добропорядочный муж ради своих родителей не покусится всеми благами Поднебесной!

4.8. Шэнь Тун, чиновник владения Ци, лично от себя спросил Мэн-цзы:

— Можно ли пойти походом на владение Янь?

Мэн-цзы ответил:

— Можно! Цзы-Куай, правитель владения Янь, не должен был отдавать бразды правления над владением Янь, а Цзы-Чжи, главный советник, не должен был получать бразды правления над владением Янь у правителя Цзы-Куая.

Представь, что здесь был бы служилый человек, которому бы ты обрадовался. Не говоря своему правителю-вану ни слова, ты бы от себя лично дал ему жалованье и титул, который ты носишь. И вот этот служилый тоже, без приказанья правителя-вана, принял бы все это от тебя. Как, по-твоему, допустимо ли это?

Так какая же в этом разница с тем, о чем ты спрашиваешь?

Жители Ци пошли в поход на владение Янь. Кто-то спросил Мэн-цзы:

— Было ли так, что ты уговаривал цисцев напасть на яньцев?

Мэн-цзы ответил:

— Никогда! Шэнь Тун спросил меня, можно ли пойти походом на владение Янь. Отвечая ему, я сказал: «Можно». Они и в самом деле напали на яньцев. Если бы он спросил: «Кому можно

пойти походом на них?» — тогда я бы ответил ему так: «Будь то избранники Неба, то они могли бы пойти в поход на них».

Представьте, что сейчас здесь скажется кто-либо, убивший человека. Кто-нибудь спросит его: «Можно ли убивать людей?» — он ответит, что можно. Если бы тот спросил его: «Кому можно убивать их?» — тогда он ответил бы: «Тому, кто является наставником служилых людей, главным судьей».

Как же вы можете считать, что я уговаривал, если ныне само владение Янь напало на себя же.

4.9. Жители владения Янь восстали. Их правитель-ван сказал:

— Мне очень совестно перед Мэн-цзы за случившееся.

Сановник из владения Ци Чэнь Цзя сказал ему:

— Ван, не надо кручиниться об этом! Сами вы как считаете, ван, кто обладает большей нелюдуприятностью и кто мудрее: вы или основатель царства Чжоу-гун?

Ван перебил его:

— Тсс! Это что за слова такие?

Чэнь Цзя сказал:

— Чжоу-гун послал Гуань Шу наблюдать за иньцами, а тот использовал их для восстания. Если Чжоу-гун знал, что так случится, и все же послал Гуань Шу, значит, он не обладал нелюдуприятностью, а если не знал и все-таки послал, значит, не был умен. Чжоу-гун так и не проявил до конца ни беспристрастия, ни ума. Как же может быть у него больше того и другого, чем у вас, ван?

— Я прошу разрешения повидать Мэн-цзы и получить разъяснение этому.

При свидании с Мэн-цзы сановник Чэнь Цзя спросил его:

— Каким человеком был Чжоу-гун?

Мэн-цзы ответил:

— Премудрым человеком древности.

— Был ли такой случай, что он послал Гуань Шу наблюдать за иньцами, а тот использовал их для восстания?

Мэн-цзы ответил:

— Да!

Чэнь Цзя спросил:

— Знал ли Чжоу-гун, когда посылал его, что он возмутится?

Мэн-цзы ответил:

— Нет, не знал.

Чэнь Цзя спросил:

— Если так, то, значит, и премудрые люди совершают ошибки?

Мэн-цзы ответил:

— Чжоу-гун был младшим братом, а Гуань Шу — старшим. Разве при таком условии не была допустимой ошибка Чжоу-гуна? К тому же добропорядочные мужи глубокой древности когда ошибались, то исправляли ошибки, а нынешние добропорядочные мужи когда ошибаются, то потворствуют ошибке. Ошибки у добропорядочных мужей глубокой древности подобны затмениям солнца или луны, все народы видят их; когда же они исправляли их, то все народы взирали на них с благоговением. А добропорядочные мужи современности разве зря потворствуют ошибкам? Мало того, они еще исходят из них для своих оправданий!

4.10. Мэн-цзы отказался от обязанности быть слугой правителя и вернулся к себе. Ван тотчас отправился к Мэн-цзы повидаться с ним и сказал:

— Еще в прошлом мне хотелось видеться с тобой, но тогда никак не удалось осуществить это. Я был очень рад, когда мне все же довелось услуживать тебе на общих приемах во дворце, но теперь мы опять расстаемся, так как ты покидаешь меня и возвращаешься к себе. Не знаю, удастся ли еще продолжить это пребывание у меня и иметь возможность встречаться!

На это Мэн-цзы ответил:

— Мне, безусловно, хотелось бы этого, но просить не смею.

Как-то в другой раз ван обратился к мудрецу Ши-цзы и сказал ему:

— Я бы хотел пожаловать Мэн-цзы отдельный дом в самой середине моего владения, выдавал бы ему по сотне сотен чжун* зерна на содержание учеников, и чтобы все сановники-дафу, а также общественные люди страны имели возможность чтить его и

* Чжун — мера веса для сыпучих тел. В данном случае, с учетом разности весовых единиц в древности, получается около 13 тысяч тонн! Таково было высокое вознаграждение, предложенное Мэн-цзы в скрытой форме. — *Примеч. пер.*

подражать ему. Почему бы тебе не сообщить ему об этом от моего имени?

Ши-цзы упросил Чэнь-цзы, чтобы тот сообщил об этом Мэн-цзы. Чэнь-цзы передал Мэн-цзы слова Ши-цзы.

Мэн-цзы воскликнул:

— Верно! Но как Ши-цзы узнал, что для меня это невозможно? Впрочем, если допустить, что я хотел бы разбогатеть, то мой отказ от вознаграждения в сотни тысяч чжун и принятие взамен всего лишь сотни сотен ужель был бы выражением такого желания?

Когда-то Цзи-Сунь говорил: «Ну и чудак же Цзы Шу-и! Предлагал себя самого для ведения дел по управлению, — его не использовали. В таком случае следовало бы тоже на этом кончить, и все. А он предложил еще своих учеников в качестве высших сановников. Кому из людей не хочется быть также богатым и знатным? Только среди богатых и знатных порой бывают себялюбивые выскочки».

С древности повелось устраивать базары, на которых обменивали все то, что имели, на то, чего не имели, и были смотрители, которые управляли такими делами.

На этих базарах подвизались презренные мужи, которые стремились занять самые выигрышные места, взбирались на них, чтобы видеть, слева и справа, весь базар и ловить в свои сети все барыши от базарных сделок.

Все считали это подлостью, а потому выпроваживали их и взымали с них пошлину. Вот с этих-то презренных мужей и началось обложение купцов пошлиной.

4.11. Мэн-цзы, покинув владение Ци, остановился переночевать в пограничном городке Чжоу.

Кто-то, желавший ради своего правителя-вана задержать отъезд Мэн-цзы, подсел к нему и заговорил с ним. Мэн-цзы не отвечал ему, отпрянул от столика и улегся.

Гость выразил неудовольствие и сказал:

— Я, ваш ученик, соблюл все правила вежливости, после чего осмелился заговорить с вами, а вы, уважаемый учитель, улеглись и не слушаете меня. Простите! Больше не осмелюсь знаться с вами!

Мэн-цзы сказал ему:

— Садись! Я все объясню тебе.

В старину был такой Му-гун, правитель владения Лу, который не мог успокоить Цзы-Сы, пока у него не было другого преданного человека под боком. А Се Лю и Шэнь Сян не могли оставаться в покое, пока подле правителя Му-гуна не было верного человека.

Если ты также беспокоишься о том, кто старше тебя, то есть обо мне, то в этом ты уступаешь заботливости Цзы-Сы.

Вот и посуди сам, ты ли хочешь порвать отношения со мной или я порываю отношения с тобой?

4.12. Когда Мэн-цзы покидал владение Ци, некий уроженец этого владения Инь Ши говорил о нем людям: «Вот уж этот так непонятлив: он несколько не понимает, что наш ван не может быть таким, какими были когда-то Чэн Тан и У-ван. Если же он понимал, что наш ван таким быть не может, и все же прибыл к нему, значит, сделал это, домогаясь каких-то высоких милостей. Хоть он и прибыл за тысячу ли повидать вана, однако не встретился с ним, а потому и покидает наше владение. Отчего только он задержался в пограничном городке Чжоу так долго, что ночевал в нем трое суток и тогда только выехал из него? Что касается меня, Ши, то я всему этому ничуть не радуюсь».

Гао-цзы сообщил об этом Мэн-цзы.

Мэн-цзы сказал:

— Да откуда же этому Инь Ши знать меня? То, что я за тысячу ли прибыл повидать вана, — таково было мое желание, а то, что я не встретился с ним и потому покинул его владение, разве было вызвано моим желанием? Я был вынужден поступить так. В душе мне казалось, что я поспешил с выездом из городка Чжоу, переночевав там всего лишь трое суток. Я считал, что авось ван изменит мое намерение. Если бы ван переменял свое отношение, то он непременно вернул бы меня обратно. Когда же я выехал из Чжоу, а ван не послал гонцов за мной, вот тогда во мне появилось беспредельное желание вернуться обратно. Несмотря на это, я все же не поступил так, но разве я бросил вана? Казалось бы, что ван обладает достаточными качествами, чтобы тво-

рить добро. О, если бы ван использовал меня советником! Разве один только народ владения Ци обрел бы тогда спокойствие? Народ всей Поднебесной пребывал бы в нем! Я все дни так надеялся, что ван авось переменит свое отношение ко мне. Неужели же я столь подлый человек? Если бы я был таким, то на моем лице тогда появился бы гнев со всей яростью, когда ван не принял моих увещаний.

Покидая его, я бы остановился на ночлег лишь тогда, когда истощил бы все силы за весь день езды!

Узнав об этом, Инь Ши воскликнул:

— Это я, Ши, действительно, подлый человек!

4.13. Когда Мэн-цзы покидал владение Ци, его ученик Чун-Юй по дороге спросил его:

— Учитель, вид у вас словно бы недовольный, между тем на днях я, Юй, слышал от вас же, как вы сказали: «Добропорядочный муж на небо никогда не ропщет, да и людей никогда не винит ни в чем».

Мэн-цзы ответил:

— То было одно время, а теперь — другое! Говорят, что за пятьсот лет непременно должен возвыситься настоящий ван-правитель, и в течение такого промежутка времени обязательно должны появляться люди, которые прославятся в своем поколении. Но вот прошло более семисот лет от воцарения династии Чжоу до настоящего времени, и если исходить из этого счета, то срок уже миновал, а если проверять такие же периоды времени в прошлом, то с таким утверждением можно согласиться. Вот только Небо пока что не желает умиротворить Поднебесную. Если бы оно этого желало, то в наш век кто еще, кроме меня, готов пожертвовать собой для этой цели?

Как же мне не быть недовольным?!

4.14. Покидая владение Ци, Мэн-цзы остановился на жительство в Сю.

Обращаясь к нему, Гун-Сунь Чоу спросил:

— Служить, но не принимать жалованья — это путь, идущий с древних времен? Так ли?

Мэн-цзы ответил ему:

— Нет, не так. Дело в том, что мне довелось увидеться с вассалом-правителем в городе Чун, и, уходя от него, я возымел намерение покинуть владение. Я не принимаю жалованья от него только потому, что не желаю изменить своему намерению. Мне нельзя было сразу же просить об увольнении, так как вслед за моим посещением последовал бы указ войскам о боевой готовности, но задерживаться надолго во владении Ци не входит в мои намерения!

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТЭНСКИЙ ВЭНЬ-ГУН

Часть первая
(5 статей)

5.1. Князь Вэнь-гун во владении Тэн был еще наследником, когда он как-то раз отправился посетить владение Чу и, проезжая через владение Сун, повстречался там с Мэн-цзы.

Мэн-цзы убеждал его, что у людей задатки добрые от природы, а для подтверждения своих слов он непременно прославлял древнейших правителей Яо и Шуня.

Возвращаясь обратно из владения Чу, наследник снова повстречался с Мэн-цзы.

Мэн-цзы спросил его:

— Вы сомневаетесь в моих речах, наследник? Но ведь путь истины всего лишь один, и только!

Помните, еще Чэн Гань когда-то говорил про Цзин-гуна, правителя владения Ци: «Он — мужчина, и я тоже мужчина! Чего же мне страшиться его?»

Янь Юань как-то сказал: «Каков был Шунь, таков и я. Всякий будет таким же, кто будет действовать так же, как он».

Был еще Гун-Мин И, который говорил: «Мой наставник — сам Вэнь-ван! Неужели сын его Чжоу-гун обманет меня?»

Ныне, как ни кроить владение Тэн, отрезая, где длинно, и надставляя, где коротко, — оно будет всего в пятьдесят ли по сторонам. Тем более, вы сможете создать из него царство добрых. Но имейте в виду, в Посланиях записано: «Если от лекарства в глазах не зарябит, значит, оно не исцелит от болезни» (21).

5.2. Дин-гун, правитель владения Тэн, скончался. Наследник, обратившись к советнику Жань Ю, сказал:

— Когда-то Мэн-цзы говорил со мной во владении Сун, и его слова так запали мне в сердце, что я никогда не забуду их.

Теперь меня постигло несчастье. В связи с великой кончиной моего батюшки я бы хотел послать тебя к Мэн-цзы и спросить у него, как провести похороны, а потом уж приступить к делу.

Жань Ю прибыл в город Цзоу и справился у Мэн-цзы.

Мэн-цзы воскликнул:

— Да разве в этом не есть ли тоже проявление доброты?! Оплакивать родителей — это такое дело, которое, безусловно, следует исполнить самому до конца. Называть почтительным сыном можно лишь того, кто при жизни родителей служит им по правилам учтивости, а когда они умрут, хоронит и поминает их жертвоприношениями по тем же правилам.

Правила учтивости для владетельных князей мне еще не приходилось изучать, хотя о них я когда-то и слышал. В течение истекших трех эпох общими правилами для всех, начиная с Сына Неба и кончая простолюдинами, в таких случаях были: трехлетнее оплакивание, ношение простых и грубых одежд, приготовление пищи из жидких отваров.

Жань Ю вернулся и доложил об исполнении приказания. Наследник постановил совершить трехлетнее оплакивание усопшего правителя.

Старшие родственники наследника и все чины не пожелали этого и говорили:

— Никто из прежних государей нашего родового владения Лу не исполнял этого. Покойный государь тоже не исполнил. Нельзя единолично поступать вопреки этому обычаю, когда дело дошло до вас, наследник. К тому же в памятке говорится:

В оплакивании и в принесении поминальных жертв
Следуйте покойным праотцам нашим (22).

Возражая всем, наследник сказал:

— У меня есть от кого получать указания в этом деле.

Обратившись к Жань Ю, он сказал:

— В минувшие дни я никогда науками не занимался, любил верховую езду и упражнялся во владении мечом. И теперь я ка-

юсь в этом; мои старшие родственники и все чины мною недовольны. Боюсь, что они не смогут исполнить до конца великое дело оплакивания государя. Спроси у Мэн-цзы ради меня, как поступить.

Жань Ю снова прибыл в город Цзоу и спросил Мэн-цзы.

Мэн-цзы сказал:

— Правда, это такое дело, по которому обращаться с просьбой к другим нельзя. Учитель Кун-цзы говорил: «При кончине государя все внимают распоряжениям главного его советника». Пусть наследник пьет жидкий отвар, лицо его пусть будет очень мрачным, а когда вступит на трон, пусть громко всплакнет. Тогда никто из чинов и управителей не осмелится не выказывать скорби, и все будут стараться опережать его в этом. Когда в верхах есть что-нибудь такое, что они любят, то в низах обязательно будут любить это же в еще большей мере.

Духовные качества добропорядочных мужей — это ветер, а подлых людей — трава. Когда над травой проносится ветер, она непременно склоняется под ним.

Итак, все это зависит от самого наследника.

Жань Ю возвратился и доложил об исполнении приказания.

Наследник воскликнул:

— Верно! В самом деле, это дело зависит от меня самого.

Он пять месяцев провел в похоронном шатре из циновок и за это время не отдавал никаких распоряжений, никаких наказов.

Все чины и сородичи одобряли его и говорили, что он знает правила похоронного обряда. Когда наступил день погребения, со всех краев прибыли люди поглядеть на наследника. Соболезнующие возрадовались в сердце выражению печали на его лице, скорби в его беззвучном плаче и громких рыданиях.

5.3. Вэнь-гун, правитель владения Тэн, спросил Мэн-цзы, как устроить владение.

Мэн-цзы ответил:

«Народные дела нельзя откладывать. Об этом говорится в Стихах:

Днем в зарослях пырея время проводи,
А по ночам веревки вей.

Спеши скорей жилище возвести, —
Сначала все же поле хлебом засевай! (23)

Кто обладает постоянным имуществом, у того и сердце бывает постоянным, а кто не имеет постоянного имущества, у того нет и постоянного сердца, — в народе это принимается за путь истины. Если же не иметь постоянного сердца, то нет таких пороков, какие не совершались бы, а именно: распущенность, подлость, извращенность и мотовство. Когда народ погрязнет в преступлениях и тогда только преследовать и наказывать его — это значит ловить его в сети закона. Как может быть, чтобы народ ловили в сети, а тем временем на троне находился бы человек, который позволил бы это делать и еще относился бы к людям с нелицеприятностью?

Вот почему мудрый государь обязательно должен быть почтительным и бережливым, должен относиться к низшим с учтивостью. Взимать у народа подати по установленному правилу.

Даже Ян Ху говорил:

„Кто живет ради богатства, тот не бывает нелицеприятным к людям, а кто живет ради нелицеприятности к людям, не бывает богатым“.

При древнем роде Ся-Хоу, как 50*, так взимали „гун“**; при иньцах — как 70, так взимали „чжу“***, а у чжоуских людей как 100 „му“, так [только] „чэ“ (см. ниже. — В. К.). В действительности же со всех взимали и взимают по одной десятой от валового сбора урожая. „Чэ“ значит „отмена“****, а „чжу“ — „подмога“.

Древний мудрец Лун-цзы говорил:

* В этом месте в оригинале текста бросаются в глаза следы цензуры. После цифр есть лакуны, которые по контексту обозначают какие-то единицы измерения полевых участков земли. В китайских комментариях представлен знак «му», обозначающий меру площади, ныне приравниваемую к 6,15 а.

** Иероглиф «гун» 貢, имеющий еще и значение «дань», здесь явно обозначает подать (барщину), которая, судя по начертанию, вносилась либо меновой ценностью 貝, либо обрабатывалась физическим трудом 工.

*** Иероглиф «чжу» 助 буквально значит: «помощь», «подмога».

**** Столь смелая и безусловно правильная трактовка иероглифа 徹 принадлежит академику В. П. Васильеву. — В. К.

„Нет лучшего способа управлять землей, чем взимать «чжу». Нет худшего способа управлять землей, чем взимать «гун»“.

„Гун“ — это когда проверяют средний урожай за несколько лет и полученное количество принимают за постоянную величину. В счастливые годы, когда зерна столько, что часть его остается неубранной и делается, как говорится, „добычей волков“, брали бы больше подати, и это не считали жестокостью, а по правилам берут с народа мало, зато в лихие годы, когда не хватает зерна даже на обсеменение полей, по правилам обязательно взимают у народа подать в полной мере.

О правители, являющиеся родителями для народа! Как могут они считаться его родителями, когда доводят народ до того, что он бросает на них злобные взгляды; когда народ усердно трудится весь год, а не получает возможности содержать ни своего отца, ни своей матери; когда народу приходится по весу одалживать хлеб и возвращать с лихвой и этим доводить себя до того, что старые и малые сваливаются от голода в канавы и пропасти и гибнут там.

Между тем выдача потомственного жалованья чинам во владении Тэн строго исполняется.

В Стихах говорится:

Полей, дожидчек, на наше поле общественное,
Прольешься тогда и на частном моем участке (24).

Но ведь только при „чжу“ имелась возможность располагать общественными полями. Судя по этому стиху, хотя и установилась уже Чжоуская династия, „чжу“ тоже еще было.

Для народа учреждайте школы „сян“, „сюй“, „сюэ“ и „сяо“ для обучения его. В школах „сян“ воспитывайте малолетних, приучая их к правилам приличия, в школах „сяо“ обучайте грамоте, а в школах „сюй“ учите стрельбе.

При династии Ся школы назывались „сяо“, при династии Инь — „сюй“, а при династии Чжоу — „сян“. „Сюэ“ — общий предмет изучения при этих трех династиях, посредством которого уяснялись должные взаимоотношения между людьми.

Когда в верхах понимают должные взаимоотношения между людьми, тогда пробуждаются родственные чувства у простого народа к низам.

Когда в Поднебесной появится настоящий ван, он непременно прибудет к вам заимствовать ваши способы управления, и это будет означать, что вы станете его наставником.

В Стихах говорится:

Чжоу хоть и древнее царство,
Судьбы его все обновляются... (25)

Это было сказано про правителя Вэнь-вана. Вот и вы постарайтесь провести все это, что было сказано, и этим самым будет обновляться и ваше владение также».

Правитель владения Тэн послал своего сановника Би Чжэня спросить у Мэн-цзы о «колодезных» полях.

Мэн-цзы сказал:

«Твой государь собирается ввести управление на основе беспристрастия к людям. Он отобрал из числа своих сановников тебя и послал ко мне. Ты уж обязательно постарайся справиться с поручением.

Итак, управление на основе нелицеприятности к людям обязательно начинается с упорядочения земельных меж. Если упорядочение земельных меж ведется неправильно, тогда и „колодезные“ поля получают неодинаковыми, жалованье чинам будет выдаваться не поровну.

Вот почему жестокие правители и нечистые на руку чиновники во всех случаях нерадивы к упорядочению земельных меж.

Если же упорядочение земельных меж произведено правильно, тогда можно, сидя у себя дома, устанавливая раздел полей и назначать жалованья.

Ведь во владении Тэн пахотные земли представляют собой узкие полоски. Должно быть, среди них есть предназначенные для добропорядочных мужей, есть и для невежественных дикарей. Без добропорядочных мужей некому управлять дикарями, а без дикарей некому кормить, содержать добропорядочных мужей. Пожалуйста, сделайте так, чтобы дикари отдавали одну девятую из своего урожая и ввели у себя подать „чжу“. Все остальные пусть сами платят подати внутри владения в размере одной десятой дохода. Пусть у сановников ниже ранга верховных вельмож „цин“

обязательно будут поля клиньями (подобно начертанию иероглифа 圭 — скипетр. — В. К.). Эти поля должны быть по пятьдесят му. Остаточные земли распределите по двадцать пять му на чиновника*. Эти земли не отчуждать ни в случае смерти, ни в случае перемещения в другую округу. Окружные поля обрабатывать всем сообща. При выходе из округи или при вступлении в нее всем относиться друг к другу по-дружески, помогать друг другу в наблюдении за посевами и в охране их. При болезнях поддерживать друг друга, тогда в ста семействах, составляющих весь наш народ, установится родственная любовь.

Отмерьте землю по всем четырем сторонам в одно ли и разделите ее на равные участки, подобно начертанию иероглифа „колодец“. У вас получится девятьсот му на весь такой „колодец“. Средний участок пусть будет общим полем, а остальные участки по сто му раздайте восьми семьям в личное пользование. Сперва все сообща должны будут ухаживать за общим полем и только по окончании общих работ могут позволить себе заниматься работами на личных участках. Вот этим-то они и будут отличаться от дикарей.

Таково в общих чертах землеустройство, а если желательно развивать его, то это будет зависеть от твоего государя и от тебя».

5.4. Был некий Суй Син, выступавший с речами в пользу правления Шэнь-Нуна. Как-то раз он прибыл во владение Тэн из владения Чу, направился во дворец правителя Вэнь-гуна и сказал ему:

— Я из далекой страны. Прослышав о том, что вы, государь, осуществляете беспристрастность в делах управления, хочу сделаться вашим подданным, получив у вас постоянное место в торговых рядах.

Вэнь-гун отвел ему место. И вот несколько десятков его учеников, одетые в одежды из грубой шерсти, занялись починкой обуви и плетением циновок для снискания себе пропитания.

* Здесь мой перевод расходится с традиционной трактовкой. Предлагаю критикам внимательно пересмотреть все аргументы за и против по всем основным комментариям. — В. К.

Один из учеников Чэнь Ляна, по имени Чэнь Сян, со своим младшим братом Чэнь Сином прибыли во владение Тэн из владения Сун, притащив на плечах плуги и бороны. Они сказали правителю:

— Мы слышали, государь, что вы проводите управление, которое когда-то было предложено премудрыми людьми. Значит, и вы сами тоже являетесь премудрым. Мы хотим быть подданными премудрого.

Чэнь Сян, встретившись с Сюй Сином, очень обрадовался, забросил прежнее учение и стал учиться у него.

Как-то раз Чэнь Сян при встрече с Мэн-цзы, пересказывая ему речи Сюй Сина, спросил:

— Как же получается, что правитель владения Тэн добрый, когда ныне у него имеются свои житницы, амбары, склады и сараи, стало быть, для того, чтобы одному кормиться всем этим, утняя свой народ? Между тем Сюй Син утверждает, что правитель владения Тэн действительно добрый государь, хотя еще и не наслышан о пути к истине, согласно которому тот, кто добрый, «пашет вместе с народом и этим кормится, сам готовит себе утреннюю и вечернюю еду и в то же время правит народом».

Тогда Мэн-цзы спросил его:

— Учитель Сюй Син, безусловно, сам сеет хлеба, а потом питается ими, не так ли?

Тот ответил:

— Верно!

Мэн-цзы спросил:

— Учитель Сюй, безусловно, сам ткёт шелковые ткани, а потом одевается в них, не так ли?

Тот ответил:

— Нет! Учитель Сюй одевается в одежды из грубой шерсти.

Мэн-цзы спросил:

— Носит ли учитель Сюй головной убор?

Тот ответил:

— Носит.

Мэн-цзы спросил:

— Что за головной убор?

Тот ответил:

— Простой.

Мэн-цзы спросил:

— Сам ли он изготавливает его?

Тот ответил:

— Нет! Выменивает на зерно.

Мэн-цзы спросил:

— Почему же учитель Сюй не сам изготавливает его?

Тот ответил:

— Это помешает ему обрабатывать землю.

Мэн-цзы спросил:

— Учитель Сюй готовит пищу в котлах и чанах, пашет железным плугом, не так ли?

Тот ответил:

— Верно!

Мэн-цзы спросил:

— Сам ли он изготавливает все это?

Тот ответил:

— Нет! Выменивает на зерно.

Тогда Мэн-цзы сказал:

— Тот, кто выменивает на зерно посуду и утварь, этим не угнетает ли гончаров и плавильщиков? Разве гончары и плавильщики, выменивающие свои изделия на зерно, этим не угнетают также и земледельцев? Кстати, почему учитель Сюй не занимается ни гончарным, ни плавильным делом? Ведь он же учит: «Брать все из своего жилища, что есть под руками, и пользоваться этим». Зачем же он ведет такой оживленный обмен со всеми ремесленниками? Отчего учителя Сюй такая добука, как обмен, не пугает?

Тот ответил:

— Разумеется, дела, которыми занимаются все ремесленники, нельзя выполнить одному, наряду с обработкой земли.

Мэн-цзы воскликнул:

«Если так, значит, совмещать с обработкой земли можно лишь управление Поднебесной, так что ли?»

Есть дела для больших, а есть дела и для мелких людей, тем более когда все необходимое для одного человека изготавливают

сотни ремесленников. Если непременно делать все самостоятельно, а затем пользоваться самому же всем сделанным, то это приведет Поднебесную к тому, что в ней все станут снова по дорогам, не зная покоя и отдыха.

Потому-то и было когда-то сказано: „Одни работают сердцем, а другие мускулами. Кто работает сердцем, тот правит людьми, а кто работает мускулами, тем управляют люди. Кто управляет людьми, тот кормит их, а кто управляет людьми, тот кормится ими. Такова всеобщая справедливость в Поднебесной“.

Во времена, когда правил Яо, Поднебесная была в еще большем беспокойствии. Бурные потоки вод разливались поперек всей страны и бурлили в ней. Буйно разрастались травы и деревья, во множестве плодились дикие звери и птицы. Все пять видов хлебных злаков не всходили, а дикие звери и хищные птицы преследовали людей. Даже в Срединном владении всюду перекрещивались следы их лап и копыт. Удручался об этом один лишь Яо. Он выдвинул Шуня, и тот распространил в Поднебесной полный порядок в управлении. Шунь велел И взять в свое ведение огонь. Тот развел большие костры в горах и болотах, которые сожгли всю растительность в них, а дикие звери и птицы разбежались и попрятались. Юй прочистил русла девяти рек, прорыл стоки из рек Цзи и Та (Лэй) и спустил излишки вод в море. Он пробил путь рекам Жу и Жань, сделал стоки для рек Хуай и Сы и спустил их воды в длинную реку Цзян. Только после этого удалось обрести Срединное владение и кормиться в нем.

В те годы Юй восемь лет находился на чужбине. Он трижды проходил мимо ворот своего дома, но не входил в них. Пусть бы он и захотел пахать свою землю, разве ему удалось бы это?

Хоу Цзи обучил народ земледелию, как сажать и возделывать пять видов злаков. Их созревание обеспечило пропитание всему народу и каждому человеку.

Путь, благодаря которому существуют люди, заключается в том, чтобы они досыта питались и тепло одевались. Но если они будут жить праздно без обучения, то приблизятся к диким животным и птицам. И опять же премудрый правитель был озабочен этим. Он велел Се стать управителем всех обучающихся (Сы ту)

и научить их людским взаимоотношениям. Вот когда и появились чувство родства между отцом и сыном, чувство долга между правителем и слугой, разница в положении мужа и жены, порядок подчинения между старшим и младшим, доверие между друзьями и приятелями.

Источающий доблесть (т. е. Яо. — В. К.) говорил: „Заботься о нем (народе. — В. К.), привлекай его к себе, обуздывай его, выпрямляй его, содействуй ему, окрыляй его, побуждай его осознавать себя, к тому же поощряй его благодеяниями, оказываемыми ему!“

При такой заботе о народе остается ли еще досуг у премудрого правителя обрабатывать землю самому?

Яо считал своей заботой, что вдруг ему не удастся обрести в помощники Шуня. Шунь считал своей заботой, что вдруг ему не удастся обрести в помощники Юя и Гао Яо. Забота же у земледельца состоит лишь в том, как бы его сто му земли не остались невозделанными.

Милосердным называют того, кто раздает людям свои богатства; преданным называют того, кто обучает народ добру; нелюбезным (питающим чувства терпимости к людям. — В. К.) называют того, кто для Поднебесной обретает достойного человека в качестве правителя. Вот почему для таких людей отдать Поднебесную кому-либо легко, а обрести для нее достойного человека трудно.

Кун-цзы говорил так: „До чего же велик был Яо в качестве государя! Только Небо велико, и только Яо соответствовал ему! Он был настолько беспределен в своем величии, что народ не находил слов прославлять его.

О! Каков государь был Шунь! О величайший! Он владел Поднебесной, тем не менее сам не принимал участия в управлении ею!“ (26)

Разве Яо и Шуню, при управлении Поднебесной, не было куда использовать свои сердца? Однако и они тоже не отдавали свои сердца помыслам об обработке земли.

Мне доводилось слышать о том, как дикие племена И преобразовывались благодаря влиянию Ся, но еще не приходилось слышать, чтобы, наоборот, Ся преобразовывалось от диких племен И.

Чэнь Лян был рожден во владении Чу, но внял пути к истине, проложенному Чжоу-гуном и Чжун-Ни, [оттого] и направился на север, учиться в Срединном владении. Никто из обучающихся на севере не смог опередить его в успеваемости, потому и прозвали его корифеем среди служилых людей-ши. Ты и твой брат служили ему несколько десятков лет как наставнику, но он умер, и вот вы изменили ему.

В старину, когда скончался Кун-цзы, ученики его три года оплакивали, живя возле могилы, затем собрали свои пожитки, чтоб возвратиться по домам. Они вошли к Цзы-Гуну, поклонились ему и, переглянувшись, громко расплакались. Они плакали, пока не потеряли голос, тогда только отправились по домам. Цзы-Гун построил жилье у того места, где была могила Кун-цзы, и один прожил там еще три года, и только после этого вернулся к себе.

Как-то раз Цзы-Ся, Цзы-Чжан и Цзы-Ю возымели желание служить Цзы-Гуну так же, как служили Кун-цзы, на том основании, что у него было что-то такое, в чем он походил на премудрого человека Кун-цзы. Они стали принуждать и Цзэн-цзы к тому же. Цзэн-цзы, однако, сказал: „Нельзя! Того, кто омыт водами рек Цзян и Хань, выбелен лучами осеннего солнца, превзойти никак нельзя!“

Но вот здесь появился человек из южных диких племен Мань, язык которого щебечет, как у скворца. Он отвергает путь, который был указан нашими прежними правителями-ванами. Ты изменил своему наставнику и стал учиться у него. Значит, отошел и от учения Цзэн-цзы.

Мне приходилось слышать, что птицы переселяются из темных ущелий на высокие деревья, но еще не доводилось слышать, чтоб они спускались с высоких деревьев и проникали в темные ущелья. Во владении Лу в хвалебных песнях про Чжоу-гуна поется так:

Диких Жунов и Ди он отразил,
А диких Цзин и Шу он покарал! (27)

Еще в те времена Чжоу-гун отражал их, а ты учишься у них. Значит, и ты тоже преобразился, но не к добру».

Чэнь Сян, оправдываясь, сказал:

— Но ведь если следовать пути, который указывает учитель Сюй, то на базарах не будет разных цен, стало бытъ, и во всей стране не будет никакого обмана. Пошли тогда на базар за покупками любого мальчонку, ростом с пять чи, и его никто не обманет. Холсты и шелка будут в одной и той же цене, если будут одинаковой длины; мотки пеньки и клубки шелка будут в одной и той же цене, если будут одинаковы по весу; все пять знаков будут в одинаковой цене, если их будет столько же по весу; даже обувь будет стоить столько же, если будет одинаковая по размерам.

Мэн-цзы ответил:

— Привлекательностью вещей как раз и является их несходство. Некоторые рознятся друг от друга вдвое и впятеро, а другие в десятки и сотни крат, а бывает, даже в тысячи и десятки тысяч крат. Ты же их уравниваешь да еще и уподобляешь в цене. Это внесет смуту во всей Поднебесной! Кто же станет изготовлять обувь, если цена на большие и малые башмаки окажется одинаковой?

Как раз те, кто последует учению Сюй-цзы, опутают друг друга и станут творить обман. Как можно будет таким путем править владением и семьей?

5.5. И Чжи, один из сторонников учения Мо-цзы, упросил Сюй Би, ученика Мэн-цзы, устроить ему свидание с Мэн-цзы.

Мэн-цзы сказал:

— Я, безусловно, хочу повидаться с ним, но сейчас еще болен. Как только болезнь пройдет, немедленно отправлюсь к нему повидаться. Пусть больше не ходит к тебе.

В другой раз тот опять стал умолять о свидании с Мэн-цзы.

Мэн-цзы сказал:

«Вот теперь я могу встретиться с ним. Мой путь не проявится, пока не будет прям, а потому я покамест займусь выпрямлением его.

Я слышал, что И-цзы сторонник Мо-цзы. Мо-цзы считает, что при устройстве похорон правильным путем является то, чтоб они были проще.

И-цзы задумал этим путем изменить устои, сложившиеся в Поднебесной. Неужели он полагает, что нет ничего более ценного, чем этот путь?

Впрочем, И-цзы хоронил своих родных богато.

Стало быть, он послужил своим родителям тем, что сам же считает презренным!»

Сюй-цзы сообщил об этом И-цзы.

И-цзы сказал:

«Путь сторонников учености таков: „Люди с глубокой древности оберегали народ словно грудного младенца“ (28).

Что же это означает?»

Это означает именно то, что, по их мнению, в любви нет никаких различий по степеням и проявление любви начинается с близких родных».

Сюй-цзы сообщил об этом Мэн-цзы.

Мэн-цзы сказал:

«А верил ли И-цзы тому, что все люди относятся к сыновьям своих старших братьев с такой же любовью, как, скажем, к младенцам своих соседей?»

Он взял пример не из того ли места, где говорится о ребенке, который подполз к колодцу, готовый вот-вот упасть в него? В этом ведь у самого ребенка вины не было.

Между прочим, Небо, производя живые существа, наделяет их единой основой, а по И-цзы выходит, что таких основ две.

Должно быть, в глубокой древности существовал обычай не хоронить своих близких родных. Когда те умирали, их сбрасывали в глубокие пропасти. Но когда людям приходилось все же проходить мимо таких мест, они видели, как эти трупы поедали лисы и шакалы, мухи и черви пожирали их тлен. У проходящих мимо испарина выступала на лбу, они отводили в сторону глаза, чтобы не смотреть.

Эта испарина была вовсе не показная для других людей. Она вызывалась чувством, идущим из глубины сердца, и проступала на лице.

Должно быть, тогда же люди возвращались к себе за корзинами и носилками для таскания земли и засыпали эти трупы.

Если это делается взаправду, со всей искренностью, то в таком случае у детей, почтительных к своим родителям, и у людей,

беспристрастных ко всем людям, которые зарывают трупы своих родных, обязательно есть путь, ведущий к истине».

Сюй-цзы сообщил об этом И-цзы.

И-цзы опешил и, немного помолчав, сказал:

— Вот так проучил меня!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТЭНСКИЙ ВЭНЬ-ГУН

Часть вторая
(10 статей)

6.1. Чэнь Дай, ученик Мэн-цзы, сказал ему:

— Должно быть, для вас суций пустяк не видется с владельческими князьями-чжухоу, тогда как крупные из них от одного только вашего свидания с ними могли бы сделаться ванами-правителями, а мелкие — предводителями князей-ба. Казалось бы, что следует согласиться и сделать так. К тому же в «Записях речений» сказано: «На один чи согнешься, а выпрямишься на целых восемь чи *» (29).

Мэн-цзы ответил:

«Цзин-гун, правитель владения Ци, как-то раз охотился и махнул лесничему своим родовым знаменем, призывая его к себе. Тот не явился, и правитель готов был обезглавить его. Почему Кун-цзы для такого изречения: „Служилый-ши волевой, не забывай, что окажешься во рву или в пропасти; служилый-ши удалой, не забывай, что лишишься своего начала, т. е. головы“ (30) — взял лесничего в качестве примера. Взял из-за того, что лесничий не пошел на зов правителя, не положенный ему по рангу. А что, если он пошел бы, не ожидая зова?!

Перейдем пока к изречению: „Согнешься на один чи, а выпрямишься на целых восемь чи“. Речь идет о выгоде. Если исходить из выгоды, то согласишься ли и ты тоже на такую выгоду,

* Чи — мера длины, определяемая в старину подобно русской мере «локоть», английской мере «фут» (ступня ноги) и т. п. В настоящее время эта мера приравнена к 32 см. — *Примеч. пер.*

чтоб согнуться на целых восемь чи, а выпрямиться всего лишь на один.

Когда-то в прошлом Цзиньский сановник Чжао Цзянь-цзы велел вознице Ван Ляну повезти в боевой колеснице своего любимца Би Си, чтобы тот поохотился. Прошел целый день, между тем тот ни разу не поднял дичи. По возвращении с охоты Би Си доложил сановнику: „Этот Ван Лян — презреннейший возница во всей Поднебесной!“ Кто-то сообщил об этом Ван Ляну. Тогда Ван Лян сказал: „Прошу повторить поездку!“ Би Си сначала упорствовал, а потом согласился. И вот за одно только утро до обеда дичь была поднята десять раз. Вернувшись с охоты, Би Си доложил: „Этот Ван Лян — прекраснейший возница во всей Поднебесной“. Тогда Чжао Цзянь-цзы предложил: „Я велю ему править твоей колесницей“ и сказал об этом Ван Ляну. Ван Лян не согласился и отговорился так: „Когда я для него правил образцово, он за весь день ни разу не поднял дичи, а когда я с хитростью наезжал на дичь, то он за одно только утро до обеда забил десять птиц (31). В Стихах говорится:

Не делай упущений в езде своей,
Тогда метнешь стрелу, как камень пробивной! (32)

Позвольте же мне отказаться: никак не привыкну править колесницей у подлого человека“.

Даже вознице и то было стыдно сближаться с таким стрелком, и он не сделал этого, несмотря на то, что от сближения с ним получил бы целую гору разной дичи.

А что, если б я искривил свой путь и последовал за такими владетельными князьями, о которых ты говоришь?!

К тому же ты переступил правила рассуждения: из тех, кто кривит своей душой, не было еще таких, которые могли бы выпрямлять сердца людей!»

6.2. Цзин Чунь спросил Мэн-цзы:

— Скажи по правде, разве не великие мужи были Гун-Сунь Янь и Чжан И? Ведь от одной вспышки их гнева владетельные князья трепетали от страха, а когда они пребывали в покое, по всей Поднебесной гасли раздоры.

Мэн-цзы возразил ему:

«Как же это у тебя получается, что они великие мужи? Ты, видно, еще не изучал правила учтивости и обрядов. При надевании убора на голову юнца, делающегося мужчиной, его наставляет отец, а при выходе дочери замуж ее наставляет мать. Она провожает дочь до ворот и наказывает ей: „Направляясь в свой дом, будь обязательно почтительна, будь осторожна, не противься мужу“. Значит, послушание считается правильным путем для жен и наложниц.

А отец наставляет: „Живи в просторном жилье Поднебесной так, чтоб тебе было со всеми просторно, становись в ней на надлежащее для тебя место и ступай по ее великому пути. Удадутся тебе твои стремления — следуй им на пользу народу, а если нет — все равно следуй один по должному пути“ (33).

Великим мужем называют того, кого не совращают ни богатство, ни знатность; кого не сдвинут в сторону ни бедность, ни презрение; кого не заставят согнуть спину ни величие, ни воинственные угрозы».

6.3. Чжоу Сяо спросил Мэн-цзы:

— Поступали ли на службу добропорядочные мужи в древние времена?

Мэн-цзы ответил:

— Да, поступали. В преданиях говорится: «Когда у Кун-цзы в течение трех месяцев не было государя, то он был словно потерянный. Покидая пределы страны, он обязательно клал служебные знаки отличия в свою колесницу» (34). Гун-Мин И говорил так: «С древних времен повелось, чтоб люди принимали соблезнования, если в течение трех месяцев не находили себе господина».

Чжоу Сяо удивился:

— Не очень ли поспешно принимали соблезнования, если в течение трех месяцев не найдется господин?

Мэн-цзы ответил:

— Потеря места для служилого человека равносильна потере владения для владетельного князя. В правилах вежливости при обрядах говорится: «У владетельных князей [доход] „чжу“ по обработке земли идет на поставку жертвенного зерна в жертвенные

сосуды. Жены их разматывают шелковичные коконы для того, чтобы из нитей изготовлять одежды. Если не удастся вырастить скот для жертвоприношения, если не очищены жертвенные сосуды для жертвенного зерна, если не изготовлены одежды, тогда князья не осмеливаются совершать обряд жертвоприношений. Не приносят жертвоприношений только те служилые люди-ши, у которых нет пахотной земли» (35). Разве не достойны соболезнования те, кто по причине того, что у них не припасены скот для заклания, сосуды для жертв и парадные одежды, не осмеливается устраивать жертвоприношений, а стало быть, не осмеливается устраивать и пиры?

Чжоу Сяо спросил:

— А зачем при выезде за границу было обязательным брать с собою в колесницу служебные знаки отличия?

Мэн-цзы ответил:

— Для служилого человека-ши находиться на службе все равно, что для земледельца обрабатывать землю. Разве бросит свой плуг и борону пахарь из-за того, что ему надо будет перейти через границу?

Тот сказал:

— Владение Цзинь тоже такое, в котором служат добропорядочные мужи, но мне еще никогда не доводилось слышать, чтоб там так ревностно относились к службе. Если к ней относиться с такой ревностностью, то каково же добропорядочным мужам, которым трудно будет служить?

Мэн-цзы ответил:

— Когда рождается мужчина, то желают ему, чтоб он обзавелся семьей; когда рождается женщина, то желают ей, чтоб она создала семью. Родительские чувства присущи всем людям. Ведь ту, которая, не дожидаясь повеления родителей, сговора свах и сватов, пролезет через щель в заборе подсматривать за соседским сыном, или того, кто перелезет через забор и побежит за соседской дочкой, родители, да и все государственные мужи, будут всегда презирать.

Люди с древнейших времен всегда испытывали желание служить, причем они чувствуют отвращение ко всем, кто идет к этому не по должному пути.

Те, кто идет к службе не по должному пути, относятся к тому роду людей, которые пролезают через щели в заборе или перелезают через него.

6.4. Пэн Гэн обратился к Мэн-цзы с таким вопросом:

— Не считаете ли вы расточительством то, что за вами следует несколько десятков колесниц и вас сопровождает несколько сот человек для того, чтобы вместе с вами угощаться яствами у владетельных князей-чжухоу?

Мэн-цзы ответил:

— Ни одной плетушки еды нельзя принимать от людей, если они опровергают свой путь к истине, а если признают этот путь, то я не считаю расточительством даже и то, что Шунь принял от Яо всю Поднебесную! А ты считаешь, что это было расточительством?

Тот ответил:

— Нет! Но я не согласен, чтобы служилые люди-ши кормились, не неся никакой службы.

Мэн-цзы ответил:

— Если у тебя не будет взаимного обмена заслугами и услугами и ты не будешь восполнять нехватку одних излишками других, то у тебя окажутся землепашцы с избытками зерна и женщины-ткачихи с избытками тканей. Если же ты введешь взаимобмен всем этим, то у тебя найдут пропитание все, даже плотники и колесники. Теперь представь себе, что здесь есть такой человек, который, входя в свой дом, проявляет почтительность к родителям, а выходя из дома, оказывает братскую любовь ко всем окружающим; он блюдет путь прежних великих ванов в ожидании тех последующих, которые будут учиться ему, тем не менее этот человек не получил пропитания у тебя. Почему же ты с таким пренебрежением относишься к тому, кто делает людей нелюбимыми и справедливыми, между тем плотников и колесников чтить с таким большим уважением?

Пэн Гэн ответил:

— У этих плотников и колесников вся воля направлена к тому, чтобы снискать пропитание, а разве у добропорядочного мужа,

прокладывающего путь к истине, его воля тоже направлена к снисканию пропитания?

Мэн-цзы воскликнул:

— Да какое тебе дело до его воли? У него есть заслуги перед тобой, и если он заслуживает пропитание, то корми его! К тому же ответь мне, ты за что будешь кормить: за волю или за заслуги?

Тот ответил:

— За волю.

Тогда Мэн-цзы спросил:

— Представь себе, что здесь есть человек, который по неумению ломает у тебя черепицу и царапает рисунки на стене, а воля его направлена на то, чтобы снискать пропитание у тебя. В этом случае ты накормишь ли его?

Пэн Гэн ответил:

— Нет, не накормлю!

Мэн-цзы тогда сказал:

— Если так, то, значит, ты кормишь за заслуги, а не за волю!

6.5. Вань Чжан задал Мэн-цзы такой вопрос:

— Сун — маленькое владение. Ныне его правитель собирается осуществить настоящее вановское правление, между тем правители владений Ци и Чу ненавидят его и готовятся в поход против него. Как в таком случае следует поступить?

Мэн-цзы ответил ему так:

«Когда-то Чэн Тан жил в своей столице Бо по соседству с маленьким владением Гэ, правитель которого в звании „бо“ вел себя очень разнузданно и не совершал жертвоприношений даже своим предкам. Чэн Тан послал гонца спросить, почему тот не совершает жертвоприношений предкам. Тот ответил: „Мне нечем совершать: у меня нет жертвенного скота“. Чэн Тан послал ему коров и овец. „Бо“ съел присланный скот и опять перестал приносить жертвы предкам.

Чэн Тан снова послал к нему гонца узнать, почему тот не совершает жертвоприношений. Тот ответил: „Мне нечем совершать: у меня нет жертвенного зерна“. Тогда Чэн Тан послал из Бо своих дружинников во владение Гэ вспахать землю для этого са-

новника, а их старым и малым велел разносить пищу в поле. Сановник „бо“ из владения Гэ повел своих людей и стал отнимать у тех, кому приносили, вино, а также яства из проса и риса. Тех, кто не отдавал, они умерщвляли. У одного отрока была еда, приготовленная из мяса с просом. Ее отняли, а мальчика убили. В Писаниях сказано: „«Бо» из владения Гэ вызвал вражду из-за еды“ (36). Как раз про этот случай здесь и говорится. За убийство отрока был совершен карательный поход на владение Гэ, о котором в пределах земель, омываемых четырьмя морями, все говорили: „Не для обогащения Поднебесной, а для отмщения за горе простых мужчин и женщин“.

Чэн Тан начал походы с владения Гэ. За одиннадцать походов у него не осталось врагов во всей Поднебесной. Бывало, идет он в поход на восток, а западные племена И ропщут, пойдет походом на юг, северные племена Ди тоже ропщут: „Почему же нас освобождает он напоследок?“ Упование на него, до которого доходил народ, было подобно тому, какое бывает на дождь во время большой засухи. Купцов, возвращавшихся на базары, не останавливали; рабы, половшие на полях сорняки, больше не бунтовали. Великую радость, как от ниспадения благовременного дождя, народ испытывает при казни его жестокого правителя, при утешении его от пережитых невзгод.

В Писаниях сказано: „Ждите нашего властелина! Он придет, и тогда уже больше не будете страдать от жестоких истязаний!“ (37).

В восточном владении Ю оказались непокорные сановники. У-ван при походе на восток умиротворил их служилых людей с женами: те явились с корзинами, наполненными доверху черными и желтыми шелками, возглашая: „Будем служить нашему Чжоускому вану и доставлять ему приятный отдых! Только как покорные слуги подчинимся великой столице Чжоу!“

Вот так эти добропорядочные мужи встречали тех с полными корзинами черных и желтых шелков, равно как и мелкий люд этих мест встречал тот мелкий люд с плетушками, наполненными едой, с кувшинами настоек. Из беды, подобной наводнению или пожару, народ спасают только тем, что забирают его губителя, вот и все.

В „Великой клятве“ сказано: „Пусть взметнется только наше оружие! Вторгнемся в пределы Юй, схватим тогда его губителя, будем широко карать и казнить, и заслуги наши станут блистательнее, чем у Чэн Тана!“ (38).

Говорю тебе, вот что значит не идти по пути вановского правления!

Если правитель владения Сун пойдет по вановскому пути, тогда в землях, омываемых четырьмя морями, поднимут головы все люди. Они станут с упованием взирать на него, будут желать, чтоб он стал их государем.

В таком случае чего же бояться владений Ци и Чу, хоть они и велики?!»

6.6. Мэн-цзы, обращаясь к Дай Бу-шэну, сказал:

— Ты бы хотел, чтоб твой ван-повелитель научился быть добрым? Я поясню тебе, как это сделать. Представь себе, что здесь есть сановник-дафу из владения Чу. Он хотел бы, чтоб его сын овладел языком жителей владения Ци. В таком случае кому он поручит пестовать сына: уроженцу владения Ци или владения Чу?

Тот ответил:

— Поручит пестовать уроженцу владения Ци.

Тогда Мэн-цзы сказал:

«Тогда получится, что один уроженец Ци будет его пестовать, а толпы уроженцев Чу будут заглушать его своим говором; пусть даже каждый день отец будет пороть сына и добиваться, чтоб он говорил, как цисец, ему не удастся добиться этого.

Если же он увезет сына и поместит на несколько лет в оживленнейший квартал Чжуаньюэ столичного города во владении Ци, тогда пусть хоть каждый день порет его, добиваясь, чтоб он говорил на родном языке, по-чуски, все равно это ему не удастся.

Ты говоришь про Се Цзюй-чжоу, что он добрый служилый. Сделай так, чтоб он жил у вашего правителя-вана. Но тогда пусть все, кто там же живет, старые и малые, презренные и уважаемые, станут такими же, как Се Цзюй-чжоу. Как же тогда ваш ван не будет добрым? Если же у вана все старые и малые, презренные и уважаемые не будут такими, как Се Цзюй-чжоу, то к кому же вану проявлять доброту?

Подумай, какое влияние на правителя-вана владения Сун может оказать один только Се Цзюй-чжоу!»

6.7. Гун-Сунь Чоу спросил Мэн-цзы:

— В чем смысл того, что вы встречаетесь с владетельными князьями-чжухоу?

Мэн-цзы ответил ему:

«С глубиной древности все те, кто не был слугами-сановниками у владетельных князей, не являлись для свидания с ними. Например, некий Дуань-Гань Му перелезал через ограды, лишь бы избежать встречи с князем, а мудрый Се Лю запирали ворота на засов и не пускали князей внутрь своего дома. Все же это было уж слишком. Я бы мог свидеться с князем, если он настоятельно принудил меня к этому.

Так, Ян Хо пожелал увидеться с Кун-цзы, но его отвращало, что это окажется неучтивым поступком, так как сановнику-дафу не полагается принимать дары от служилых-ши. В таких случаях следовало направиться к дому служилого и поклониться в воротах. Ян Хо подглядел, когда Кун-цзы не было дома, и принес ему в дар жареного поросенка. В свою очередь, Кун-цзы тоже подсмотрел, когда того не было дома, и направился к его воротам поклониться. Во всем этом первым все же оказался Ян Хо. Разве Кун-цзы должен был бы и в этом случае не видеться с ним?! (39)

По этому поводу Кун-цзы сказал: „Жеманиться и деланно смеяться изнурительнее, чем копать летом грядки на огороде“, а Цзы-Лу сказал так: „Поглядишь в лицо тому, кто ведет речь, в душе сам не согласный с ней, лицо у того так и зардеет от стыда, но это не потому, что я, Ю, распознал его“.

Из всего этого ты можешь полностью представить себе, что должен добропорядочный муж воспитывать в себе».

6.8. Дай Ин-чжи сказал Мэн-цзы:

— Ныне пока еще нельзя перейти на десятинный сбор и отказать от взимания пошлин на заставах и рынках. Я просил об облегчении обложения до наступления будущего года, а уж затем покончить с этим. Как ваше мнение?

Мэн-цзы ответил так:

— Представим себе, что в настоящее время у нас есть такой человек, который ежедневно таскает кур у своего соседа. Когда

кто-либо скажет ему: «Так добропорядочные мужи не поступают», он ответит: «Прошу, не обессудьте за это. Я в месяц таскаю только по одной курочке. Подождите до будущего года, и тогда я прекращу это».

Если вы знаете, что это несправедливо, то поскорей прекратите это, вот и все. Зачем еще ждать наступления будущего года?

6.9. Гун-Ду-цзы обратился к Мэн-цзы с вопросом:

— Осмелюсь спросить, почему все посторонние люди говорят про вас, учитель, что вы любите спорить?

Мэн-цзы ответил:

«Да разве я люблю спорить?! Мне приходится все время вступать в споры.

Прошло уже очень много времени, как зародилась Поднебесная, и всегда каждому периоду порядка в ней сопутствует один период беспорядка.

Во времена, когда жил Яо, реки потекли вспять и воды, разлившись, затопили все его Срединное владение. Народ не находил себе места, так как повсюду завелись змеи и ящеры.

Жившие в низинах стали строить жилища на деревьях, а жившие на возвышенностях рыли пещеры, защищенные ограждениями. В Писаниях сказано: „Да послужат мне предостережением низвергшиеся воды! Низвергшиеся воды — это значит разлившиеся“ (40).

Было велено Юю упорядочить воды рек. Юй прорыл русла в землях Яо и направил реки к морю. Он вогнал змей и ящеров в болота и трясины. Так образовались реки Цзян, Хуай, Хэ и Хань, текущие из середины земель Яо.

Лишь после того, как были устранены опасности и препятствия для жизни и уничтожен вред, который причиняли хищные птицы и дикие звери, люди получили возможность разровнять земли и поселиться на них.

Путь премудрых людей пришел в упадок, поскольку Яо и Шунь умерли, а их место заняли жестокие правители, которые ломали дома и подсобные помещения, чтобы рыть пруды и садки для рыбешек. Народ же потерял пристанище для отдыха и покоя. Заброшенные поля были обращены в сады и зверинцы, что лиши-

ло народ возможности добывать одежду и пищу. Вдобавок к этому появились превратные учения и жестокие злодеяния. По мере того как садов и зверинцев, прудов и садков, трясин и болот становилось все больше, опять появились хищные птицы и дикие звери.

С появлением Чжоу-Синя в Поднебесной вновь возникла великая смута.

Сделавшись советником правителя У-вана, Чжоу-гун казнил злодея Чжоу-Синя и направился в поход на владение Янь*. За три года он покарал правителя этого владения, обезглавил полководца Фэй Ляня, загнав его на (морской? — В. К.) мыс, и уничтожил правителей пятидесяти владений. Чжоу-гун отогнал далеко от своих земель тигров, барсов, носорогов и слонов. И тогда Поднебесную охватила большая радость.

Вот как сказано обо всем этом в Писаниях: „Сколь велики и светлы были замыслы Вэнь-вана! Сколь велика поддержка их, оказанная доблестями У-вана! Безупречной прямою они помогли последующим потомкам и вразумили их“ (41).

Однако, по мере того как поколения стали хиреть и путь к истине начал сходить на нет, вновь поднялись превратные учения и начали совершаться жестокие злодеяния. Среди слуг правителей появлялись такие, которые умерщвляли своих господ, а среди сыновей оказывались такие, которые убивали своих отцов. Испуганный всем этим Кун-цзы написал летопись „Вёсны и осени“ — „Чунь-цю“. В этой летописи описываются деяния Сынов Неба — правителей Поднебесной.

Вот почему Кун-цзы говорил: „Пусть же поразмыслят над «Чунь-цю» те, кто знает меня! Пусть же поразмыслят над «Чунь-цю» и те, кто обвиняет меня!“ (42)

Однако премудрые правители-ваны так и не появляются, вследствие чего владетельные князья-чжухоу предаются распутству, а готовящиеся быть служилыми людьми „чу-ши“ пускаются в переуды. Всю Поднебесную заполняют речи Ян Чжу и Мо Ди.

Ныне все выступающие с речами в Поднебесной если не склоняются к учению Ян Чжу, то склоняются к учению Мо Ди.

* По разметке старого издания (1674 г.) здесь должен быть знак препинания.

Призыв „Все для меня“ в учении господина Ян Чжу означает, что для него нет государя-правителя, а призыв „Совмещай любовь ко всем“ в учении господина Мо Ди означает, что для него нет родного отца. Не иметь родного отца, не иметь государя — это значит быть хищным зверем или птицей!

Гун-Мин И говорил:

„Когда на кухне правителя есть жирное мясо, а в конюшне — упитанные кони, тогда как народ имеет истощенный вид, а в пустошах валяются трупы людей, умерших от голода, — это все равно, что выпускать хищных зверей на людей для пожирания их!“

Пока путь, которому учат Ян Чжу и Мо Ди, не будет пресечен, до тех пор путь Кун-цзы не проявится.

Ведь эти превратные учения, вводя народ в обман, заграждают доступ к „жэнь“ — нелицеприятному отношению между людьми, к „и“ — проявлению чувства справедливости; если же заграждать доступ к „жэнь“ и „и“, то это равносильно тому, что выпускать зверей на пожирание людей; тогда в будущем и сами люди начнут пожирать друг друга.

Устрашенный всем этим, я ограждаю путь прежнего Мудреца (Кун-цзы. — В. К.) и отражаю разнузданные речи, которые распространяют Ян Чжу и Мо Ди, чтобы те, кто придерживается превратных учений, не имели возможности проявлять их, а если будут проявлять в своих сердцах, то причинят вред своим же делам, а проявляя их в делах, причинят вред в своем же управлении...

Это мое рассуждение не подменил бы другим сам Премудрый Кун-цзы, если поднялся бы вновь из гроба.

Когда-то в старину Юй преградил разлив вод, и в Поднебесной водворился покой. Чжоу-гун совместил управление разными племенами И и Ди, изгнал хищных зверей, и все сто семей народа обрели спокойствие в жизни. Кун-цзы завершил летопись „Вёсны и осени“, и тогда все мятежные слуги-сановники и разбойные сыновья устрешились.

В Стихах говорится: „Если кто из племен Жун и Ди, так бей его насмерть в грудь, а если из племен Цзинь и Шу, так наказывай, тогда никто не осмелится принять на себя наше преемство в

управлении“ (43). Те, кого Чжоу-гун в этих стихах поражал насмерть, как раз были из племен, не имевших отцов и не имевших государей-правителей.

Вот и я тоже хочу направлять на правильный путь сердца людей, гасить превратные учения, отражать неправильные действия, изгонять разнузданные речи, чтобы быть преемником трех Премудрых (Юя, Чжоу-гуна и Кун-цзы. — В. К.).

Да разве я люблю спорить?! Меня вынуждают к этому.

Тот есть последователь Премудрого человека Кун-цзы, кто в состоянии словом отразить учения Ян Чжу и Мо Ди».

6.10. Куан Чжан, обратившись к Мэн-цзы, воскликнул:

— Разве, в самом деле, Чэнь Чжун-цзы не бескорыстный служивый-ши? Он поселился в Улине. Там три дня ничего не ел и так отощал, что уши его перестали слышать, глаза перестали видеть. У колодца росла слива, плоды которой черви сточили больше чем наполовину. Он подполз к сливе и стал есть эти плоды. После того как он проглотил третью сливу, уши его стали слышать, а глаза — видеть.

На это Мэн-цзы ответил так:

«Из служивых людей-ши во владении Ци я, безусловно, отмечу Чэнь Чжун-цзы на большой палец (т. е. превосходным. — В. К.). Хотя даже и такого, как он, можно ли считать бескорыстным? Ведь для того, чтобы полностью проявить щепетильность, к которой стремится Чжун-цзы, надо сделаться земляным червем, только тогда это станет возможным.

В самом деле, земляной червь довольствуется тем, что ползет кверху и питается перегноем, углубляется вниз и пьет воды из желтых источников (т. е. могил. — В. К.).

В каком же доме обитает Чжун-цзы: в том ли, который выстроил честный Бо-И, или в том, который присвоил бесчестный разбойник Чжи?

Каким зерном питается Чжун-цзы: тем ли, которое вырастил честный Бо-И, или тем, которое грабил бесчестный разбойник Чжи?

Все это ведь остается пока неизвестным».

Куан Чжан возразил:

— Ну и какая же в этом беда? Зато он сам плетет обувь, жена прядет пряжу, и они обменивают все это.

Мэн-цзы ответил:

«Чэнь Чжун-цзы происходит из родовой семьи во владении Ци. Его старший брат, по имени Дай, с одного только владения Гэ получает жалованье десять тысяч „чжун“ зерна. Однако такой оклад старшего брата Чжун-цзы считает нечестным, а потому не довольствуется у него. Дом старшего брата он тоже считает нечестно нажитым, а потому не живет в нем. Он поселился в Улине, избегая старшего брата и покинув родную мать.

Как-то раз он возвратился в отчий дом, и кто-то поднес в это время живого гуся в подарок старшему брату. Тогда, насупившись, Чжун-цзы сказал: „На что нужен этот гоготун, что с ним делать?“ На другой день мать зарезала этого гуся и стала угощать им Чжун-цзы. В это время с улицы вошел старший брат и сказал: „Да это же мясо того самого гоготуна!“ Чжун-цзы вышел из-за стола и изрыгнул съеденное.

Все, чем угощала его мать, он перестал есть, а ел только то, что готовила жена. В доме старшего брата он не стал жить, а поселился в Улине. Неужели же такого можно отнести к разряду бескорыстных?

Пусть бы такие, как Чэнь Чжун-цзы, обратились в земляных червей, тогда только они проявили бы свою щепетильность до конца».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЛИ ЛОУ

Часть первая
(28 статей)

7.1. Мэн-цзы говорил:

— Даже с таким ясным зрением, какое у Ли Лоу, и с такой сноровкой в работе, какая у Гун-Шу-цзы, без помощи циркуля и наугольника не получится ни равностороннего прямоугольника, ни окружности.

Даже с таким тонким слухом, какой у музыканта Ши Куана, без помощи шести ладов невозможно правильно настроить пять звучаний музыкальных тонов.

Даже следуя путем Яо и Шуня, невозможно без нелюбезного управления людьми мирно править Поднебесной.

Теперь представим себе, что есть такой правитель, у которого сердце беспристрастно, и он наслышан о нелюбезности, между тем его народ не пользуется благодеяниями, и он не может служить примером для последующих поколений. Значит, такой государь не следует путем прежних правителей-ванов.

Потому я и говорю: «Одной только доброты недостаточно, чтобы заниматься управлением, а законы сами по себе действовать не могут!»

В Стихах сказано:

Вел за собой, исходя из законов старинных,
Не нарушал их и не забывал (44).

Не было еще таких правителей, которые, соблюдая уважение к законам прежних ванов, все же переступали их.

Премудрые люди, напрягая всю силу зрения, превратили ее в неодолимую, придав ей в помощь циркуль, наугольник, уровень и

отвес, чтобы создавать равносторонние прямоугольники, окружности, прямые и отвесные линии.

Напрягая всю силу слуха, они превратили ее в неодолимую, придав ей в помощь шесть струнных ладов, чтобы правильно настроить пять звучаний музыкальных тонов.

Напрягая все сердечные думы, они овевали Поднебесную лицеприятностью, придав ей в помощь управление, не терзающее людей жестокостью.

Вот почему говорят: «Когда возводишь здание вверх, непременно сообразуйся с холмами и буграми, а когда строишь вниз, обязательно сообразуйся с реками и болотами».

Можно ли назвать разумным того правителя, который не сообразуется с путем прежних ванов, занимаясь управлением?

По этой причине подобает находиться на высоком посту только тем, кто беспристрастен. Когда высокий пост занимает человек лицеприятный, значит, он распространяет это свое зло и на свою дружину (рабов. — В. К.).

Когда в верхах в расчет не принимают путь к истине, тогда в низах нет законов, которые соблюдались бы. Когда при дворе нет веры в путь к истине, тогда у ремесленников не будет веры к мерам измерений. Когда нарушит справедливость добропорядочный муж, тогда и подлец нарушит уголовный закон.

Такое владение сохранилось бы только по счастливой случайности.

Потому и говорится: беда для владения не в том, что городские стены и крепости не завершены строительством, оружия и лат немного; пагубой для владения является не то, что его поля и пустоши не распахиваются, товары и богатства не накапливаются. Вот когда в верхах не соблюдается учтивость, а в низах нет обучения, в народе поднимаются разбойники, тогда до оплакивания владения остаются считанные дни.

В Стихах говорится:

Не шумите, не шумите,
Как только Небо (государь) споткнется! (45)

Шуметь — то же, что гадеть.

Кто в служении государю не проявляет справедливости, кто входит к нему и уходит без соблюдения правил учтивости, тот, выступая с речами, опровергает в них путь прежних ванов и словно галдит.

Потому-то я говорю: когда ставят государя в трудное положение справедливыми упреками — это я называю уважением к нему; когда ему показывают примеры добра и закрывают доступ всем порокам — это я называю почтением к нему.

Злодеями-грабителями я называю тех, кто утверждает: «Наш государь ни к чему не способен!»

7.2. Мэн-цзы говорил:

— Как линейка и наугольник дают возможность в совершенстве начертить равносторонний прямоугольник и окружность, так и мудрый человек дает возможность довести взаимоотношения людей до полного совершенства. Желаете быть правителем — исполняйте до конца путь, по которому должен следовать достойный правитель; желаете быть сановником — исполняйте до конца путь, по которому должен следовать достойный сановник. В обоих случаях надо только во всем подражать Яо и Шуню, вот и все.

Кто служит правителю не так, как Шунь служил Яо, значит, не уважает своего государя. Кто правит народом не так, как Яо правил народом, значит, разбойничает над своим народом.

Кун-цзы говорил: «Путей — два: нелюбезность и любезность, и только!» (46)

Будешь чересчур сильно мучить свой народ, тогда тебя убьют твои же придворные и владение твое погибнет, а не очень сильно — тогда будешь жить под постоянной угрозой покушения на твою жизнь, владение же твое будут урезывать соседи. Такого правителя назовут «Мрачным» или «Жестоким». Пусть будут у него почтительные сыновья и ласковые внуки, все равно, даже через сто поколений, не переделают этого прозвания.

Об этом говорится и в Стихах:

От царства Инь зеркало прошлого не так уж далеко, —
То было в поколениях царя Ся-Хоу (47).

7.3. Мэн-цзы говорил:

— Благодаря нелицеприятию трем сменам династий удавалось обретать власть в Поднебесной, а их утрата власти в Поднебесной случилась из-за лицеприятности. То же самое происходило и с владениями, когда они уничтожались, возрождались, сохранялись или гибли.

Когда Сын Неба пристрастен, не поручишься за земли, омываемые четырьмя морями.

Когда владетельные князья пристрастны, не поручишься за отчизну (храмы духов земли и злаков. — В. К.).

Когда вельможи-цзин и сановники-дафу лицеприятны, не поручишься за храмы родоначальников и предков.

Когда служилые-ши и простой народ лицеприятны, не поручишься за свои конечности (самого себя. — В. К.).

Ныне питают отвращение к смерти и гибели, между тем с удовольствием предаются лицеприятию. Это все равно, что ненавидеть пьянство, а между тем насильно пить вино.

7.4. Мэн-цзы говорил:

— Пусть проверит в самом себе чувство беспристрастия тот, к кому не питают родственного расположения любимые им люди; пусть проверит в самом себе свое разумение править людьми тот, управлению которого не поддаются управляемые им люди; пусть проверит в самом себе свое чувство почтения тот, кому не отвечают учтивостью досточтимые люди.

Бывает, что в совершаемых действиях не удается добиться желаемого, во всех таких случаях ищи причины противодействия в самом себе. Кто будет сам во всем правильным, к тому перейдет вся Поднебесная.

Об этом говорится и в Стихах:

Много счастья сам себе добудет тот,
Кто с велением природы речь свою всегда сочтет (48).

7.5. Мэн-цзы говорил:

— У людей бывают постоянные слова об одном и том же, так все говорят: «Поднебесная..., владение..., семья...»

Основа Поднебесной коренится во владениях, основы владений коренятся в семьях, а основы семей — в нас самих.

7.6. Мэн-цзы говорил:

— Заниматься управлением не трудно: не надо только гневить большие влиятельные дома.

Во всем владении будут любить того, кого возлюбят большие дома, а кого полюбят во всем владении, того возлюбят и вся Поднебесная.

Поэтому-то обучение добродетелям и разливается таким полноводным потоком по всей Поднебесной, омываемой четырьмя морями!

7.7. Мэн-цзы говорил:

— Когда в Поднебесной есть путь к истине, тогда все малые добродетели служат большим, люди менее просвещенные служат более просвещенным.

Когда же в Поднебесной нет пути к истине, тогда всякое ничтожество приневоливает все великое, а все слабое приневоливает сильное.

Таково проявление Неба (т. е. природы. — В. К.) в этих обоих случаях.

Повинующийся Небу сохраняется, а противящийся ему гибнет.

Когда-то Цзин-гун, правитель владения Ци, говорил так: «Я ведь совершенно негодная тварь, раз не могу ни приказывать, ни принимать приказаний». Он отдал дочь свою во владение У, хотя у него и лились слезы.

А теперь настало такое время, когда малые владения выступают наставниками больших владений, а принимать их повеления стыдятся. Это все равно, что кто-нибудь, будучи учеником, стыдился бы принимать указания своего прежнего наставника.

Если стыдишься этого, то лучше всего поучиться у Вэнь-вана. Учась у него, большие владения через пять лет, а малые через семь обязательно введут его управление во всей Поднебесной.

В Стихах говорится:

Внуки и дети царства Шан, —
Числу их нет и сотен тысяч, —
Как только верховный властелин им повеленье дал,
Так сразу покорились дому Чжоу.

Веленьем Неба необычным было то,
Что, сразу изъявив покорность Чжоу,
Иньские бойцы, — дородные, сметливые, —
В столице Чжоу дары и возлияния поднесли (49).

Об этом Кун-цзы отзывался так: «Для нелюбимого правителя не могло считаться множеством такое количество людей. Пусть же правители владений возлюбят нелюбимость — во всей Поднебесной у них не будет супостатов» (50).

Теперь настали такие времена, когда хотят не иметь супостатов в Поднебесной, между тем к нелюбимости не прибегают. Это все равно, что держать в руках что-либо горячее, а водой их не смачивать.

В Стихах говорится:

Кто смог бы горячее держать в руках,
Не смачивая их тотчас холодной водою? * (51)

7.8. Мэн-цзы говорил:

— Разве можно заводить речи с такими правителями, которые любимы?

Они находят спокойствие в том, что для них же опасно; извлекают выгоды из того, что для них пагубно; наслаждаются тем, от чего сами же погибают.

Какая имела бы угроза гибели владения и разорения семей, если бы можно было заводить речи с любимыми правителями?

Есть ведь такая детская песенка:

До чего же чиста вода в Цанлян-реке!
В ней можно кисти шелковые на шапке моей мыть.
До чего же грязна вода в реке Цанлян!
В ней можно с ног моих лишь грязь обмыть! (52)

По этому поводу Кун-цзы сказал так: «Ученики мои! Вслушайтесь в эту песенку! То говорится, что вода так чиста, что можно кисти шапки мыть, то настолько грязна, что можно лишь ноги мыть. Значит, она сама по себе принимает такие качества» (53).

* Это место в пекинском издании Мэн-цзы 1960 г. переложено на разговорный язык в другой редакции (см. с. 169).

Так обязательно бывает у людей, которые прежде сами же себя оскорбят, после чего и другие оскорбляют их; семьи обязательно сами же себя разрушат, после чего другие люди довершают разрушение их; владения обязательно сами же нападут на себя, после чего и другие люди нападают на них.

Об этом же и говорит Тай-Цзя: «Когда небо творит зло, от него можно укрыться, а когда сам творишь зло, то остаться в живых невозможно!» (54)

7.9. Мэн-цзы говорил:

— Утрата Поднебесной злодеями Цзе и Чжоу означала утрату ими расположения к себе со стороны народа.

Следовательно, утрачивающий расположение народа теряет его сердце.

Есть такой путь для обретения Поднебесной: добейся расположения к себе народа, а затем обретешь и ее.

Есть такой путь для завоевания расположения к себе народа: завоюй его сердце — этим добьешься его расположения.

Есть такой путь для завоевания сердец народа: собирай и предоставляй ему все то, что он желает; не распространяй на него всего того, что он ненавидит.

Народ поддается нелицеприятности так же легко, как вода, устремляющаяся вниз, как дикие звери, убегающие в просторные степи.

Потому-то выдра — такое животное, которое загоняет рыбу в глубокие омуты; пустельга — такая птица, которая загоняет пташек в глухие чащи леса, а Чжоу и Цзе — это такие злодеи, которые загнали свои народы к Чэн Тану и У-вану.

Теперь представь себе, что из правителей в Поднебесной найдется такой, который возлюбит нелицеприятность. Тогда все остальные владетельные князья согнали бы к нему свои народы. Пусть бы он даже и не хотел иметь звание «вана», этого ему не удалось бы сделать.

Из нынешних правителей, которые хотят стать достойными ванами, многие ходят на страждущих от недугов семь лет, между тем требуют для лечения прижиганиями трехлетнюю полынь. Им до конца жизни не добыть такой полыни, если ею не запаслись.

Если у таких правителей никогда не было стремления к неллицеприятности, тогда всю жизнь, до конца, им придется скорбеть и стыдиться, а это и ввергнет их в гибель и смерть.

Об этом и говорится в Стихах:

Какое добро способны они сотворить?
Друг друга лишь тянут на дно пучины! (55)

7.10. Мэн-цзы говорил:

— Нельзя вступать в словесное общение с теми, кто жесток к самому себе; нельзя вступать в благотворительные дела с теми, кто махнул на себя рукой.

Жестокими к себе я называю тех, кто в речах отвергает учтивость и справедливость; махнувшими на себя рукой я называю тех, кто жалуется: «Я не могу сжиться с неллицеприятностью, не могу исходить из чувства справедливости!»

Неллицеприятность является покойным пристанищем для всех людей, а справедливость — их правильным путем.

Как жаль, что люди не живут в покойном пристанище, несмотря на то, что оно просторно; не идут по пути справедливости, хотя он и правильный.

7.11. Мэн-цзы говорил:

— Путь к спокойствию находится близко, а ищут его где-то далеко. Служение близким заключается в легких способах, а ищут его в трудных.

Пусть все люди будут по-родственному любить своих родных, будут почитать своих старших, и в Поднебесной наступит спокойствие.

7.12. Мэн-цзы говорил:

— Не удастся управлять народом тому, кто, занимая низкое положение, не пользуется защитой высших.

Есть путь для получения защиты у высших. Кто не внушает доверия друзьям, не получит защиты у высших.

Есть путь для внушения доверия друзьям. Кто в служении родителям не доставляет им радости, не внушит доверия к себе у друзей.

Есть путь для доставления радости родителям. Кто в обращении к самому себе не проявляет искренности, не доставит радости родителям.

Есть путь для проявления искренности к самому себе. Кто не уясняет себе добра, не проявит искренности и к самому себе.

По этой причине искренность — это и есть путь Неба (природы. — В. К.), а размышления об искренности — это путь людей.

Еще не было того, чтобы предельная искренность не воздействовала на людей.

Нет таких, которые, будучи неискренними, смогли бы подействовать на людей.

7.13. Мэн-цзы говорил:

— Бо-И, скрываясь от злодея Чжоу-Синя, поселился на побережье Северного моря Бэйхай. Услышав, что появился добродетельный правитель Вэнь-ван, он возрадовался и восклицал: «Почему бы мне не вернуться? Ведь известно, что этот Западный властитель Си-бо умеет ухаживать за престарелыми».

Тай-гун, скрываясь от злодея Чжоу-Синя, поселился на побережье Восточного моря Дунхай. Услышав, что появился добродетельный правитель Вэнь-ван, он возрадовался и восклицал: «Почему бы мне не вернуться? Ведь известно, что этот Западный властитель Си-бо умеет ухаживать за престарелыми».

Оба эти старца были великими людьми в Поднебесной, тем не менее перешли на сторону Вэнь-вана. Это значит, что они, как отцы Поднебесной, перешли к нему. Куда же могли направиться дети Поднебесной, если отцы перешли на его сторону?

Если бы из нынешних владетельных князей-чжухоу нашелся бы такой, кто осуществил правление Вэнь-вана, то он, безусловно, в течение семи лет стал бы вершить правление во всей Поднебесной!

7.14. Мэн-цзы говорил:

— Являясь управляющим во владении родоначальника Цзи, Цю, ученик Кун-цзы, не смог исправить его от дурных качеств, и обложение зерном удвоилось в сравнении с былыми днями. По этому поводу Кун-цзы воскликнул: «Цю — не мой последователь!

Дети мои, я согласен, если вы ударите в барабаны и нападете на него!» (56)

Если исходить из этого, то выходит, что Кун-цзы отвергал тех правителей, которые не проводили нелицеприятного управления, а также тех слуг-чиновников, которые обогащали их. Он тем более отвергал бы таких слуг, которые ради них (правителей. — В. К.) вели грабительские войны!

В войнах за захват земель убивают людей столько, что их трупы заполнили бы все пустоши; в войнах за захват городов убивают людей столько, что их трупы заполнили бы все городские стены. Это и есть, что я называю «захватывать все земли и пожирать человеческое мясо».

Такое преступление не искупается смертной казнью. Вот почему те, кто любит воевать, подлежат преданию высшей казни; следующей за ней казни подлежат те, кто впутывает в войну владельцев князей; а следующей за ней казни подлежат те, кто обращает земли в пустыри, поросшие травой и бурьяном.

7.15. Мэн-цзы говорил:

— Из всего того, что существует в человеке, нет ничего лучшего, чем зрачки. Они не способны скрыть его зла. Они светятся, когда в груди человека все правильно, и тускнеют, когда у него в груди что-либо неправильно.

Как утаться тому человеку, когда, слушая его речи, смотрят ему прямо в зрачки?

7.16. Мэн-цзы говорил:

— Кто почтительный, тот не оскорбит никого, а кто скромный, тот не ограбит никого.

Как может удасться правителю, оскорбляющему и грабящему людей, быть почтительным и скромным, когда он только и боится того, что люди не будут покорны ему?

Разве почтительность и скромность возможно передавать деланными звучанием голоса и улыбкой?

7.17. Чунь-Юй Кунь спросил Мэн-цзы:

— Является ли правилом вежливости, чтоб мужчина и женщина при передаче или получении чего-либо не соприкасались друг с другом руками?

Мэн-цзы ответил:

— Да, это правило учтивости.

Тот сказал:

— Представь себе, что твоя золовка тонет. Подашь ли ты ей в таком случае свою руку?

Мэн-цзы ответил:

— Если не оказать помощь тонущей золовке, то это значит быть волком или гиеной.

То, что мужчина и женщина при передаче или получении чего-либо не соприкасаются друг с другом руками, — это правило учтивости. А подача руки при оказании помощи тонущей золовке — это та гиря, которая перетянет весы на сторону добра.

Чунь-Юй Кунь тогда задал такой вопрос:

— Ныне Поднебесная тонет, а почему же с твоей стороны, уважаемый учитель, ей не оказывается помощь?

Мэн-цзы ответил:

— Когда Поднебесная тонет, ей оказывают помощь посредством правильного пути к истине, а когда золовка тонет, то ее спасают подачей руки. Не хочешь ли ты, чтоб я оказал помощь Поднебесной, подав ей свою руку?

7.18. Гун-Сунь Чоу спросил Мэн-цзы:

— Отчего добропорядочные мужи не берут на себя обучение своих сыновей?

Мэн-цзы ответил:

«В силу обстоятельств, так как из этого ничего не выйдет. Обучающий обязательно будет стремиться к тому, чтобы все было правильно, а этого не будет получаться. Тогда вслед за этим он применит гнев, а если вслед за этим применить гнев, то, наоборот, получится только вред.

Обучаемый же будет думать так: „Отец как наставник меня учит, чтобы все было правильно, а сам не всегда исходит из этого“.

Итак, оба, отец и сын, будут приносить вред друг другу. Если же они навредят один другому, то получится зло.

В старину менялись сыновьями и обучали их.

Между отцом и сыном не могут быть укоры в совершении добра. Если такие укоры возникнут, то произойдет разлад между

ними, а если произойдет разлад, то для них это будет несчастьем, больше которого нет на свете».

7.19. Мэн-цзы говорил:

— Какое из служений наибольшее? — Наибольшим является служение родителям. Какое из соблюдений наибольшее? — Наибольшим является блюсти себя.

Я слышал о таких людях, которые могли служить своим родителям, тем не менее самих себя не теряли; однако о таких, которые могли бы служить родителям, потеряв самих себя, мне еще не приходилось слышать.

Кто из людей не занимается служением?

Основой же служения является служение родителям.

Кто из людей не занимается соблюдением чего-либо?

Основой же соблюдения является блюсти самого себя.

Цзэн-цзы, ухаживая за своим отцом Цзэн Си, обязательно имел в припасе мясо и вино. Перед тем как убирать их со стола, он непременно просил позволения отдать остатки кому-либо. На вопрос отца: «Осталось ли еще?», обязательно отвечал: «Есть!»

Цзэн Си умер. Внук его, Цзэн Юань, ухаживая за своим отцом Цзэн-цзы, обязательно имел в припасе мясо и вино. Перед тем как убирать остатки со стола, он не просил позволения отдавать их кому-либо. На вопрос отца: «Осталось ли еще?» отвечал: «Нет!», чтобы потом их же подать ему вновь.

Вот таких-то я и называю оказывающими уход только за чревом своих родителей, а подобных Цзэн-цзы можно назвать ухаживающими за волей родителей.

Если б в служении родителям все походило на Цзэн-цзы, было бы достойно!

7.20. Мэн-цзы говорил:

— Люди не заслуживают того, чтобы их порицали; управление не заслуживает того, чтоб его осуждали. Только большие люди могут определить неправоту в сердце правителя.

Когда государь беспристрастен, — нет никого, кто бы не был нелицеприятным; когда государь справедлив, — нет никого, кто бы не был справедливым; когда государь поступает правильно, — нет никого, кто бы не поступал правильно.

Стоит только поправить государя, и владение его прочно устанавливается.

7.21. Мэн-цзы говорил:

— Восхваления бывают непреднамеренными, а поношения — из самых лучших побуждений.

7.22. Мэн-цзы говорил:

— Люди легко отказываются от своих слов только потому, что не несут ответственности за них.

7.23. Мэн-цзы говорил:

— Невзгоды людей заключаются в том, что они любят выступать в качестве наставников других.

7.24. Юэ Чжэн-цзы, сопровождаемый Цзы-Ао, прибыл во владение Ци. Они свиделся там с учителем Мэн-цзы.

Мэн-цзы спросил его:

— Ты прибыл сюда повидаться и со мной тоже?

Юэ Чжэн-цзы смутился и ответил:

— Учитель, зачем вы произносите такие слова?

Тогда Мэн-цзы спросил:

— А сколько дней прошло с твоего прибытия сюда?

Тот ответил:

— Всего несколько дней.

Мэн-цзы воскликнул:

— Ах вот как! Уже несколько дней! Разве я тогда не вправе был произнести такие слова?

Юэ Чжэн-цзы растерянно сказал:

— Да вот с жильем никак не мог устроиться.

Мэн-цзы спросил его:

— Слыхал ли ты, чтоб сперва устраивались с жильем, а потом уж искали случай встретиться со старшими наставниками?

Юэ Чжэн-цзы ответил:

— Я, Кэ, очень виноват перед вами.

7.25. Тогда Мэн-цзы, обращаясь к Юэ Чжэн-цзы, сказал:

— Ты прибыл сюда в сопровождении Цзы-Ао только за тем, чтобы покутить. Я никак не ожидал, что для изучения пути к истине, идущего с древних времен, ты прибегнешь к кутежам!

7.26. Мэн-цзы говорил:

— Есть три проявления непочитания родителей, из которых наибольшим является неимение потомства.

Чтобы не быть без потомства, Шунь женился, не сообщив об этом родителям. Добропорядочные мужи, однако, полагают, что он как бы сообщил им об этом.

7.27. Мэн-цзы говорил:

— Служить родителям — вот сущность нелицеприятности.

Повиноваться старшим братьям — вот сущность справедливости.

Сущность разума заключается в познании этих двух начал и не в устранении себя от них.

Воздержанность и благовоспитанность в проявлениях этих двух начал — вот сущность учтивости.

Сущность музыки — доставлять в этих двух началах радость.

При такой радости рождается тогда и музыка.

Если же она родится, то как может кончиться?

Когда не представляешь, как она может кончиться, тогда и сам не знаешь, как ноги начинают притопывать, а руки помахивать в пляске.

7.28. Мэн-цзы говорил:

— Кто доставит великую радость Поднебесной, тот и привлечет ее к себе. Однако один только Шунь к такой радости Поднебесной и к привлечению ее к себе проявил такое пренебрежение, какое оказывают к былинке или горчичному зернышку.

Того, кто не добивается расположения родителей к себе, нельзя считать человеком.

Того, кто не угождает своим родителям, нельзя считать сыном.

Шунь выполнял до конца все указания пути служения родителям и достиг того, что его суровый отец Гу-Соу все же возрадовался.

Когда Гу-Соу возрадовался, тогда все, кто в Поднебесной являлся отцом и сыном, прочно утвердились в своем положении.

Все это я и называю великим почитанием родителей.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЛИ ЛОУ

Часть вторая
(33 статьи)

8.1. Мэн-цзы говорил так:

— Шунь родился в Чжупине, переселился в Фуся и умер в Минтяо. Он был из племен Восточных И. Вэнь-ван родился в Цичжоу, умер в Би'ин, был из племен Западных И. Эти места отстоят друг от друга более чем на тысячу ли, а по последовательности поколений — более чем на тысячу лет, между тем воля, которую им удалось осуществить в Срединном владении, была у обоих одинакова, словно сложенные половинки бамбуковой бирки.

Выходит, что как у прежних, так и у последующих мудрецов соображения относительно пути истины едины.

8.2. Когда Цзы-Чань занимался делами управления во владении Чжэн, он, бывало, на переправах через мелкие реки Чжэнь и Вэй предоставлял людям свои повозки и носилки.

Мэн-цзы по этому поводу сказал так:

— Он сердобольный, но заниматься управлением не умеет. Надо было в одиннадцатом месяце года, когда пересыхают реки, построить пешеходные мостки, а в двенадцатом месяце навести мосты для повозок, и народ больше не изнывал бы на переправах. Пусть добропорядочный муж будет равен ко всем в своем управлении, он сможет тогда оттеснять людей в стороны при выездах. Да и как удастся ему оказывать помощь каждому человеку? Вот почему дней не хватит тому, кто занимается управлением только так, чтоб всякий был им доволен.

8.3. Мэн-цзы заявил Сюань-вану, правителю владения Ци, следующее:

— Если государь смотрит на слуг, как на свои руки и ноги, тогда слуги смотрят на государя, как на свой живот и сердце.

Если государь смотрит на слуг, как на верных псов и коней, тогда слуги смотрят на государя, как на государственного человека. Если государь смотрит на слуг, как на ничтожные былинки и горчичные зернышки, тогда слуги смотрят на государя, как на разбойника и врага.

Ван сказал:

— По правилам учтивости положено иметь к прежним государям покорное смирение (57). Каким же должен быть тот государь, который заслуживал бы этого?

Мэн-цзы ответил:

— Таким, кто исполнял бы советы, выслушивал бы высказывания, ниспосылал бы народу обильные милости.

Если от такого государя уходил слуга по уважительной причине, государь посылал людей своих проводить его до границы, да еще опережал его добрыми гонцами в то место, куда он направлялся (58). Если по прошествии трех лет после ухода слуга не возвращался, тогда только государь забирал в казну его поля и усадьбы. Этому даже было свое название — «троякое проявление долга вежливости».

Вот если таков был прежний государь, то к нему можно питать чувство покорного смирения.

А теперь, когда кто является слугой и советует что-либо государю, советы его не исполняются; высказывается — его не слушают, щедрые милости народу не ниспосылаются.

Если от теперешнего государя уходит слуга по уважительной причине, то государь обыскивает его домочадцев и задерживает их, да еще ставит его самого в крайне стесненное положение в том месте, куда он направляется. В день отъезда слуги сразу же забирают в казну его поля и усадьбы. Название этому — разбой и вражда.

Какое же может быть покорное смирение к такому, кто занимается подобным разбоем и сеет вражду?

8.4. Мэн-цзы говорил:

— Если казнят служилых людей-ши, которые ни в чем не повинны, то сановники-дафу могут уходить со своих постов, а если

убивают ни в чем не повинный народ, тогда и служилые люди-ши могут переселиться в чужие края.

8.5. Мэн-цзы говорил:

— При беспристрастном правителе нет никого, кто не был бы нелюбимым; при справедливом правителе нет никого, кто не был бы справедливым.

8.6. Мэн-цзы говорил:

— Великий человек не проявит учтивости, которая по существу окажется неучтивостью; не совершит справедливости, которая по существу будет несправедливостью.

8.7. Мэн-цзы говорил:

— Уравновешенные люди содержат неуравновешенных, а талантливые — бесталанных. Потому-то люди радуются, когда имеют просвещенных отцов и старших братьев.

Если бы уравновешенные бросили на произвол судьбы неуравновешенных, а талантливые — бесталанных, тогда промежуток, отделяющий просвещенных от невежд, нельзя было бы измерить даже «цунем» (китайским дюймом. — В. К.).

8.8. Мэн-цзы говорил:

— Люди сперва должны обладать решимостью чего-то не делать, тогда только они смогут делать [все] (с той же решимостью. — В. К.).

8.9. Мэн-цзы говорил:

— Как оградишь себя от последующих невзгод, выступая с речами о недоброте людей?

8.10. Мэн-цзы говорил:

— Чжун-Ни ничего не делал такого, что было бы сверх меры.

8.11. Мэн-цзы говорил:

— Большим человеком является тот, для которого не обязательны ни убедительность в речах, ни решимость в действиях, а только нахождение справедливости.

8.12. Мэн-цзы говорил:

— Кто является большим человеком, тот не утрачивает своего младенческого (непорочного. — В. К.) сердца.

8.13. Мэн-цзы говорил:

— Уход за теми родителями, которые живы, не заслуживает того, чтобы считать это большим делом. Только проводы умерших можно считать великим делом.

8.14. Мэн-цзы говорил:

— Добропорядочный муж желает самоудовлетворения в знаниях, глубоко проникая в них посредством пути к истине.

Добившись в этом самоудовлетворения, он тогда пребывает в покое; пребывая в покое, он тогда накапливает знания, черпая их еще глубже; накопив знания глубже, он тогда встречается с их истоками и берет из них все нужное и слева, и справа.

Вот почему добропорядочный муж желает своего самоудовлетворения в знаниях.

8.15. Мэн-цзы говорил:

— Занимайся учением широко и подробно изъясняя его, тогда в будущем обусловишь его, используя противоположные учения.

8.16. Мэн-цзы говорил:

— Из тех, кто предполагал покорять людей одной лишь добротой, еще не было способных покорить их. Можно покорить всю Поднебесную только после воспитания в людях чувства добра. Из достойных ванов-правителей еще не было таких, которые не покоряли бы сердца людей в Поднебесной.

8.17. Мэн-цзы говорил:

— В речах нет такой сути, которая не была бы благовещей. Такие речи, суть которых не является благовещей, набрасывают тень на просвещенных людей.

Отражайте же такие речи*.

8.18. Сюй-цзы спросил учителя:

— Чжун-Ни часто восторгался водами реки и восклицал: «О воды! О воды!» (59) Что же поучительного он брал у вод реки?

Мэн-цзы ответил:

— Родник клокочет, не прекращая изливать воду ни днем ни ночью; он продвигает ее все дальше вперед, после того как она заполнит через край все рытвины, и отпускает ее на просторы у четырех морей. Таковы и все те, у кого есть истоки.

* Китайский текст допускает различные толкования в зависимости от той или иной расстановки знаков препинания. — *Примеч. пер.*

Вот что поучительного он взял у вод.

Если быть неимеющим истоков, значит, уподобиться водам, которые скопляются от дождей, выпадающих в седьмом и восьмом месяцах года. Хотя они и заполняют через край все рвы и каналы, их высыхания можно дожидаться не сходя с места (т. е. очень скоро. — В. К.).

Добропорядочный муж потому и стыдится, когда его известность, слава о нем переходят границы действительности.

8.19. Мэн-цзы говорил:

— Разница, отличающая людей от животных, едва уловима. Добропорядочные мужи сохраняют ее, тогда как народ в толпе уходит от нее.

Ясно разбираясь во всех вещах, вникая в человеческие взаимоотношения, Шунь совершал свои действия, исходя из нелицеприятности к людям и справедливости, а вовсе не проводил нелицеприятность и справедливость.

8.20. Мэн-цзы говорил:

— Юй так возлюбил хорошие речи, что отвратился даже от вкусных вин (60). Чэн Тан ставил мудрецов на высшие должности без советов со стороны, придерживаясь середины (уравновешенности. — В. К.) (61). Взирая на страдания народа, Вэнь-ван глядел с таким упованием на путь к истине, словно ему никак было не разглядеть его (62). У-ван не забывал о дальних приверженцах, не пренебрегая близкими (63).

Чжоу-гун размышлял, как бы ему совместить качества трех ванов, чтобы распространить деяния четырех перечисленных выше правителей. Когда оказывалось что-либо, не согласуемое с этими деяниями, он взирал вверх и размышлял, продолжая думать и ночью, сменявшей день. Если, по счастью, ему удавалось найти решение, он садился бодрствовать, чтобы скорей дожидаться утра.

8.21. Мэн-цзы говорил:

— С угасанием славы о деяниях тех, кто был настоящим правителем-ваном, исчезли и Стихи о них. Летопись «Вёсны и осени» («Чунь-цю») была составлена лишь после того, как исчезли эти Стихи.

Летописи владения Цзинь под названием «Шэн», владения Чу — под названием «Тао-у» и владения Лу — под названием «Чунь-цзю» едины по своему строению.

По событиям, описываемым в них, эти летописи относятся к правителям Хуаню из владения Ци и Вэню из владения Цзинь.

По слогу изложения — это повседневные записи.

Кун-цзы добавил: «Что же касается значения смысла этих летописей, то я, Цю, извлек из них все то, что составляет суть моего учения» (64).

8.22. Мэн-цзы говорил:

— Наследие добропорядочного мужа прекращается через пять поколений. Через столько же поколений прекращается и наследие от подлых людей.

Мне не довелось быть учеником Кун-цзы, и я воспринимал учение его от других людей.

8.23. Мэн-цзы говорил:

— Можешь взять чужое, а можешь и не брать, возьмешь — нанесешь вред своей честности; когда можешь дать, а можешь и не давать, дашь — нанесешь вред своему добросердию. Когда можешь умереть, а можешь не умирать, пойдешь на смерть — нанесешь вред своей отваге.

8.24. Пэн Мэн учился стрельбе из лука у стрелка И (65). Овладев полностью всеми приемами у стрелка И, он подумал, что теперь в Поднебесной один только И превосходит его, и тогда убил И, своего учителя.

По этому поводу Мэн-цзы отозвался так:

— В этом отчасти виноват также и сам стрелок И! Гун-Мин И когда-то говорил: «Должно быть, он был невиновен в этом!» Он довольно тонко говорит об этом! Как же получается, что у того нет вины?

Жители владения Чжэн послали полководца Цзы-Чжо Жу-цзы произвести набег на владение Вэй. А правитель владения Вэй послал своего полководца Юй-гун Чжи-Сы прогнать тех.

Цзы-Чжо Жу-цзы воскликнул:

— Сегодня у меня разыгралась старая болезнь, и я не в силах держать лук в руках. Ох, придется мне умереть!

Обратившись к своему слуге, он спросил его:

— Кто же преследует меня?

Слуга ответил:

— Юй-гун Чжи-Сы.

Тогда полководец Цзы-Чжо Жу-цзы с радостью вскричал:

— Ну, я останусь жив!

Слуга его удивился и сказал:

— Но ведь Юй-гун Чжи-Сы — лучший стрелок во всем владении Вэй! Вы, мой учитель, воскликнули, что останетесь живы, что вы хотите этим сказать?

Тот ответил:

— Юй-гун Чжи-Сы учился стрельбе у Инь-гун Чжи-То, а Инь-гун Чжи-То учился у меня. А так как Инь-гун Чжи-То прямой человек, то он берет себе в друзья, безусловно, тоже таких же прямых людей.

В это время Юй-гун Чжи-Сы настиг (Цзы-Чжо Жу-цзы. — В. К.) и закричал:

— Уважаемый учитель! Отчего вы не держите лук в руках?

Тот ответил:

— Ныне у меня разыгралась старая болезнь, и я не могу держать лук.

Тогда тот воскликнул:

— Я, презренный, учился когда-то стрельбе у Инь-гун Чжи-То, а Инь-гун Чжи-То учился у вас, уважаемый учитель! Я не могу перенести того, чтобы обратить вам же во вред ваши наставления. Ныне происшедшее для меня является все же выполнением государевой службы, и я никак не осмелюсь отрешиться от нее.

С этими словами он выгащил стрелы, ударил ими о колесо и отбил наконечники, выпустил четыре стрелы без наконечников в противника, а затем вернулся обратно.

8.25. Мэн-цзы говорил:

— Если бы красавица Си-цзы накрывалась неопрятным покрывалом, то все люди проходили бы мимо нее, зажав носы. Между тем пусть даже дурнушка, ее можно было бы предложить в жертву Верховному Властителю, если она соблюдала бы воздержание и обмывалась.

8.26. Мэн-цзы говорил:

— В природе рассудительных речей, произносимых в Поднебесной, лежат причины и следствия, вот и все. Следствия же основываются на благоприятных выводах. Отвратительным у мудрствующих является то, что они пробивают ложные ходы для выведения следствий.

Если бы мудрствующие поступали подобно Юю, давшему естественный сток разлившимся водам, тогда к их разуму не возникло бы отвращения. Юй направлял эти воды так, чтоб от них не происходило никаких бед. Пусть и мудрствующие будут направлять свои ходы рассуждений так, чтоб и от них не происходило никаких бед, тогда разум их будет таким же великим.

Небо предельно высоко, а звезды предельно далеки. Если же доискиваться до следствий, вытекающих из этого, то можно, сидя у себя дома, постичь вычислениями дни наступления солнцестояний на тысячи лет!

8.27. Гун-Хан-цзы справлял похороны своего сына. Правый наставник Ван Хуань направился к нему для выражения соболезнования.

Не успел он вступить в ворота, как к нему кинулись с разговорами и те, которые вводили его в дом, и те, которые сопровождали его на отведенное ему почетное место.

Мэн-цзы не вступал в разговоры с правым наставником.

Правый наставник с неудовольствием заметил:

— Все достопочтенные мужи разговаривают со мной, один только Мэн-цзы не разговаривает. Значит, он пренебрегает мною!

Мэн-цзы узнал об этом и сказал:

— Согласно правилам учтивости при дворе, со старшими полагается разговаривать, не сходя со своего места, кланяться со старшим, не переступая ранга. Я хотел соблюсти положенные правила, а Цзы-Ао, правый наставник, счел, будто я пренебрегаю им. Ну не странно ли это?

8.28. Мэн-цзы говорил:

— Добропорядочные мужи отличаются от всех прочих людей теми чувствами, что у них на душе. У добропорядочных мужей в душе хранятся чувства беспристрастия и учтивости. Кто неличе-

приятный, тот любит людей; кто учтивый, тот уважает людей. Кто любит людей, того неизменно любят и люди; кто уважает людей, того неизменно уважают и люди.

Представьте себе, что здесь есть человек, который обращается с нами своевольно и строптиво. Добропорядочный муж в таком случае обязательно обратится к самому себе с таким вопросом: «Наверное, я не был беспристрастен по отношению к нему, не был учтив к нему? Иначе, как могли обратиться на меня такие вещи, как своеволие и строптивость?»

И вот, обратившись к самому себе, он становится еще беспристрастнее. Но своеволие и строптивость того все остаются такими же.

Тогда добропорядочный муж обязательно вновь обратится к самому себе с таким вопросом: «Наверное, я не был вполне искренен».

И вот, обратившись к самому себе, он становится еще искреннее. Но своеволие и строптивость того опять-таки остаются такими же.

Тогда добропорядочный муж скажет так: «Вот и этот тоже оказался всего лишь сумасбродным человеком, и все! Если он таков на самом деле, то чем отличить его от дикого зверя и хищной птицы? Какие же укоры могут быть обращены к дикому зверю и к хищной птице?»

По этой причине у добропорядочных мужей есть скорбь, не покидающая их до конца жизни, но нет такой заботы, которая длилась бы дольше одного утра. Но бывает и чувство, которое подобно скорби.

Шунь был человек, и я тоже человек. Шунь сделался образцом для Поднебесной, заслуживающим того, что память о нем передается в последующие поколения. А мне, по-видимому, не избежать того, чтоб оставаться простым селянином. Если это так, то об этом можно скорбеть. Какой же выход из такой скорби? Надо уподобиться Шуню, вот и все!

Если же говорить о заботах добропорядочного мужа, то на самом деле их вовсе нет. Он ведь не делает ничего такого, что не было бы беспристрастным, и не совершает ничего такого, что не было бы учтивым. Если же и случится забота, которая длится не дольше одного утра, то добропорядочный муж не удручается ею.

8.29. Когда было спокойное время, Юй и Цзи трижды проходили мимо ворот своих домов и не заходили в них, настолько были заняты общественными делами.

За это Кун-цзы воздал должное их мудрости.

Когда было смутное время, Янь-цзы проживал в захолустном переулке, довольствовался одной плетушкой каши и одной горянкой питья. Люди не вынесли бы такой печальной участи, а он не изменял своему веселью.

За это Кун-цзы и ему воздал должное (66).

Мэн-цзы высказался так:

— Юй, Цзи и Янь Хуэй шли общим путем. Когда Юй думал о том, что в Поднебесной могут оказаться утопающие, ему представлялось, что будто это он сам топит их.

Когда Цзи думал о том, что в Поднебесной есть голодающие, то ему представлялось, будто это он сам доводит их до голода.

Вот почему таково было их рвение в общественных делах.

Если даже переменить местами Юя, Цзи и Янь-цзы, они все равно оставались бы такими же.

Представьте себе, что происходит драка среди людей, живущих в одном и том же доме. Выручайте их! Можете выручать, даже если у вас не причесаны волосы и головной убор не в порядке.

А представьте, что драка происходит в соседнем селении. Пойдете ли вы им на выручку с распущенными волосами и с головным убором не в порядке — вот какое сомнение возьмет вас. В этом случае вы даже сможете запереть свои ворота и двери на запор.

8.30. Гун-Ду-цзы спросил Мэн-цзы:

— Почему вы, учитель, гуляете с Куан Чжаном, следуете ему в советах, да еще оказываете ему учтивое внимание, тогда как во всем владении он слывет непочтительным к родителям и старшим?

Мэн-цзы ответил:

— Так называемое непочтение к родителям и старшим по обычаям, сложившимся в поколениях, проявляется в пяти случаях.

Первый случай непочтения, когда не заботятся о прокормлении отца и матери, хотя все свои конечности в праздности.

Второй случай непочитания, когда не заботятся о прокормлении отца и матери, предаваясь азартным играм и любви к пьянству.

Третий случай непочитания, когда не заботятся о прокормлении отца и матери, пристрастившись к богатствам и удовлетворению прихотей своих жен и детей.

Четвертый случай непочитания, когда губят бесчестьем отца и мать, т. е. тем, что дают волю страстям, порождаемым своими ушами и глазами (т. е. слухом и зрением. — В. К.).

Пятый случай непочитания, когда ставят отца и мать на край гибели тем, что любят проявлять удаль в драках и озорстве.

Есть ли у Чжан-цзы (Куан Чжана. — В. К.) хотя бы одно из всего этого?

Ведь Чжан-цзы не встречается с отцом из-за того, что, будучи сыном, побуждал отца к добру. Побуждать же к добру — это путь, которому следуют друзья и приятели (а не дети по отношению к родителям. — В. К.). Большой пагубой для отцовского милосердия является даже и то, когда отец побуждает сына к добру.

Но разве Чжан-цзы не хочет иметь сам супружеской связи и привязанности сына к своей же матери? Однако, провинившись перед своим отцом и не имея возможности приблизиться к нему, он удалил жену и отстранил от себя своих детей, пожизненно отказался от их ухода (67). В его сердце запало предположение, что поступи он не так, то вина его на самом деле окажется самой большой. Если это правда, то вот каков Чжан-цзы, и только!

8.31. Когда Цзэн-цзы (он же Цзэн Шэнь. — В. К.) жил в городе Учэне, там появились грабители из владения Юэ.

Кто-то сказал Цзэн-цзы:

— Разбойники идут. Почему вы не убегаете от них?

Цзэн-цзы сказал тогда своим слугам:

— Ладно, но только не поселяйте никого в моем доме, а то попортят мои цветы и растения.

Когда разбойники ушли, тогда он велел (слугам. — В. К.):

— Почините мою ограду и дом. Я собираюсь вернуться.

Цзэн-цзы верулся с уходом разбойников.

Окружающие Цзэн-цзы его ученики стали говорить:

— Мы обходились с вами, учитель, с такой преданностью и к тому же с таким уважением. Когда появились разбойники, вы

прежде всех удалились (бросив нас. — В. К.) и сделали это так, что весь народ видел это. Теперь разбойники удалились, и вы вернулись. Пожалуй, так не годится!

Тогда за него заступился Шэнь Ю-Син:

— Этого вам не понять! Когда-то у Шэнь-Ю, где жил тогда учитель, произошла беда с носильщиками травы*, которые напали на наш дом. Но за учителем последовало семьдесят человек, так что не оказалось никого, кто участвовал бы в этом мятеже.

Когда Цзы-Сы жил во владении Вэй, появились разбойники из владения Ци.

Кто-то сказал Цзы-Сы:

— Разбойники идут. Почему вы не убегаете от них?

Цзы-Сы ответил:

— Если я, Цзи, убегу, то кто же станет охранять государя?

На это Мэн-цзы сказал:

— У Цзэн-цзы и Цзы-Сы был общий путь. Цзэн-цзы был учителем, таким же уважаемым, как отец или старший брат, а Цзы-Сы был слугой государя, ничтожеством.

Если бы Цзэн-цзы и Цзы-Сы поменялись местами, то все равно было бы так же.

8.32. Главный советник правителя владения Ци, по имени Чу-цзы, сказал Мэн-цзы:

— Мой правитель-ван послал людей подсматривать за тобой, учитель, чтобы убедиться, действительно ли ты отличаешься чем-либо от людей.

Мэн-цзы ответил:

— Чем же я отличаюсь от людей? Ведь даже прославленные государи Яо и Шунь тоже были сходны с людьми во всем.

8.33. У одного жителя владения Ци были жена и наложница, которые жили вместе в одном доме. Их муж, когда выходил из дому, обязательно где-то наедался и напивался, а затем возвращался домой. Когда жена его спрашивала, кто его так угощает, то он отвечал, что это были сплошь да рядом богатые и знатные люди.

* В пекинском издании 1960 г. предлагается вместо «носильщиков травы» понимать имя собственное (см. примеч. 5 на с. 202—203).

Как-то раз жена сказала наложнице:

— Когда муж выходит из дому, то обязательно где-то наедается и напивается, а затем возвращается. Я спросила его, кто угощает его яствами и питьем, оказывается, сплошь и рядом все богатые и знатные люди. Но к нам никогда никто из приметных людей не приходит. Вот уж я погляжу, куда ходит муженек.

Встав утром пораньше, она отправилась, сторонясь от мужа, вслед за ним. Повсюду в городе не было никого, кто остановился и заговорил бы с ним. Наконец, он добрался до восточной окраины на кладбище, где стал приставать к приносящим жертвы, выпрашивая объедки и опивки. Ему этого не хватало, и он, оглядываясь по сторонам, подходил к другим. Таков был путь, который приводил его к пресыщению.

Жена его вернулась домой и рассказала наложнице.

— Вот каков оказался муженек, которому мы посвятили себя на всю жизнь и на которого так уповали!

Она вместе с наложницей поносила своего муженька, и обе плакали во внутреннем дворике. Между тем муженек ничего об этом не знал. Самодовольный, он вернулся со стороны и стал возноситься перед женой и наложницей.

Если бы добропорядочный муж посмотрел на это, то ему показалось бы, что, должно быть, очень редко встречаются такие жены и наложницы, которые не плакали бы вместе и не стыдились бы своих мужей, добивающихся всеми средствами богатства, знатности, выгоды и преуспеяния.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ВАНЬ ЧЖАН

Часть первая
(9 статей)

9.1. Вань Чжан задал Мэн-цзы такой вопрос:

— Известно, что, когда Шунь направлялся в поле, он взывал к Небу и беззвучно плакал. Для чего он взывал и почему плакал?

Мэн-цзы ответил:

— Был обижен лаской и роптал.

Вань Чжан удивился:

— Кого любят отец и мать, должен радоваться, но не забываться! Кого ненавидят отец и мать, должен трудиться на них и не роптать. Если это так, то как же Шунь роптал?

Мэн-цзы ответил:

«Когда-то Чан Си спросил у своего учителя Гун-Мин Гао: „О том, что Шунь уходил в поле, я уже удостоился услышать от вас, но о том, что он взывал и беззвучно плакал, обращаясь к Небу, к отцу и матери, — этого я не знал“.

Гун-Мин Гао полагал, что сердце почтительного сына не такое беспечное. Тот ему ответил: „Я изо всех сил пашу поле, считаю своим сыновним долгом снабжать родителей, и все. А что мне до того, если родители не любят меня?“

Верховный правитель (Яо. — В. К.) послал своих детей, девять сыновей и двух дочерей, всех чиновников, коров и овец, припасы из житниц и амбаров, чтобы услужить Шуню на полях. Многие из служилых людей-ши в Поднебесной направились к нему. Верховный правитель собирался сделать его помощником в управлении Поднебесной и переселил его к себе.

Но неугодный своим родителям подобен бедняку-нищему, у которого нет приюта.

Другой хотел бы, чтобы все служилые Поднебесной радовались ему, а Шуню этого было недостаточно, чтоб развеять свою печаль.

Сластолюбцу хотелось бы того, чтоб жениться на двух дочерях царя, а Шуню этого было недостаточно, чтобы развеять свою печаль.

Богачу хотелось бы обладать богатствами всей Поднебесной, а Шуню этого было недостаточно, чтобы развеять свою печаль.

Тщеславному человеку хотелось бы, чтобы быть знатным, как Сын Неба, а Шуню этого было недостаточно, чтобы развеять свою печаль.

Он был таким, для которого ни подобоострашие людей, ни сластолюбие, ни богатство, ни знатность не были достаточны, чтобы развеять свою печаль.

Лишь бы угодить родителям — вот что могло бы развеять его печаль.

В детстве люди ласкаются к отцу и матери; познав сластолюбие, они ласкаются к молоденьким красоткам; имея жен и детей, ласкаются к ним. Кто служит, тот ластится к своему государю, а если не угодит ему, то находится словно в горячке.

Люди великой почтительности к родителям всю жизнь ласковы к своим родителям.

В великом Шуне я вижу такого, который и в пятьдесят лет все же искал ласки родителей».

9.2. Вань Чжан задал Мэн-цзы такой вопрос:

— В Стихах говорится:

Как быть, когда жену ты хочешь взять?

Родителям своим уж непременно ль об этом объявлять? (68)

Кто, как не Шунь, должен был бы поверить этим словам. Как же получилось, что Шунь женился, не объявив об этом?

Мэн-цзы ответил:

— Если бы он объявил, то ему не удалось бы жениться. Пребывание мужчины и женщины во внутренних покоях дома — это великое дело во взаимоотношениях людей. Если бы Шунь объявил (что он женат на двух государевых дочках Яо. — В. К.), то

уничтожил бы это великое взаимоотношение и огорчил бы своих родителей. Вот почему он не объявил.

Вань Чжан сказал:

— Я удостоился услышать от вас о том, почему Шунь женился, не сообщив (родителям. — В. К.). Но почему же не было объявлено о том, что «ди» (император Яо. — В. К.) женит Шуня?

Мэн-цзы сказал:

— «Ди» тоже знал, что, если бы было об этом объявлено, ему не удалось бы женить Шуня.

Вань Чжан тогда задал другой вопрос:

«Известно, что отец и мать Шуня послали его покрыть крышей житницу. Отгасив лестницу, Гу-Соу* поджег эту житницу.

Известно также, что, послав Шуня чистить колодезь, родители сами вышли из него, а Шуня завалили в нем.

Сводный брат Шуня, по имени Сян, говорил: „Мне принадлежит заслуга в замысле погубить этого столичного властителя. Его коров и овец — родителям, житницы и амбары — родителям; щиты и копыя — мне, гусли — мне, резной лук — мне и двух золовок заставляю стелить мою постель!“

Сян направился во дворец к Шуню и вошел туда. К его удивлению, Шунь уже находился на ложе и играл на гусях. Сян смутился и сказал ему: „Томлюсь от тоски. Думаю о тебе, государь мой!“ Шунь сказал: „Я хотел бы, чтоб всем слугам и простому народу ты бы дал мое правление“.

Не могу понять, неужели Шунь не знал, что Сян готовился погубить его?»

Мэн-цзы ответил:

— Как же не знал? Когда Сян грустил, Шунь тоже грустил, когда тот радовался, Шунь тоже радовался.

Ученик спросил:

— Получается, что Шунь был таким, который радовался приятно. Не так ли?

* Отец Шуня. — *Примеч. пер.*

Мэн-цзы ответил:

«Нет! В старину был такой случай. Кто-то угостил Цзы-Чаня во владении Чжэн живой рыбой. Цзы-Чань велел смотрителю водоемов выпустить ее в пруд и кормить там. Смотритель зажарил рыбу и, докладывая об исполнении приказа, сказал: „Как только я выпустил рыбу, она была вялая, немного погода стала резвиться и очень довольная исчезла!“ На это Цзы-Чань задумчиво произнес два раза: „Она обрела свое место, обрела свое место!“

Смотритель водоемов вышел и сказал: „Кто из вас скажет, что Цзы-Чань умен? Я сжарил и съел рыбу, а он говорит: «Она обрела свое место, обрела свое место!»“.

Выходит, что добропорядочного мужа можно обмануть, воспользовавшись его же способом рассуждать, но трудно погубить, если прибегнуть к тому пути, который он отвергает. Этот Сян явился к Шуню таким путем, каким являются из любви к старшему брату, потому Шунь искренне поверил и обрадовался ему. Какое же тут было притворство?»

9.3. Вань Чжан задал Мэн-цзы такой вопрос:

— Почему же Шунь, когда он был возведен Сыном Неба, ограничился только тем, что сослал сводного брата Сяна, хотя тот что ни день считал своим кровным делом умертвить Шуня?

Мэн-цзы сказал:

— Шунь пожаловал ему владение. Но некоторые говорят, будто он сослал его.

Вань Чжан продолжал:

— Шунь сослал Гун-гуна в Ючжоу (69), отправил на поселение Хуань-Доу в Чуншань, казнил Сань-Мяо в Саньвэе, умертвил Гуня в Юйшани. Предание казни этих четырех злодеев привело к тому, что вся Поднебесная покорила Шуню, так как были осуждены те, кто был лицеприятным.

Между тем самым лицеприятным из всех был Сян, а ему было пожаловано владение в Юби. Чем же провинились жители этого владения (получив такого правителя. — В. К.)? Так ли, безусловно, должен был поступить Шунь, которого считают человеком, обладающим чувством нелицеприятности ко всем людям? Когда дело шло о других, то он казнил их, а коснулось его младшего брата, так он пожаловал его земельным владением!

Мэн-цзы ответил так:

— Человек с чувством неприязни к людям относится к своему младшему брату откровенно: он не скрывает своего гнева и не утаивает обиды к нему, любит его по-родственному, вот и все.

Питая к нему родственные чувства, он желает, чтобы тот сделался знатным; любя его, желает, чтобы тот был богатым. Пожаловав владение Юби младшему брату, Шунь этим сделал его богатым и знатным.

Можно ли сказать про Шуня, что он проявляет родственную любовь к младшему брату, если бы сам занимал положение Сына Неба, а младший брат оставался бы на положении простого мужа?

Ученик спросил:

— Осмелюсь спросить, что значит сказанное вами: «Некоторые говорят, будто он сослал его?»

Мэн-цзы ответил:

— Сяну не дана была возможность заниматься делами управления в том владении. Сын Неба послал чиновников править тем владением и через них взимал налоги и подати. Вот почему и говорят, что Сян был на положении сосланного. Разве ему удалось бы мучить свой народ в таких условиях?

Несмотря на это, Шунь постоянно желал видеться с ним, поэтому тот беспрестанно приезжал к нему.

Помнишь, «не дожидаясь срока поднесения дани владетельными князьями с отчетами по делам управления, Шунь принимал владетеля Юби» *, — здесь как раз об этом говорится.

9.4. Сянь-Цю Мэн задал Мэн-цзы такой вопрос:

— В Изречениях сказано: «Служивый-ши, преисполненный добродетелями, никак не допустит того, чтобы его правитель был унижен в слугу, а отец поставлен в положение сына» (70). Между тем Шунь, вступив на престол, сидел на троне лицом на юг (71), а на утренние приемы к нему являлся прежний правитель Яо, возглавляя всех владетельных князей-чжухоу, и лица их были

* Предположительно, эта цитата взята из той части книги «Шу цзин», которая не сохранилась. — *Примеч. пер.*

обращены на север. Даже Гу-Соу, присутствуя на утренних приемах, тоже обращал лицо к северу. При виде отца Гу-Соу Шуню было настолько не по себе, что он не находил места (букв.: «поджимал под себя ноги». — В. К.). По этому поводу Кун-цзы восклицал: «Ах! В какой беде оказалась в те времена Поднебесная! Опаснее опасного!» (72) Не знаю, насколько это изречение правдиво?

Мэн-цзы ответил:

— Нет! Это — рассказы людей в восточной части владения Ци, а вовсе не слова добропорядочного мужа. Когда Яо состарился, Шунь правил за него. В родословной Яо сказано: «Шунь правил двадцать восемь лет, и тогда только „Источающий доблесть“ (т. е. Яо. — В. К.) почил. Все сто семейств (т. е. народ. — В. К.) оплакивали его как покойного отца или усопшую мать. Все восемь звучаний разных музыкальных инструментов* на три года стихли в пределах всех земель, омываемых четырьмя морями» (73). По этому поводу Кун-цзы сказал: «Как на небе не бывает двух солнц, так у народа не бывает двух ванов-правителей» (74).

Если бы Шунь уже был Сыном Неба, да еще привел бы с собой на могилу Яо владетельных князей всей Поднебесной и вместе с ними три года оплакивал его, вот тогда это означало бы, что было два Сына Неба.

Сянь-Цю Мэн сказал:

— О том, что Шунь не унижил Яо до положения слуги, я удостоился услышать от вас (вы меня убедили. — В. К.), но вот в Стихах говорится:

Нет в Поднебесной земель таких,
Что не принадлежали бы вану;
Кругом в этих землях, до побережий морских,
Нет никого, кто слугою бы не был тому вану (75).

* Имеются в виду инструменты, изготовленные из восьми разных материалов, а именно: 1) из металла — колокола; 2) из камня — била; 3) из шелковых нитей струн — гусли; 4) из бамбука — флейты; 5) из горлянки — свирели; 6) из глины — свистульки; 7) из кожи — барабаны; 8) из дерева — колотушки.

Осмелюсь спросить, как Гу-Соу оказался бы не слугой, когда Шунь сделался Сыном Неба?

Мэн-цзы ответил:

— В этих Стихах речь идет совсем не об этом. Здесь говорится об изнурении делами вана, столь тяжком, что не удается ухаживать за родителями. Ведь дальше сказано так:

Здесь службы нет иной, как только вану, —
Один лишь я, просвещенный, ему трудиться стану (76).

Поясняющий Стихи не причиняет вреда ни словам из-за слога, ни замыслу из-за слов. Противопоставь замыслу — смысл, поступив так, ты обретешь замысел. Если же исходить только из смысла слов, тогда из стиха «Заоблачная река Хань»*, где сказано:

Во владении Чжоу не осталось в живых и сирот,
Где когда-то жил в избытке черновласый народ (77), —

при принятии его на веру получится, что во владении Чжоу не осталось даже потомства у народа.

Для почтительного сына нет большего достижения, чем почитание родителей, а для почитания родителей нет большего достижения, чем уход за ними людьми всей Поднебесной. Быть отцом Сына Неба — это верх (предел. — В. К.) почитания; уход со стороны (людей. — В. К.) всей Поднебесной — это верх (предел. — В. К.) ухода.

В Стихах

Про думы о почитании родителей говорил нам У-ван всегда,
И этого правила держался он, как нерушимого во все века (78)

как раз об этом говорится.

В Писаниях сказано:

При свидании с Гу-Соу был он, Шунь, в почтении трепетном,
Но и Гу-Соу тоже становился ласковой и уступчивей (79).

Поступая так, Шунь не ставил отца в положение сына.

* Млечный путь. — *Примеч. пер.*

9.5. Вань Чжан спросил:

— Было ли так, что Яо отдал Шуню Поднебесную?

Мэн-цзы ответил:

— Нет, этого никогда не было. Сын Неба не может отдать Поднебесную никому.

Ученик спросил:

— В таком случае кто же дал Поднебесную Шуню, когда он воцарился в ней?

Мэн-цзы ответил:

— Небо дало ему.

Ученик спросил:

— Значит ли, что Небо громогласно поведало ему, когда давало Поднебесную?

Мэн-цзы ответил:

— Нет! Небо не говорит. Оно внушило ему это своими действиями и делами, вот и все.

Ученик спросил:

— Как же оно могло внушить своими действиями и делами?

Мэн-цзы ответил так:

— Сын Неба может представить человека на утверждение Небу, но не может побудить Небо дать тому Поднебесную. Точно так же владетельные князья могут только представить человека на утверждение Сыну Неба, но не могут заставить Сына Неба дать ему звание владетельного князя. Сановники-дафу могут представить человека на утверждение владетельным князьям, но не могут заставить владетельных князей дать тому человеку звание дафу.

В прежние времена Яо представил Шуня Небу, и оно приняло его; он показал Шуня народу, и тот тоже принял его.

Вот почему я и говорю, что Небо не говорит, а только указывает своими действиями и делами, вот и все.

Ученик сказал:

— Осмелюсь спросить, как же происходило представление Шуня Небу и оно приняло его, предложение его народу и народ принял его?

Мэн-цзы ответил:

— Было велено Шуню совершить обряд жертвоприношения, и все духи насладились жертвами. Значит, Небо приняло его.

Было велено Шуню вершить делами, и дела были приведены в порядок; все сто семейств, составляющие весь народ, были успокоены этим. Значит, народ принял его.

Небо дало ему Поднебесную, люди дали ему ее. Вот почему я и говорю, что Сын Неба не может дать никому Поднебесную.

Шунь был главным советником у Яо двадцать восемь лет. Этого не смогли бы совершить люди, а совершило Небо.

Когда Яо скончался, по окончании трехлетнего оплакивания его Шунь, избегая сына Яо, прибыл на южный берег реки Наньхэ.

Однако владетельные князья Поднебесной, удостоенные чести являться на утренний прием к государю, не шли к сыну Яо, а направлялись к Шуню.

Тяжущиеся не шли к сыну Яо, а направлялись тоже к Шуню.

Слагающие песни прославляли в них не сына Яо, а воспевали Шуня.

Вот почему я и говорю, что это Небо так повелело.

И вот, только после всего этого, Шунь прибыл в Срединное владение и вступил на престол Сына Неба.

А живи он во дворце Яо, прогони он сына Яо, это означало бы присвоение трона, а не то, что Небо дало ему.

В «Великой клятве» сказано: «Небо видит глазами и слышит ушами моего народа» (80), вот о чем как раз здесь и говорится.

9.6. Вань Чжан задал Мэн-цзы такой вопрос:

— Среди людей ходит молва, что добродетельное управление захирело, хотя и наступило царствование Юя, так как он не передал трон просвещенному избраннику, а отдал своему сыну. Было ли это так?

Мэн-цзы ответил:

«Нет! Это неверно. Даст Небо просвещенного избранника, тогда и трон дадут ему, а даст Оно достойного сына, то дадут трон тому. В старину Шунь представил Юя Небу, и тот семнадцать лет состоял при Шуне. Когда Шунь скончался, по окончании трехлетнего оплакивания его Юй, избегая сына Шуня, укрылся в городке Янчэн. Народ в Поднебесной все же последовал за ним, как было после кончины Яо, когда он последовал за Шунем, а не за сыном Яо.

Юй представил Небу И, и тот был при Юе семь лет. Когда Юй скончался, по окончании трехлетнего оплакивания его И, избегая сына Юя, таился в горах Цзишань. Удостоенные чести являться на утренний прием к государю, а также все тяжущиеся не шли к И, а направлялись к Ци, сыну Юя, говоря: „Он достойный сын нашего государя“.

Слагающие песни не воспевали в своих песнях И, а воспевали Ци, говоря: „Он достойный сын нашего государя!“

Непотребство (невежество. — В. К.) Дань-Чжу, сына Яо, было такое же, как у сына Шуня. Служение Шуня в качестве советника Яо и служение Юя в качестве советника Шуня продолжалось многие годы, а изливание милостей народу при них продолжалось долго. Ци, сын Юя, оказался просвещенным, он смог почтительно унаследовать Юю и продолжать его путь. И служил советником Юя в течение немногих лет, изливание милостей народу при нем не было продолжительным. То, что Шунь, Юй и И отстояли друг от друга далеко по времени, а их сыновья оказались у одного просвещенным, у другого — недостойным невеждой, — все это зависело от Неба, да и свершилось так, как никто из людей не смог бы свершить. Все, что свершается так, как никто бы не смог этого совершить, происходит от Неба. Все, что случается так, как никто бы не мог устроить, происходит от его веления.

Для того чтобы простой мужик стал обладать Поднебесной, он непременно должен быть наделен такими же качествами, какими обладали Шунь и Юй, к тому же он должен быть представлен Небу Сыном Неба.

Вот почему Чжун-Ни не стал обладателем Поднебесной.

Тех, кто добивается наследования, чтобы обладать Поднебесной, Небо отвергает, и они обязательно оказываются такими же, какими были тираны Цзе и Чжоу-Синь.

Потому-то И, И Инь и Чжоу-гун не были обладателями Поднебесной.

И Инь служил советником у Чэн Тана, чтобы тот царствовал в Поднебесной. Когда Тан скончался, наследника Тай-Дина не возвели на престол; Вай-Бин правил два года, а Чжун-Жэнь —

четыре года. Тай-Цзя перевернул наоборот все законы и уложения Чэн Тана, и И Инь сослал его в Тун*.

Через три года Тай-Цзя раскаялся в своем проступке и исправился; находясь в Тун, он творил суд, проявлял человечность и устремлялся к справедливости. Три года он провел, чтобы выслушивать, как И Инь будет наставлять его самого, а затем вновь вернулся в Бо.

Чжоу-гун также не стал обладателем Поднебесной, как И в царстве Ся и И Инь в царстве Инь.

Кун-цзы говорил так: „Тан [Яо] и Юй [Шунь] отреклись от престола, а Ся-Хоу [Юй], Инь [Чэн Тан] и Чжоу [У-ван] передавали престол по наследству. Смысл же всего этого был един“» (81).

9.7. Вань Чжан задал Мэн-цзы такой вопрос:

— У людей есть молва, будто И Инь добивался расположения Чэн Тана своим умением забивать скот и готовить пищу. Так ли это было?

Мэн-цзы ответил:

«Нет, не так! И Инь воздвигал землю и пустоши Юшэнь и наслаждался царившими там путями управления Яо и Шуня. Если бы вопреки той справедливости, за которую стояли Яо и Шунь, ему пожаловали Поднебесную, он пренебрег бы ею; если бы вразрез с их путем управления ему предложили тысячу четверок упряжных коней, он бы не посмотрел на них; он не дал бы никому и не взял бы ни у кого ни былинки, вопреки той справедливости и того пути.

Чэн Тан послал к И Иню людей с шелками, чтобы пригласить его к себе на службу, но тот невозмутимо сказал им: „Для чего мне эти пригласительные дары Чэн Тана? Разве сравнить мою привольную жизнь среди полей, от которой исходит мое наслаждение путем управления Яо и Шуня, с предлагаемой службой при дворе Чэн Тана?“

Чэн Тан трижды посылал гонцов пригласить И Иня ко двору. Наконец, тот переменял свою речь наоборот: „Чем жить среди полей и находить в этом наслаждение в путях управления Яо и Шуня, не лучше ли побудить самого государя сделаться таким же,

* Там находилась могила Чэн Тана. — *Примеч. пер.*

какими были Яо и Шунь. Разве не лучше побудить этот народ сделаться таким же, какой был у Яо и Шуня? Разве не лучше будет, если я сам увижу все это своими глазами? Небо породило этот народ и сделало так, чтобы те, кто опережает в сознании, вразумляли отстающих в нем. Я же из тех, кто опережает других в сознании, а потому буду вразумлять этот народ, чтобы он осознал путь управления Яо и Шуня. Кому, как не мне, вразумлять его?»

Думая о народе Поднебесной, И Инь полагал, что если среди простых мужчин и женщин найдутся такие, которых он не облагодетельствует учением Яо и Шуня, то это будет подобно тому, что будто он сам сталкивает их в придорожные рвы и обрекает на гибель. Вот почему он и взял на себя тяжесть управления Поднебесной. Потому-то он и поступил на службу к Чэн Тану и убедил его совершить поход против правителя династии Ся и спасти народ свой от гибели.

Я не слышал о таких людях, которые исправляли бы других, кривя при этом своей душой. Можно ли, тем более, услышать о таких, которые позорили бы себя, лишь бы исправить всю Поднебесную?

Поступки у мудрых людей бывают разные: некоторые удаляются от всех; другие сближаются со всеми; кто уходит со службы, а кто не уходит; и все это только для того, чтобы очистить себя от скверны, вот и все.

Я слышал, что И Инь просился к Чэн Тану, предлагая путь управления Яо и Шуня, но я не слышал, чтоб он предлагал одно лишь свое умение забивать скот и готовить пищу.

В поучениях И Иня говорится: „Кары Неба и повод к нашествию на правителя династии Ся берут начало с самого дворца Му-гуна. А нас доставили туда из столицы Бо наши боевые колесницы“» (82).

9.8. Вань Чжан задал Мэн-цзы такой вопрос:

— Некоторые говорят, что, находясь во владении Вэй, Кун-цзы проживал у лекаря вередов*, а во владении Цзи жил у Цзи Хуаня, производящего кастрацию. Было ли это так?

* В некоторых китайских комментариях «Юн Цюй» (букв.: «лекарь вередов») принимается за собственное имя. — *Примеч. пер.*

Мэн-цзы ответил:

«Нет, не так. Это сочинили любители склок. Во владении Вэй он жил у Янь Чоу-Ю. Жена сановника Ми-Цзы и жена Цзы-Лу были родными сестрами. Однажды Ми-Цзы сказал Цзы-Лу: „Живи Кун-цзы у меня, он смог бы получить звание высшего сановника-цин владения Вэй“. Цзы-Лу рассказал об этом Кун-цзы. Кун-цзы ответил: „На то пусть будет повеление“ (83). Кун-цзы вступал на службу по правилам учтивости, а отказывался от нее по чувству долга справедливости. А удавалось ему получать службу или не удавалось, он всегда говорил: „На то пусть будет повеление“.

Если бы он проживал у лекаря вередов или у Цзи Хуаня, производящего кастрацию, в этом не было бы ни проявления долга справедливости, ни чьего-либо повеления.

Для Кун-цзы никакой радости не доставляло пребывание во владениях Лу и Вэй (84). Повстречавшийся ему начальник конницы-сыма Хуань во владении Сун собирался приготовить засаду и убить его. Кун-цзы переоделся и прошел через владение Сун. В то время, когда Кун-цзы находился в опасности, он поселился у градоправителя Чжэнь-цзы, который был верным слугой чжоуского государя при князе-хоу Чэнь.

Я слышал, что близких слуг государя судят по тому, кого они принимают к себе постояльцами, а дальних слуг государя — по тому, у кого они живут постояльцами.

Если бы Кун-цзы проживал у лекаря вередов и у Цзи Хуаня, производящего кастрацию, то как он был бы Кун-цзы?»

9.9. Вань Чжан задал Мэн-цзы такой вопрос:

— Некоторые говорят, что Бо-Ли Си продан скотоводу во владении Цинь за пять овчин, откармливал быков Му-гуна, правителя Цинь, и этим добился его расположения к себе. Верить ли этому?

Мэн-цзы сказал:

— Нет, не так! Это сочинили любители склок. Бо-Ли Си — уроженец владения Юй. Люди из владения Цзинь добивались прохода через владение Юй для нападения на владение Го, предлагая взамен яшмовые перстни из Чуйцзи и коней по четыре уп-

ряжки, разводимых во владении Цюй (85). Сановник Гун Чжи-Ци убеждал правителя Юй не соглашаться, а Бо-Ли Си не убеждал. Он знал, что правителя Юй-гуна убедить нельзя, и ушел во владение Цинь. Ему уже было семьдесят лет. Он тогда еще не знал, что его будут пятнать тем, что он якобы откормил быков для Му-гуна, правителя владения Цинь, добивался его расположения. Можно ли за это назвать его мудрым? Не убеждать кого-либо, когда знаешь, что убедить нельзя, можно ли назвать такого не мудрым? Он знал, что его правителя, Юй-гуна, ожидает гибель, и заранее покинул его. Значит, нельзя сказать, что он был не мудрым. К тому времени он выдвинулся во владении Цинь и знал, что Му-гун согласится с тем, чтобы предоставить ему действовать, и стал служить ему советником. Можно ли сказать, что он был не мудрым? Служа советником правителю владения Цинь, он прославил своего государя в Поднебесной так, что тот мог войти в предания для последующих поколений. Мог ли бы сделать это человек, не обладающий просвещенностью?

Продать себя, чтобы выполнять прихоти своего государя, да этого не сделает ни один рядовой житель сел и селений, уважающий свое достоинство! Так ужель сделал бы это тот, кого называют просвещенным?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВАНЬ ЧЖАН

Часть вторая
(9 статей)

10.1. Мэн-цзы говорил:

— У Бо-И глаза не глядели на противные цвета (непристойности. — В. К.), уши не слушали противных звуков. Не своему государю он не служил, не своим народом он не распоряжался, при благоустройстве во владении он продвигался по службе, а при смутах в нем отступал назад (уходил со службы. — В. К.). Ему было не вмоготу жить там, откуда исходило самоуправство в управлении, где оседал народ, в котором царил произвол. Он мыслил, что жить с такими поселянами, — это все равно, что сесть в угольную пыль, облачившись в придворную одежду и надев придворный головной убор. В те времена, когда владычествовал злодей Чжоу, он поселился на берегу Северного моря [Бэйхай] в ожидании, когда Поднебесная очистится.

Вот почему даже закоренелые скряги, когда внимают рассказам о Бо-И, становятся бескорыстными, а слабовольные трусы обретают устойчивость воли.

И Инь рассуждал так: «Кому служить, как не государю, какой бы он ни был? Кем распоряжаться, как не народом, каков бы он ни был? Продвигаюсь вперед по службе как при благоустройстве во владении, так и при смуте в нем!»

Он говорил: «Весь этот народ рожден Небом, которое побуждает ранее познавших истину вразумлять позже познающих, побуждает прежде прозревших вразумлять позже прозревающих. Я из тех, кто прежде прозрел среди народа, порожденного Небом! Я буду вразумлять этот народ, пользуясь таким путем в рас-

суждении». Думая о народе во всей Поднебесной, он считал, что если есть в ней такие мужчины и женщины из простых людей, которым он не оказывает благодеяний, заведенных Яо и Шунем, то словно бы сам сталкивает и вводит их в ров смерти. Таково было бремя, которое он сам брал на себя перед Поднебесной.

Лю-Ся Хуэй не стыдился быть при алчном правителе, не отказывался от должности даже мелкого начальника. Продвигаясь вперед по службе, он не скрывал своей проницательности и обязательно руководствовался своим путем. Он не роптал, когда оставался не у дел; не жаловался, когда был в беде и нужде. Живя вместе с поселянами, он чувствовал себя непринужденно, и ему было невмоготу покидать их. Он говорил: «Ты живи сам по себе, я буду жить сам по себе. В таком случае, хоть ты и станешь подле меня расстегнутый и даже голый, как может быть, чтоб ты запачкал меня своим телом?»

Вот почему даже закоренелые грубияны, когда внимают рассказам о Лю-Ся Хуэе, становятся любезными, а бесчувственные — сердечными.

Кун-цзы, покидая чужое владение Ци, наскоро промывал зерно на дорогу и отправлялся. Покидая родное владение Лу, он вздыхал: «Хоть бы замедлился мой отъезд!» Таков путь, которому должны следовать покидающие отчизну. Можно решать скорей — так решай скорей! Можно откладывать решение надолго — так откладывай надолго! Можно расположиться на житье — так располагайся! Можно служить — так служи! Таков был Кун-цзы.

Из премудрых людей Бо-И был чистейшим, И Инь был выносливейшим, Лю-Ся Хуэй был ласковейшим, а Кун-цзы точнейшим во времени.

Свод полного завершения мелодии — так называют Кун-цзы. То, что является сводом полного завершения мелодии, — это звучание металла колоколов, когда его (резонанс. — В. К.) возбуждают удары в яшмы (каменные била. — В. К.). То, что является звучанием металла, — это начальная стройность мелодии, а то, что удары в яшмы возбуждают это звучание, — ее конечная стройность. То, что представляет начало стройности мелодии, — работа разума, а то, что представляет конечную ее стройность, — это работа мудрости.

Примером разума служит сноровка, а мудрости — сила.

Подобно тому, как при стрельбе на расстояние, выходящее за пределы ста шагов, достижение цели есть показатель твоей силы, попадание же в нее вовсе не является показателем твоей силы.

10.2. Бэй-Гун Ци задал Мэн-цзы такой вопрос:

— Что произошло, когда Чжоуский дом распределил звания и жалованье по степеням?

Мэн-цзы ответил:

— Подробности этого мне не удалось узнать. Владетельные князья были недовольны, так как считали, что это нанесет им вред, а потому уничтожили все записи об этом. Но мне, Кэ, когда-то все же довелось узнать вкратце кое-что.

Всего было пять степеней, а именно: Сын Неба — одна степень, гун — одна, хоу — одна, бо — одна, цзы и нань составляли одну большую степень.

Мест (постов. — В. К.) было всего шесть, а именно: государь — одно место, старший сановник-цин — одно, сановник-дафу — одно, старший служилый-ши — одно, средний служилый-ши — одно и младший служилый-ши — одно.

Согласно уложению, Сыну Неба отводилось земли в тысячу ли с каждой из четырех сторон; гун и хоу — по сто ли с каждой из четырех сторон; бо — семьдесят ли, а цзы и нань — пятьдесят ли. Всего было четыре разряда в землепользовании.

Там, где нет возможности нарезать пятьдесят ли, участки земли не передавались Сыну Неба, а присоединялись к владениям князей-чжухоу, и это называлось «прирезки фуюн».

Старший сановник-цин, служивший у Сына Неба, получал доходы с земли соответственно хоу, сановники-дафу соответственно бо, а старшие служилые-ши — соответственно цзы и нань.

В большом владении, имевшем земли по сто ли с каждой из четырех сторон, правитель получал десять окладов жалованья старшего сановника-цин, а жалованье цин составляло четыре оклада жалованья сановников-дафу; дафу получали вдвое больше, чем старшие служилые-ши, старшие служилые-ши получали вдвое больше, чем средние служилые-ши, а средние служилые люди-ши получали вдвое больше младших служилых-ши. Все те младшие служи-

лые-ши и простолюдины, которые состояли на казенной службе, получали одинаковое жалованье. Оклад жалованья был достаточен, чтобы заменить доход от обработки земли.

В следующем по размерам владении, имевшем земли по семьдесят ли с каждой из четырех сторон, правитель получал десять окладов жалованья старшего сановника-цин, а жалованье цин составляло три оклада жалованья сановников-дафу, дафу получал вдвое больше старшего служилого-ши, старший служилый-ши — вдвое больше среднего служилого-ши, средний служилый-ши — вдвое больше младшего служилого-ши. Те из младших служилых-ши, которые вместе с простолюдинами находились на казенной службе, получали одинаковое жалованье, достаточное, чтобы заменить доход от обработки земли.

В малом владении, имевшем земли по пятьдесят ли с каждой из четырех сторон, правитель получал десять окладов жалованья старшего сановника-цин, цин — два оклада жалованья сановников-дафу, дафу получали вдвое больше старших служилых-ши, старшие служилые-ши — вдвое больше средних служилых-ши, средние служилые-ши — вдвое больше младших служилых-ши. Те младшие служилые-ши, которые вместе с простолюдинами находились на казенной службе, получали одинаковое с ними жалованье, достаточное, чтобы заменить доход от обработки земли.

Обрабатывающие землю получали на одного мужчину по сто му. С этих ста му земли высший земледелец кормил семью в девять человек, второй за ним кормил восемь человек; средний кормил семь человек; следующий за средним кормил шесть человек; а низший кормил пять человек.

Простолюдины, которые состояли на казенной службе, получали жалованье по этим различиям.

10.3. Вань Чжан задал Мэн-цзы такой вопрос:

— Позвольте спросить о дружбе.

Мэн-цзы ответил:

— Дружи, но не кичись старшинством, не кичись знатностью, не кичись братьями. Дружба — это приязнь к добродетельным качествам друга, при котором нельзя быть кичливым.

Мэн Сянь-цзы был из знатной семьи, владевшей сотней боевых колесниц. У него было пятеро друзей: Юэ-Чжэн Цю, Му

Чжун, а остальных троих я забыл как звали. То, что связывало Мэн Сянь-цзы с этими пятью людьми, была такая дружба, для которой знатность семьи Мэн Сянь-цзы не существовала. Были бы у этих пятерых тоже такие знатные семьи, как у Мэн Сянь-цзы, он тогда не дружил бы с ними.

Это верно не только в отношении семей, обладающих сотней колесниц: такая дружба бывает и у правителей малых владений.

Так, правитель города Би по имени Хуэй-гун говорил: «Что касается моих отношений с Цзы-Сы, то я почитаю его своим учителем, а что до отношений с Янь Банем, то я дружу с ним. Если же говорить о Ван Шуне и Чан Си, то они из тех, кто служит мне».

Такая дружба бывает не только у правителей малых владений, но даже и у правителей больших владений. Так, отношения Цзиньского правителя Пин-гуна и Хай Тана были таковы, что, когда тот говорил: «Войди!», Пин-гун входил к нему; говорил: «Садись» — садился; говорил: «Ешь» — ел; несмотря на то, что угощение состояло из грубой каши и похлебки, не было случая, чтобы Пин-гун не наедался досыта, так как он не осмеливался поступать иначе. Однако на этом кончались их отношения, и только. Пин-гун не предлагал ему вместе занимать трон, предназначенный Небом, не предлагал ему выполнять обязанности, поручаемые Небом, не предлагал ему жалованья, даруемого Небом, а оказывал ему уважение служилого-ши к просвещенному, но не полновластного правителя-вана или гуна.

Бывало, Шунь являлся на свидание к верховному правителю-ди и тот поселял его во втором запасном дворце, как своего зятя. Он тоже угощал Шуня и неоднократно бывал и его гостем, и его хозяином. Вот пример того, что он хоть и был Сыном Неба, а все же дружил с простым мужиком.

Уважение, оказываемое низшими высшим, я называю «гуй гуй» (ценить знатных. — В. К.), а проявляемое высшими к низшим я называю «цзунь сянь» (почитать просвещенных. — В. К.). Смысл же того и другого единый.

10.4. Вань Чжан задал Мэн-цзы такой вопрос:

— Осмелюсь спросить: с каким чувством вступают в общение с незнакомыми?

Мэн-цзы ответил:

— С чувством уважения.

Тот спросил еще:

— Почему не считается непочтительным упорно отказываться от принятия полагающихся при встрече подарков?

Мэн-цзы ответил:

— Представь, что тебе дарит досточтимый, а ты его спросишь: «Честно ли добыл ты то, что даришь, или нечестно?» Ведь за это тебя все сочтут непочтительным. Потому-то и не отказывайся от подарков!

Тот опять спросил:

— Прошу сказать, а нельзя ли отказаться от них, не прибегая к таким словам, а отказаться, говоря про себя: «Он взял это у народа нечестно», но не принимать под другим предлогом?

Мэн-цзы ответил:

— Такие подарки, которые вручаются по правильному пути и принимаются по правилам учтивости, принимал и Кун-цзы.

Вань Чжан сказал:

— Представим себе теперь, что за воротами главного города владения появился грабитель, который будет вручать дары по правильному пути, угощение его будет по всем правилам учтивости, можно ли в таком случае принимать награбленные дары от него?

Мэн-цзы ответил:

— Нельзя! В «Наставлениях Кана» сказано: «Нет во всем народе таких, кто не выражал бы негодования на отчаянных головорезов, убивающих купцов с товарами» (86). Вразумлять таких не стоит, а надо казнить их. По преданию, перешедшему от Ся к Инь и от Инь к Чжоу, от таких не ждали оправданий, а ныне к ним относятся еще яростнее. Как же можно от них принимать дары?

Вань Чжан спросил:

— Но ведь теперешние владетельные князья берут у народа подобно таким же грабителям. Осмелюсь спросить, что вы скажете, если они умело поднесут вам свои подарки при знакомстве, примете ли вы как добропорядочный муж эти подарки?

Мэн-цзы ответил:

— Допустим, что появится настоящий ван-правитель, который будет определять нынешних владетельных князей-чжухоу по такому уподоблению. Как ты полагаешь: казнит ли он всех или станет вразумлять их, подвергнув казни только тех, кто после этого не исправится?

Ведь называя грабителем всякого, кто берет, что ему не принадлежит, ты обобщишь (восполнишь. — *В. К.*) категорию этого понятия до полного исчезновения его предельного смысла (значения. — *В. К.*)*.

Служба, которую Кун-цзы нес во владении Лу, была такова, что он тоже принимал участие в охотничьих состязаниях, устраиваемых жителями Лу. Ему казалось возможным участвовать в этих состязаниях, более того, он и подарки принимал от их устроителей!

Вань Чжан спросил:

— Если так, то не значит ли это, что Кун-цзы, находясь на службе, не служил пути истины?

Мэн-цзы ответил:

— Нет, он служил этому пути.

Тот спросил:

— Как же тогда он принимал участие в охотничьих соревнованиях, служа пути истины?

Мэн-цзы ответил:

— А вот как: он предварительно составлял списки надлежащих жертвенных сосудов (для охотничьей добычи. — *В. К.*), чтобы эти сосуды не применялись для пищи (участниками охоты. — *В. К.*), приносимой из разных мест.

Тот опять спросил:

— Почему же он сразу не ушел из владения Лу?

Мэн-цзы ответил:

— Для того, чтобы загадать. Ведь загадка его была такова: достаточная ли его школа, чтоб ей следовали, но когда по ней не шли, тогда уж он уходил. Потому-то он никогда не задерживался

* В словаре Палладия и Попова этот логический термин переведен как «удовлетворять своему назначению» (см.: т. 1, с. 3616).

больше трех лет на одном месте. У Кун-цзы были: служба, на которой он мог осуществлять свое учение; служба, на которой ему оказывали уважение при сношениях с правителями; служба, на которой его обеспечивали, оказывая почтение как мудрецу.

Служба его у Цзи-Хуань-цзы была такой, которая позволяла ему осуществлять свое учение; служба у Лин-гуна, правителя владения Вэй, доставляла ему уважение при сношениях с правителем, а служба у Сяо-гуна, правителя того же владения, давала ему полное обеспечение.

10.5. Мэн-цзы говорил:

— Люди поступают на службу не из-за бедности, но порой случается, что и из-за нее.

Люди женятся (берут жен. — В. К.) не ради того, чтоб иметь уход, но порой случается, что и ради этого.

Поступающий на службу из-за бедности отказывается от почета и живет убого, отказывается от богатства и пребывает в бедности.

В качестве кого подобает служить тем, кто отказывается от почета и живет убого, кто отвергает богатства и пребывает в бедности? — Охранниками на пограничных заставах и ночными сторожами, бьющими в колотушки.

Когда-то Кун-цзы служил смотрителем хлебных складов и говорил так: «Все подсчеты надо содержать в должном порядке, только и всего!» Когда-то он же служил смотрителем скотных дворов и говорил так: «Надо только преуспевать, чтоб коровы и овцы были здоровы и крепки, вот и все!» (87)

Преступно заводить речи о высоких делах, когда пост, занимаемый тобой, низкий.

Постыдно, когда состоишь при дворе правителя, а путь к истине не проводишь!

10.6. Вань Чжан спросил Мэн-цзы:

— Почему служилые люди-ши не живут на иждивении владетельных князей-чжухоу?

Мэн-цзы ответил:

— Не смеют. Ведь на иждивении у владетельных князей живут лишь владетельные князья, и то после того, как они теряют свои владения. Таковы правила приличия. Но чтоб служилые лю-

ди-ши позволяли себе жить на иждивении владетельных князей-чжухоу — это просто неприлично.

Тогда Вань Чжан спросил:

— А принимают ли они зерно (провиант. — В. К.), которое им дарит государь?

Мэн-цзы ответил:

— По праву (относящемуся. — В. К.) к беженцам, которым государь, безусловно, оказывает вспомоществование.

Вань Чжан спросил:

— Почему же принимают как вспомоществование, а не как жалованье?

Мэн-цзы ответил:

— Не смеют.

— Позвольте спросить, отчего не смеют?

Мэн-цзы ответил:

— Такие, как караульные у заставы и ночные сторожа с колотушками, имеют постоянную службу у вышестоящих и этим кормятся у них. Те же, кто, не имея постоянной службы у вышестоящих, тем не менее получает от них жалованье, я считаю, не достойны уважения.

Вань Чжан спросил:

— Значит, когда государь дарит им, так они принимают, но неизвестно, постоянно ли может так продолжаться?

Мэн-цзы ответил:

— Когда-то Му-гун по отношению к Цзы-Сы неоднократно справлялся о его здоровье и неоднократно посылал ему мясо в треножных сосудах. Цзы-Сы был не рад этому. Наконец он дал знак гонцу выехать за главные ворота, обратившись лицом на север, совершил земной поклон, потом еще раз поклонился и, не приняв подарка, сказал гонцу: «Отныне и впредь я буду знать, что государь кормил меня как пса и коня». Должно быть, с этого времени высшие чины не получают подарков. В самом деле любить мудрецов, но не иметь возможности выдвинуть их, а тем более не быть способным содержать их, можно ли назвать это любовью к мудрецам?

Вань Чжан спросил:

— Позвольте спросить, как же должен содержать добропорядочного мужа государь, желающий, чтоб это содержание можно было назвать достойным?

Мэн-цзы ответил:

— Препровождать ему все в порядке повеления государя. Цзы-Сы считал, что мясо в треножных сосудах посылается лишь для того, чтобы принудить его всякий раз раздражаться при отвешивании многократных благодарственных поклонов. Это не путь содержать добропорядочных мужей. Вот Яо по отношению к Шуню поступил так, что все девять его сыновей прислуживали ему, да еще двух дочерей отдал в жены ему же. Все сто чинов, быки и бараны, амбары и житницы были приготовлены для него, чтобы Шунь мог кормиться в полевых просторах, а потом выдвинул его и предоставил ему наивысший пост. Вот почему я и говорю об уважении ванов и гунов, оказываемом мудрецам (просвещенным людям. — В. К.).

10.7. Вань Чжан спросил Мэн-цзы:

— Осмелюсь спросить, каков смысл того, что служилые люди-ши владетельным князьям-чжухоу не представляются?

Мэн-цзы ответил:

— Назовем служилых людей-ши, находящихся в столицах владений, чинами из городских жителей, а находящихся в полевых угодьях — чинами из сельских жителей. Те и другие жители — все называются простым народом. Известно, что простолюдины не смеют представляться владетельным князьям-чжухоу без подношения положенных даров, для того чтобы стать чиновниками. Таковы правила учтивости.

Вань Чжан спросил:

— Значит, оправданием служит то, что все они простолюдины. В таком случае почему же, когда их призывают к исполнению повинностей, они идут служить, а если их призовет государь из желания повидаться с ними, так они не идут на свидание с ним?

Мэн-цзы ответил:

— Исполнять повинности — это их долг, а являться на свидание не является долгом. К тому же скажи, чего ради государь желал бы повидаться с ними?

— Ради того, что среди них могут оказаться многосведущие, могут быть и премудрые.

На это Мэн-цзы сказал:

— Если только ради того, что среди них могут оказаться многосведущие, тогда не то что владетельные князья-чжухоу, даже сам Сын Неба не призывал бы к себе наставников! Если же ради того, что среди них могут быть премудрые, то мне еще не приходилось слышать, чтобы при желании повидаться с премудрыми их призывали бы как на службу.

Так, Му-гун неоднократно принимал у себя мудреца Цзы-Сы и как-то сказал ему: «Древние правители, владевшие тысячей боевых колесниц, добивались этого, ведя дружбу со своими служилыми людьми-ши. Что ты скажешь на это?» Цзы-Сы, недовольный этим, ответил так: «У людей с древних времен сложилась такая поговорка: „Если говоришь, что служишь, разве скажешь, что дружишь?“» Неужели недовольство Цзы-Сы не означало того, что он хотел бы сказать: «По положению ты — государь, а я — твой подданный, как же я осмелюсь дружить с государем? А по нравственным качествам дэ ты мне служишь, как же можно в таком случае дружить со мной?» Правитель, владеющий тысячей колесниц, добивался дружбы с ним и все же не смог обрести ее, тем более, смог ли бы он осуществить это путем насильственного призыва?

Цзин-гун, владетель Ци, как-то раз охотился и махнул лесничему своим родовым знаменем, призывая его к себе. Тот не явился. Тогда правитель готов был обезглавить его. Почему Кун-цзы для такого изречения: «Служилый-ши волевой, не забывай, что окажешься во рву или пропасти; служилый-ши удалой, не забывай, что лишишься своего начала (т. е. головы. — В. К.)» — взял лесничего в качестве примера? Взял из-за того, что лесничий не пошел на неположенный ему зов того правителя (88).

Вань Чжан спросил:

— Осмелюсь спросить, чем положено призывать лесников?

Мэн-цзы ответил:

— Меховой шапкой, а простолюдинов — сигнальным флажком «чжань», служилых людей-ши — стягом с бубенцами «ци»,

сановников-дафу — родовым знаменем «цзинь». Простой лесник предпочтет умереть, но не посмеет явиться на зов, если будут призывать его тем, чем положено призывать сановников-дафу. Да и простолудин разве посмеет явиться, если его призовут как служилого-ши? Тем более это относится к премудрым, если их станут призывать не как премудрых. Изъявлять желание повидаться с мудрецом, но при этом пойти не тем путем, каким должно, — это все равно, что желать, чтобы он вошел в дом, причем запирать перед ним ворота. Чувство справедливости — это путь, а правила учтивости — это ворота. Идти по этому пути и проходить через эти ворота туда и сюда может только добропорядочный муж.

В Стихах говорится:

Гладок большак, словно плитами выложен,
Он прям, как стрела.
Шествует по нему муж добропорядочный,
А ничтожные людишки лишь взирают на него (89).

Вань Чжан спросил:

— Известно, что Кун-цзы на повеление государя явиться не ждал, когда запрягут колесницу, и отправлялся пешком. Если так, то выходит, что Кун-цзы был не прав?

Мэн-цзы ответил:

— Кун-цзы состоял на службе, и у него были казенные обязанности. К тому же его призывали как должностное лицо.

10.8. Обращаясь с наставлениями к Вань Чжану, Мэн-цзы сказал:

— Будь добрым служилым-ши во всей округе, вот тогда подружись с добрыми служилыми-ши всей этой округи. Будь добрым служилым-ши во всем владении, вот тогда и подружись со всеми добрыми служилыми-ши всего этого владения. Стань добрым служилым-ши всей Поднебесной, вот тогда и подружись с добрыми служилыми-ши всей Поднебесной. Сочтешь дружбу с добрыми служилыми-ши во всей Поднебесной еще недостаточной, тогда возвысь себя и займись исследованием людей из древних времен. Распевай их стихи, выучивай наизусть их писания. Чтобы узнать, были ли они достойными людьми, для этого займись ис-

следованием их поколений. Это и будет высшим устремлением в дружбе.

10.9. Сюань-ван, правитель владения Ци, задал Мэн-цзы вопрос о высших сановниках-цин.

Мэн-цзы спросил:

— О каких высших сановниках-цин ставится вопрос?

Тогда ван спросил:

— Разве высшие сановники бывают разные?

Мэн-цзы ответил:

— Да, разные. Есть сановники — сородичи из знатных родов, а бывают из чужих фамилий.

Ван сказал:

— Пожалуйста, расскажи о сановниках-сородичах из знатных родов.

Мэн-цзы ответил:

— Если у государя случается большой проступок, они тогда усовещивают его. Когда, несмотря на все и всяческие уговоры, государь все же не слушает их, тогда они смещают его с престола.

Ван сразу же изменился в лице.

Мэн-цзы сказал:

— Ван, вы не сердитесь! Вы ведь спросили своего слугу, и ваш слуга не посмел не ответить вам прямо (90).

Лицо вана приняло спокойное выражение, после чего он спросил:

— Пожалуйста, расскажи о сановниках из чужих фамилий!

Мэн-цзы сказал:

— Если у государя случаются проступки, то они усовещивают его. Когда он их не слушает, несмотря на всякие и всяческие уговоры, тогда они уходят от него.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ГАО-ЦЗЫ

Часть первая
(20 статей)

11.1. Гао-цзы сказал:

— Задатки людей можно уподобить иве-красноталу, а чувства долга и справедливости — чашке и плошке.

Создание из задатков, присущих людям, чувств нелицеприятия и справедливости можно уподобить изготовлению чашек и плошек из ивы-краснотала.

Мэн-цзы ответил ему так:

— Можешь ли ты изготовить чашки и плошки, следуя природным свойствам самой ивы-краснотала? Загубишь ли ты сперва иву-краснотал, а уж затем изготовишь из нее чашки и плошки?

Если будешь изготавливать чашки и плошки из загубленной ивы-краснотала, то значит ли это, что ты собираешься сперва загубить людей, а уж потом создавать в них чувства нелицеприятия и справедливости.

Кто, ведя за собой Поднебесную, будет губить чувства нелицеприятности и справедливости, тот, безусловно, воспользуется твоими высказываниями!

11.2. Гао-цзы сказал:

— Природные задатки людей можно уподобить стремительному потоку. Прорвавшись на востоке, он течет на восток, прорвавшись на западе, течет на запад.

В задатках людей нет различия на добрые и недобрые, подобно тому как для воды нет разницы куда течь: на восток или на запад.

Мэн-цзы ответил так:

— Для воды, верно, нет разницы, куда ей течь: на восток или на запад; но нет ли разницы течь ей вверх или вниз?

Так вот, добро, заложенное в задатках людей, можно уподобить стремлению воды стекать вниз.

Нет людей, у которых было бы что-то недоброе, заложенное в них. Нет и воды, у которой не было бы заложенного в ней стремления стекать вниз.

Представим себе, что вот сейчас здесь перед тобой вода. Можно заставить ее подняться выше лба, если взбить и взбрызгивать ее. Если действовать на нее сильным напором, то можно заставить ее оказаться на высоте горы.

Но разве такова сама природа, заложенная в воде?

Если говорить о ее силе, то она, действительно, такова. Но и природа человека подобна тому же, и его можно заставить быть недобрим.

11.3. Гао-цзы сказал:

— Природными задатками я называю все то, что присуще всему живому.

Мэн-цзы ответил так:

— Называть природными задатками все то, что присуще всему живому, все равно что называть белое белым, не так ли?

Гао-цзы ответил:

— Верно!

Мэн-цзы сказал:

— Не получится ли тогда, что белизна белых перьев подобна белизне белого снега, а белизна белого снега подобна белизне белой яшмы?

Тот ответил:

— Верно!

Мэн-цзы сказал:

— В таком случае природные задатки пса такие же, как у быка, а природные задатки быка такие же, как у человека, так что ли?

11.4. Гао-цзы сказал:

— Чревоугодие и сластолюбие заложены в природных задатках людей. Нелицеприятность — внутреннее, а не внешнее побуж-

дение. Справедливость — внешнее, а не внутреннее проявление природы человека.

Мэн-цзы спросил:

— Исходя из чего же ты называешь нелицеприятность внутренним, а справедливость внешним проявлением природных задатков людей?

Тот ответил:

— Представь себе кого-нибудь — если он старший, и я чту его как старшего, это не значит, что во мне имеется представление о старшинстве. То же самое, если он седой, и я считаю его седым, то исхожу из того, что седина его проявляется внешне. Вот почему я называю это внешним проявлением.

Мэн-цзы возразил:

— Не надо отличать белизну белой лошади от седины человека, иначе нечем будет отличать эту белизну от седины седого человека.

Кому не распознать старшинства старой лошади, нечем будет отличить и старшинство старого человека, не так ли?

Кстати, что ты называешь проявлением справедливости: то, что представляет старшинство само по себе, или то, что чтут за старшинство?

Тот ответил так:

— Если он мой младший брат, то я люблю его, а если он младший брат какого-нибудь циньца (жителя владения Цинь. — В. К.), то не люблю. Это происходит потому, что проявляющим чувство приязни являюсь я сам. Вот почему я и называю это внутренним проявлением.

Я чту старшим какого-нибудь старшего из жителей владения Чу так же, как почитал бы старшим любого из наших старших. Это происходит потому, что вызывающим чувство приязни является сам старший. Вот почему я и называю это внешним проявлением.

Тогда Мэн-цзы сказал так:

— Если нечем отличить то чувство, когда лакомишься жареным мясом, приготовленным циньцем, от того же чувства, когда лакомишься жареным мясом, приготовленным у нас, то, значит, и в самих вещах есть нечто, почему они таковы.

Но тогда получается, что смакование вкуса жареного мяса тоже может оказаться внешним проявлением чувства, так что ли?

11.5. Мэн Цзи-цзы обратился к Гун-Ду-цзы с таким вопросом:

— Отчего справедливость называют внутренним чувством?

Тот ответил:

— Мы называем справедливость внутренним чувством потому, что она побуждает нас к почитительности.

Тогда Мэн Цзи-цзы спросил:

— К кому же ты проявишь почитительность: к земляку, который на год старше твоего брата, или к брату, который старше тебя?

Гун-Ду-цзы ответил:

— Окажу почитительность к своему старшему брату.

Тот спросил:

— Если будешь угощать их вином, то кого раньше угостишь?

Гун-Ду-цзы ответил:

— Сперва угощу земляка.

Мэн Цзи-цзы заключил:

— Стало быть, справедливость исходит не из нутра, а в действительности находится вне (нас. — *В. К.*), так как на этом брате пребывает почитительность, которую ты оказываешь ему, а на том земляке пребывает уважение к старшинству, которое ты проявляешь к нему.

Гун-Ду-цзы не смог ответить и сообщил об этом Мэн-цзы.

Мэн-цзы сказал:

— Спроси его, кого он почитает больше: младшего дядю по отцу или младшего брата, тогда он скажет: «Почитаю младшего дядю по отцу». Тогда ты спроси: «Если твой младший брат при поминальном обряде будет изображать покойного предка, тогда кому окажешь почтение?» Он скажет: «Окажу почтение младшему брату». Вот тогда ты спроси его: «Где же теперь окажется твое почтение к младшему дяде?» Он (смутится и. — *В. К.*) скажет: «Это ведь по причине того, что младший брат займет такое место!» Ты тоже повтори: «Вот и я окажу почтение по причине занимаемого места. Мое неизменное почитание будет находиться на моем старшем брате, а оказываемое к случаю — на том земляке».

Мэн Цзи-цзы, услышав об этом, сказал:

— Значит, почтительность исходит не из нутра, а в действительности находится вне нас, так как почтение я оказываю и дяде, когда его почитают, и младшему брату, когда его тоже почитают.

Гун-Ду-цзы ответил:

— Горячий отвар пьют тогда, когда наступают зимние дни, а холодную воду, — когда наступают летние. Если это так, то выходит, что побуждение пить и есть тоже находится вне (нас. — В. К.)!

11.6. Гун-Ду-цзы сказал:

— Гао-цзы говорит, что у людей нет ни добрых, ни недобрых природных задатков. Некоторые говорят, что природные задатки можно сделать добрыми, а можно сделать их и недобрыми. Потому, когда возвышались такие добрые государи, как Вэнь-ван и У-ван, народ любил доброту, а когда возвышались такие жестокие правители, как Ю-ван и Ли-ван, народ любил жестокость. А еще одни утверждают, что бывают люди с добрыми природными задатками, а бывают с недобрыми, независимо от задатков правителя. Потому хотя и считают Яо достойным государем, тем не менее при нем все же появился такой негодяй, как Сян; хоть и считают Гу-Соу недостойным отцом, между тем у него был достойнейший сын Шунь; были и такие достойные мужи, как Вэйский правитель Ци и княжич Би Гань, которые считали злодея Чжоу-Синя старшим братом, причем признавали его государем.

А ныне вы проповедуете, что природные задатки людей добрые. Если так, то все другие не правы что ли?

Мэн-цзы ответил:

— Если ты уподобляешь природные задатки людей своему чувству любви, тогда сможешь сделаться добрым. Вот это и есть то, что я называю добротой. Люди делаются недобрыми не по вине своих задатков (талантов. — В. К.).

У всех людей есть сердце, которое испытывает чувства жалости и сострадания. У всех людей есть сердце, которое испытывает чувства стыда и отвращения, у всех людей есть сердце, которое испытывает чувства уважения и почтения. У всех людей есть сердце, которое испытывает чувства правды и кривды. Сердце,

испытывающее чувства жалости и сострадания, — это и есть нелицеприятность-жэнь; сердце, испытывающее чувства стыда и отращения, — это и есть справедливость-и; сердце, испытывающее чувства уважения и почтения, — это и есть учтивость-ли; сердце, испытывающее чувства правды и кривды, — это и есть разумность-чжи. Всем нам присуще обладать человечностью, справедливостью, учтивостью и разумностью, которые вовсе не впадают в наше «я» откуда-то извне; только мы не думаем об этом. Потому и говорят: «Ищи, тогда и обретешь их (добродетели. — В. К.), а бросишь, тогда и потеряешь их!»

Некоторые отличаются друг от друга вдвое или впятеро своими задатками (талантами. — В. К.), но нет числа таким, которые лишены возможности исчерпать их до конца.

В Стихах говорится:

Народов множество родило Небо,
 Чтоб правила имели владеть вещами.
 И в этой добродетели прекрасной любовь
 Они являют сосудами треножными для жертвоприношений (91).

Кун-цзы говорил: «О! Создавший этот стих знал путь истины!» (92)

Потому неизменным обыкновением народа и есть то, чтоб были правила владеть вещами, и потому-то он любит эту прекрасную добродетель!

11.7. Мэн-цзы говорил:

— В богатые годы ученики мои в большинстве предаются лени, а в лихолетье в большинстве ожесточаются. Происходит это не потому, что небо ниспослало им разные задатки. Они становятся такими от всего того, во что погрязают их сердца.

Представим себе теперь ячмень и пшеницу, семена которых высеяны и заборонованы. При одинаковой почве и при одном и том же времени посева они взойдут разом и станут расти. С наступлением дня летнего солнцестояния оба посева созреют.

Хотя и бывает порой несходство в получении урожая, это происходит или от того, что земля оказалась либо жирной, либо каменистой, или от того, что были неравномерны питание посевов от дождей и рост и уход за ними со стороны людей.

Следовательно, все, что однородно, сходно между собой.

Почему же сомневаются в этом, как только речь заходит о людях? Даже премудрые люди однородны с нами.

Мудрец Лун-цзы потому и говорил так: «Мне известно, что у того, кто, не зная размера ног, плетет соломенную обувь, не получится плетушка для носки земли».

Ведь у всех людей в Поднебесной ноги сходны, потому и соломенная обувь подобна им.

У разных людей бывают сходные вкусы к одному и тому же лакомству. У повара И Я удавались прежде всех такие лакомства, которые и теперь нам приходится по вкусу.

Если допустить, что у людей вкусы различались бы по своим природным свойствам в такой же мере, в какой неоднородны с нами лошади и собаки, то как же в таком случае все люди в Поднебесной лакомились бы теми яствами, которые были по вкусу И Я?

Значит, что касается вкусов, то вся Поднебесная сходится на лакомствах И Я, следовательно, рты у всех людей, живущих в ней, сходны между собой.

Но то же самое происходит и с ушами. Что касается звучаний, то вся Поднебесная сходится на музыканте Ши Куане, следовательно, уши у всех людей в Поднебесной сходны между собой.

Но то же самое происходит и с глазами. Что касается красоты Цзы-Ду, то в Поднебесной нет ни одного, кто не знал бы о пленительной красоте этого человека. Не знают этой красоты Цзы-Ду лишь те, у кого нет глаз.

Потому я и говорю: по отношению к вкусам у разных ртов бывают сходные смакования; по отношению к звучаниям у разных ушей бывает сходное слушание; по отношению к красоте у разных глаз бывает сходное любование.

Что же касается сердец у разных людей, то верно ли, что лишь они одни не имеют ничего такого, что было бы сходным у них?

Что же является у разных людей в такой же мере сходным для их сердец?

Это я называю истиной и справедливостью.

Премудрым людям удалось прежде всех приобрести то, чем наши сердца так сходны.

Вот почему истина и справедливость в такой же мере услаждают наши сердца, в какой вкусные овощи и свинина наши рты!

11.8. Мэн-цзы говорил:

— Деревья на Бычьей горе (Нюшань. — В. К.) когда-то были прекрасными, но из-за близости к пригороду большого владения их обрубали топорами и секирами. Можно ли было считать их (тогда. — В. К.) прекрасными?

Все, что за дни и ночи выросло на них, что увлажнялось дождями и росами, было ничем иным, как той жизнью, которая рождается из почек и побегов.

Мало того, по горе гоняли коров и овец, да еще и пасли их на ней, вследствие чего она сделалась словно вылизанная. Видя ее такой, люди начали считать, что на ней никогда не было никакого леса. А разве таковым было свойство этой горы от природы?

Взять хотя бы то, что существует в человеке. Разве в нем нет сердца, испытывающего нелюбовь и справедливость? Человек пускает на ветер свое доброе сердце (совесть. — В. К.) из-за всего того, что тоже подобно топору и секире в отношении деревьев. Можно ли считать такое сердце прекрасным, когда его обрубают словно деревья каждое утро?

Все, что за дни и ночи вырастает на них, порождает живительный дух в ранний час безмятежного утра.

Если едва уловимо все то, что сближает деревья с людьми в их любви и ненависти, тогда то, что с ними делают по утрам и днем, губит их словно канга (шейная колодка узника. — В. К.). Если на человека то и дело налагают кангу, то живительного духа, который накапливается в нем за ночь, не будет хватать для существования; а если этого духа не будет хватать для существования, то расхождение человека с диким животным и хищной пиццей не окажется далеким. Если люди, видя его таким озверелым, станут считать, что он из таких, у которых якобы никогда не было добрых задатков, то ужели именно таково и есть человеческое чувство?

Вот почему нет такого существа, которое не росло бы при надлежащем уходе, и нет такого существа, которое не погибло бы, если лишится его.

Кун-цзы говорил: «Будешь крепко держать — сохранишь, а бросишь — погибнет! Оно без времени то появляется, то исчезает. Никто не знает, куда оно стремится» (93).

Уж не о сердечном ли чувстве он говорил?

11.9. Мэн-цзы говорил:

— Не надо сомневаться, будто бы правитель (ван. — В. К.) неразумен. Возьмем хотя бы растение, которое легко произрастает в Поднебесной. Если один день пропекать его на палящем солнце, а десять дней студить на холоде (морозе. — В. К.), то не окажется ни одного такого растения, которое смогло бы расти.

Я вот тоже стал редко появляться у вана, а как только ухажу от него, так к нему подступают все те, которые остужают его. Каково же тем бутонам (почкам. — В. К.), если мне даже и удастся завязать их?

Обратимся теперь к искусству игры в шашки. Это искусство хоть и небольшое, но не удастся овладеть им, если не устремить всю свою волю и не отдать ему всем сердцем.

Шашист Цю слыл лучшим игроком во всех владениях. Допустим, что он взялся бы обучить этой игре двух учеников, один из которых только и слушал бы наставления Цю, устремляя всю свою волю и отдаваясь всем сердцем, а другой, пусть бы даже и внимал учителю, но всем сердцем думал бы о том, что вот-вот прилетят лебеди и гуси, помышляя бы, как он схватит лук, привяжет бечеву к стреле и будет стрелять в них. Пусть он хотя бы и учился вместе с тем первым учеником, ему все же не сравниться с ним по успеваемости. Спрашивается: оттого ли, что его разум не таков? На это ответчу: «Нет, не оттого!»

11.10. Мэн-цзы говорил:

— Мне хочется рыбы, хочется также и медвежью лапу, но я поступлюсь рыбой и возьму медвежью лапу, если нельзя будет получить и то и другое одновременно.

— Мне хочется жить, хочется также быть справедливым, но я поступлюсь жизнью и предпочту справедливость, если нельзя будет получить и то и другое одновременно.

— Так как мне хочется жить и хочется еще чего-то, что больше жизни, потому я не буду действовать так, чтобы как-нибудь получить это желаемое.

— Так как мне ненавистна смерть и ненавистно еще что-то больше, чем смерть, поэтому я озабочен, как бы не случилось того, чего не избежать.

— Допустим, что в желаемом всеми людьми нет большего, чем жизнь, то почему бы им не воспользоваться тем, от чего можно обрести жизнь?

— Допустим, что в ненавистном для всех людей нет большего, чем смерть, то почему бы им не делать всего, чем можно было бы избавиться от этой напасти?

— Между тем есть такие люди, которые не используют этого, тогда как они жили бы, если бы исходили из такого желания.

— Между тем есть такие люди, которые не делают этого, тогда как они могли бы избавиться от этой напасти, если бы исходили из такого желания.

— Вот почему в желаемом людьми бывает что-то большее, чем жизнь, в ненавистном людям бывает что-то большее, чем смерть.

Такие чувства не у одних только просвещенных людей, все люди имеют их. Только просвещенные в состоянии добиться того, чтобы не лишиться их!

Представь себе, что ты будешь жить, если получишь одну плетушку каши и один горшок мясного отвара, а если не получишь, то умрешь. Люди, идущие по пути истины, все же не примут еду, если им дадут ее с грубым окриком; люди, просящие милостыню, не обратят на еду никакого внимания, если ее дадут им с пинком ноги. Но если предложат им сто сотен «чжун» (мер. — В. К.) зерна, то, пожалуй, примут, не вдаваясь в правила учтивости и в справедливость.

А какова нам прибыль от этой сотни сотен «чжун» зерна?

Для придания ли красоты нашим дворцам и хоромам?

Для подношения ли подарков нашим женам и любовницам?

Для того ли, чтоб нас благодетельствовали те, кто познал нужду и нищету?

Когда-то ты никакой подачки не принимал, подвергая себя угрозе голодной смерти, а теперь принимаешь дары для придания красоты своим дворцам и хоромам.

Когда-то ты никакой подачи не принимал, подвергая себя угрозе голодной смерти, а теперь принимаешь дары для подношения подарков своим женам и любовницам.

Когда-то ты никакой подачи не принимал, подвергая себя угрозе голодной смерти, а теперь принимаешь дары для того, чтобы тебя благодетельствовали те, кто познал нужду и нищету.

Нельзя ли и с этим тоже покончить?

Все это-то и называется утратой своего основного чувства!

11.11. Мэн-цзы говорил:

— Нелицеприятность — это сердце человека, а справедливость — это путь человека. Как жаль, что люди оставляют свой путь и не соотносятся с ним; отпускают на волю свое сердце, а потом не знают, как найти его!

Имеющие кур и собак знают, как найти их, когда пускают их на волю, а есть люди, которые не знают, как искать свое сердце, когда дают ему волю.

Знания и образование являются ничем иным, как путем, ведущим к отысканию своего сердца, отпущенного на волю, вот и все!

11.12. Мэн-цзы говорил:

— Теперь представь себе, что твой безымянный палец скрючился и не разгибается. Хоть он и не причиняет никакой боли и не вредит делу, но если найдется такой врач, который сможет разогнуть этот палец, то тебе не покажется далеким путь даже из владения Цинь во владение Чу (через всю Поднебесную. — В. К.), лишь бы твой палец не отличался от пальцев всех людей. Когда у тебя палец непохож на людской, так ты знаешь, как гнушаться этого, а когда твое сердце непохоже на людское, как того гнушаться, ты не знаешь!

Вот это я и называю незнанием однородности (в умозаключении. — В. К.).

11.13. Мэн-цзы говорил:

— Всякий человек, если захочет выращивать платаны или дриандры толщиной в четверть или в половину обхвата, узнает, чем и как вырастить их такими. Что же касается себя лично, то находятся такие, которые не знают, чем и как ухаживать за собой. Да разве они любят себя не так, как платаны и дриандру?! Это же верх того, чтоб не думать о себе!

11.14. Мэн-цзы говорил:

— В отношении своего тела люди жалеют в нем все, а поскольку жалеют в нем все, значит, и ухаживают за всем, что в нем есть. Нет даже небольшого клочка кожи на своем теле, которого люди не жалели бы, значит, нет и такого клочка кожи у людей, за которым они не ухаживали бы.

Разве есть что-либо иное, чем можно было бы проверить, хорошо или плохо холят себя люди?

Да возьмите же пример с самого себя, вот и все!

В туловище человека есть и ценное, и презираемое, есть и большое (великое. — *В. К.*), и малое (ничтожное. — *В. К.*).

Не губите же в себе великое из-за малого и ценное из-за презираемого!

Подлы те люди, которые ухаживают лишь за тем, что является малым (ничтожным. — *В. К.*) в их теле; велики те люди, которые ухаживают только за тем, что является большим (великим. — *В. К.*) в них самих.

Представим себе теперь, что имеется мастер-садовод, который забросил выращивание своих дорогих платанов и дриандр и ухаживает за не представляющими никакой ценности кизилом и жужубами. В таком случае его сочтут презренным садоводом, не заслуживающим никакого уважения.

Того, кто, ухаживая за одним своим пальцем на руке, не понимал бы, что лишается плеча и спины, сочли бы тогда подобным обезумевшему волку.

Люди презирали бы человека, который только пил бы да ел. Считали бы, что он ухаживает лишь за ничтожным малым, заключенным в его теле, и этим утрачивает что в нем есть великое.

Но разве соответствует (пресловутому. — *В. К.*) клочку кожи рот и живот того человека, который хоть пьет и ест, однако ничего великого в себе не утрачивает!

11.15. Гун-Ду-цзы задал Мэн-цзы такой вопрос:

— Все мы в равной мере являемся людьми, но почему же некоторые делаются великими, а некоторые становятся ничтожными людьми?

Мэн-цзы ответил:

— Повинующиеся велениям своего великого (органа. — *В. К.*) тела делаются великими людьми, а повинующиеся велениям своего малого (органа. — *В. К.*) тела становятся ничтожными.

Гун-Ду-цзы спросил:

— Все мы в равной мере являемся людьми, но почему же некоторые повинуются великому (органу. — *В. К.*) своего тела, а другие — малому?

Мэн-цзы ответил:

— Начальник (орган. — *В. К.*), ведающий ушами и глазами, не размышляет, а заслонен от размышления всякими предметами. Когда эти предметы вступают в связь между собою, они увлекают его, вот и все.

Что касается начальника (органа. — *В. К.*), ведающего сердцем, то он размышляет. Когда размышляет, то обретает нечто, а если не размышляет, то не обретает ничего.

Если то, что даровано нам Небом, прежде всего установить на том органе, который у нас является большим (великим. — *В. К.*), тогда тот, который является малым (ничтожным. — *В. К.*), не сможет отнять этого дара.

Только так и делаются великими людьми, вот и все.

11.16. Мэн-цзы говорил:

— Почетные звания бывают от Неба (природы. — *В. К.*) и от людей. Почетные звания от Неба — это нелюбезность, справедливость, преданность, верность и неутомимое стремление к добру. Почетные звания от людей — это гун (первая степень после вана-правителя. — *В. К.*), цин (вторая степень. — *В. К.*) и дафу (третья степень. — *В. К.*).

Люди с древних времен совершенствовались в себе почетные звания, дарованные им от Неба, и почетные звания от людей сопутствовали им. Люди нынешних времен совершенствуют в себе почетные звания от Неба, только чтобы добиться почетных званий от людей.

Из заблуждений самым сильным является такое, когда человек, получив почетные звания от людей, забрасывает свои почет-

ные звания от Неба. В конце концов он сам тоже обязательно гибнет, вот и все.

11.17. Мэн-цзы говорил:

— Сходным чувством у людей является желание быть знатным, но никто не думает о том, что знатность поголовно у всех людей заложена в них самих! Та знатность, что ценится людьми, не есть врожденная знатность.

Чжао Мэн может подвергать презрению тех, кого он же сам ценит в качестве знатных.

В Стихах говорится: «Уже пьян от вина, пресыщен уже добродетелями» (94).

Речь идет о таком пресыщении чувством нелицеприятности и справедливости, при котором не просыпается никакого желания к чужим яствам, как бы они ни были жирны и сладки; речь идет о распространении такой доброй славы и широкой известности о себе, при которых не просыпается никакого желания к чужим одеждам, расшитым знаками почета.

11.18. Мэн-цзы говорил:

— Беспристрастие одолевает лицепритие так же, как вода побеждает огонь.

С нынешних времен те, кто призван совершать человечность, поступают так, словно одной чаркой воды хотят спасти от огня пылающий воз хвороста; пламя не угасает, и тогда они утверждают, что воде не одолеть огня. Этим они в еще большей мере оказывают потворство лицепритным, в конце концов они сами тоже обязательно погибнут, вот и все.

11.19. Мэн-цзы говорил:

— Прекраснейшими из всего того, что высеивается, являются пять злаков (просо, ячмень, пшеница, рис и бобы. — В. К.), но если не дать им созреть, то они окажутся хуже плевел.

Вот и непристрастие тоже зависит от того, чтобы давать ему созреть, вот и все!

11.20. Мэн-цзы говорил:

— Стрелок И, обучая людей стрельбе из лука, обязательно направлял их волю на то, чтоб натянуть лук до отказа.

Те, кто учится знанию, тоже обязательно должны напрягать свою волю до отказа.

Большой мастер, поучающий людей (учеников. — В. К.), обязательно пользуется угольником и циркулем.

Те, кто учится познанию людей, тоже обязательно должны пользоваться своеобразными угольником и циркулем.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ГАО-ЦЗЫ

Часть вторая
(16 статей)

12.1. Один из жителей местечка Жэнь обратился к Улу-цзы, ученику Мэн-цзы, с таким вопросом:

— Что важнее: учтивость или еда?

Улу-цзы ответил:

— Важнее учтивость.

Тогда тот спросил:

— А что важнее: страсть к женщине или учтивость?

Улу-цзы ответил:

— Важнее учтивость.

Тот спросил:

— Обязательно ли прибегать к учтивости, если от этого будешь голодать и умрешь с голоду, а без этого получишь еду? Обязательно ли свататься, если от этого не получишь жены, а без этого получишь?

Улу-цзы не смог ничего возразить.

На следующий день он прибыл в город Цзоу и сообщил об этом учителю Мэн-цзы.

Мэн-цзы сказал:

— Какая трудность в том, чтоб ответить на это? Если ровнять деревья по их верхушкам, не прикидывая, где залегают их корни, то деревцо в один четырехсторонний цунь (по обхвату. — В. К.) можно заставить быть выше остроконечной башни (каланти. — В. К.). Когда говорят, что золото тяжелее пера, разве имеют в виду одну золотую пряжку на поясе и целый воз перьев? Может ли не быть важнее только еда, если брать для сравнения

то, что является самым важным в еде (предотвращение смерти от голода. — В. К.) и самым легким в учтивости (поблагодарить за еду. — В. К.)? Может ли не быть важнее только страсть, если брать для сравнения то, что является самым важным в страсти (женитьба. — В. К.) и самым легким в учтивости (сватовство. — В. К.)?

Ступай и ответь ему так:

— Представь себе, что ты получишь еду, если отнимешь ее у старшего брата, но вывихнув ему руки, а не вывихнешь, то не получишь. Так будешь ли вывихивать их? Ты получишь жену, если перелезешь через ограду соседа и обнимешь его невинное дитя — дочку, а не обнимешь, то не получишь жены. Так полезешь ли ты обнимать ее?

12.2. Младший брат градоправителя в городе Цао во владении Вэй, которого звали Цао Цзяо, спросил Мэн-цзы:

— Было ли такое, что вы проповедовали, будто всякий человек может стать таким же, какими были Яо и Шунь?

Мэн-цзы ответил:

— Да, было!

Цао Цзяо сказал:

— Я, Цзяо, слышал, что Вэнь-ван был ростом в десять чи, а Чэн Тан — в девять чи. У меня теперь рост достиг уже девяти чи и четыре цуня, однако я питаюсь всего лишь грубым зерном, вот и все. Как же я должен поступить, чтобы стало возможным то, что вы проповедуете?

Мэн-цзы сказал:

— Что же в этом особенного? Поступай так, как они поступали, только и всего. Представь себе, что здесь окажется человек, который по своим силам не сможет справиться с парой цыплят. Значит, он человек, у которого нет сил. Если же он скажет: «Я поднял сто цзюнь», значит, он человек, у которого есть силы. В таком случае подними тяжесть, которую поднимал когда-то силач У-Хо, это будет означать, что ты тоже такой же силач, как У-Хо, только и всего. Разве людей печалит только то, с чем они не могут справиться? Они не делают [как надо]! Вот что должно печалить.

Почтительным называют того, кто не спеша идет позади старших, а непочтительным — того, кто торопится идти впереди старших. Разве медленно идти является тем, чего непочтительные люди не могут сделать?

Это как раз то, чего они не делают!

Путь к тому, чтоб стать таким же, как Яо и Шунь — быть почтительным к родителям и старшим, только и всего.

Если ты оденешься в такие же одежды, в которые одевался Яо, будешь повторять те же речи, которые произносил Яо, будешь совершать такие же поступки, какие совершал Яо, то будешь таким же, каким был Яо, только и всего.

Если ты оденешься в такие же одежды, в которые одевался Цзе, будешь повторять те же речи, которые произносил Цзе, будешь совершать такие же поступки, какие совершал Цзе, то и будешь таким, каким был Цзе, только и всего.

Тот воскликнул:

— Как я рад, что мне удалось свидеться с вами, добропорядочным мужем из этого города Цзоу. Можно ли мне снять помещение в подворье? Я хотел бы оставаться здесь и получать задания у ваших ворот.

Мэн-цзы ответил:

— Но ведь путь мой подобен большой дороге. Разве трудно познать его? Беда людей в том, что они не ищут его!

Ты возвращайся к себе и поищи этот путь, а наставников найдется с избытком.

12.3. Обращаясь к Мэн-цзы, Гун-Сунь Чоу сказал:

— Гао-цзы говорит, что «Сяо Пань» — это стихи о подлом человеке (95).

Мэн-цзы спросил:

— Отчего же он так говорит?

Гун-Сунь Чоу ответил:

— В них содержится обида на родителя.

Мэн-цзы воскликнул:

— Ну и нарочита же оценка стихотворства у старика Гао! Представь себе, что здесь был бы человек, в которого, натянув лук, стал стрелять чужеземец из страны Юэ. Ты бы тогда рассказы-

вал об этом с шутками и прибаутками, и в этом не было бы иной причины, кроме той, что считал бы их чужими. А если бы старший брат того человека, натянув лук, стал стрелять в него, тогда ты бы рассказывал об этом с плачем и рыданиями. В этом не было бы иной причины, кроме той, что считал бы их родными.

Обида в стихотворении «Сяо Пань» выражает родственную любовь к родителю, а это и есть нелицеприятное отношение к людям.

Да, нарочита оценка стихотворства у старика Гао!

Гун-Сунь Чоу спросил:

— Отчего же в стихах «Кай Фэн» нет обиды на родительницу? (96)

Мэн-цзы ответил:

— В стихотворении «Кай Фэн» говорится о проступке родительницы, который слишком мал, а в стихотворении «Сяо Пань» — о проступке родителя, который слишком велик.

Относиться без обиды к слишком большому проступку родителя — значит, совсем чуждаться его, а обижаться на родительницу за слишком малый проступок — значит, не хотеть преградить, подобно порожистому камню, наплыв чувства обиды.

Как отчуждение, так и несдержанность к родителям являются проявлением непочитания их.

Кун-цзы говорил так:

— Наибольшее почитание родителей было у Шуня. Ему было пятьдесят лет, а он обожал их все так же, как в детстве.

12.4. Сун Кэн собрался во владение Чу. Мэн-цзы встретился с ним в Шицю и спросил его:

— Учитель, куда вы направляетесь?

Сун Кэн ответил:

— Мне стало известно, что правители владений Цинь и Чу собираются скрестить оружие между собой. Я повидаюсь с правителем владения Чу и постараюсь уговорить его, чтоб он оставил это намерение. Если же правитель владения Чу не послушает меня, тогда я повидаюсь с правителем владения Цинь. Уж его-то уговорю так, что он откажется от своего намерения.

У меня есть что сказать обоим этим ванам при встрече с ними.

Мэн-цзы сказал:

— Я бы попросил вас, не вдаваясь в подробности, ознакомить меня с главной сутью ваших уговоров. Как вы будете убеждать их?

Тот ответил:

— Я буду говорить им о невыгодах их намерений.

Мэн-цзы ответил:

— Учитель! Что касается ваших устремлений, то они действительно велики, но призыв ваш не годится. Что, если вы, учитель, будете убеждать выгодами ванов владений Цинь и Чу и они, увлеченные этим, распустят войска всех трех родов оружия? Тогда воины, обрадованные роспуском, будут находить радость в выгодах. Все слуги государей будут служить им с мечтой о выгодах; с такой же мечтой сыновья будут служить родителям, младшие братья — своим старшим братьям, и кончится тем, что государь и слуги, отцы и сыновья, старшие и младшие братья — все удалятся от нелицеприятности и справедливости и будут относиться друг к другу, только лелея мечты о выгодах.

Но еще не бывало, чтобы такие правители не погибали бы.

Учитель! Что, если бы вы стали убеждать ванов владений Цинь и Чу основываться на нелицеприятности и справедливости и они послушались бы, распустили бы войска трех родов оружия? Тогда воины, обрадованные роспуском, будут послушны к нелицеприятности и справедливости. Все, кто занимает положение слуг у государей, будут служить им с мечтой о нелицеприятности и справедливости; с такой же мечтой сыновья будут служить родителям, а младшие братья — своим старшим братьям. Тогда государи и слуги, отцы и сыновья, старшие и младшие братья при встрече друг с другом будут изгонять выгоды и лелеять мечты о нелицеприятности и справедливости.

Еще не бывало, чтобы такие правители не становились настоящими ванами.

К чему же обязательно говорить о выгодах?

12.5. Когда Мэн-цзы проживал в городе Цзоу, некий Цзи Жэнь, являясь начальником охраны в Жэнь, вступил с ним в дружескую связь посредством денежного подарка. Мэн-цзы принял подарок, но не отблагодарил его.

Когда Мэн-цзы проживал в городе Пинлу, некий Чу-цзы, являясь советником правителя владения Ци, вступил с ним в дружескую связь посредством денежного подарка. Мэн-цзы принял подарок, но тоже не отблагодарил его.

Прошло некоторое время, и однажды Мэн-цзы направился из города Цзоу в городок Жэнь и явился на свидание к Ци Жэню. В другой раз, отправившись из города Пинлу в столицу Ци, он не посетил Чу-цзы.

Улу-цзы обрадовался и воскликнул:

— Вот когда мне, Ляню, удалось получить лазейку (чтобы поймав учителя. — В. К.).

Обратившись к Мэн-цзы, он задал ему такой вопрос:

— Учитель, вы посетили Ци-цзы в городке Жэнь, а в столице Ци не посетили Чу-цзы, по всей вероятности, потому, что он является советником правителя, не так ли?

Мэн-цзы ответил:

— Нет! Вовсе не потому. В Писаниях сказано: «Больше совершайте обрядов при подношении даров. Если обрядов будет несоизмеренно меньше подносимых предметов, то это не будет называться подношением. Только остерегайтесь, чтоб не принуждать свою волю к подношению даров» (97). Я поступил так из-за того, что последним не было совершено подобающего подношения даров.

Улу-цзы остался доволен. Кто-то спросил его об этом, и он объяснил так:

— Ци-цзы не должен был направляться в город Цзоу, где проживал Мэн-цзы, однако ради свидания с ним он сделал это; Чу-цзы следовало бы направиться в город Пинлу, а он этого не сделал.

12.6. Чунь-Юй Кунь сказал Мэн-цзы:

— Те, кто старается сделать что-либо для людей, сперва проявляют себя так, чтобы их звание отвечало существу, а те, кто желает что-либо для себя, наоборот, соответствие звания к существу проявляют после.

Вот вы, учитель, находились среди трех старших сановников-цзин, ни звания, ни существа своего вы не проявили ни к высшим, ни к низшим и покинули их.

Непременно ли должны быть таковыми те, кто нелицеприятен?

Мэн-цзы на это ответил так:

— Кто пожелал быть в (любом. — В. К.) низшем положении, лишь бы не служить непутевому правителю своей просвещенностью, был Бо И. Поступавшим пять раз на службу к правителю Тану и столько же раз к злодею Цзе был И Инь, а не питавшим отвращения к нечестному правителю и не отказавшимся от предложенной ему скромной должности был Лю-Ся Хуэй. Эти трое мудрецов шли разными путями. Но стремление у них было единое.

Чунь-Юй Кунь спросил:

— В чем же они были едины?

Мэн-цзы ответил:

— В нелицеприятности. Добропорядочные мужи тоже беспристрастны, вот и все. К чему обязательно всем походить друг на друга?

Чунь-Юй Кунь сказал:

— Когда во владении Лу правил Му-гун, делами управления ведал главный его советник Гун-И-цзы, при котором служили сановники-дафу Се Лю и Цзы-Сы. Тогда же урезывание земель владения Лу было самым значительным. Значит, такова была бесполезность этих просвещенных людей для владения!

На это Мэн-цзы ответил так:

— Правитель во владении Юй не использовал на службе Бо-Ли Си и погиб. А правитель владения Цинь, по имени Му-гун, воспользовался им и стал главой владетельных князей-ба. Выходит, что гибнут при неиспользовании просвещенных мужей. Как могло бы удасться урезывание земель в этом случае?

Тогда Чунь-Юй Кунь сказал:

— В старину, когда певец Ван Бао жил у реки Ци, все жители на западном берегу реки научились петь песни хором, а когда Мянью Цзюй поселился в Гаотане, то все жители правой (западной. — В. К.) стороны владения Ци научились петь каждый в отдельности.

Известно, что жены воинов Хуа Чжоу и Ци Ляна, погибших в сражениях, так хорошо сумели оплакивать своих мужей, что даже подействовали на изменение нравов во всем владении.

Все, что есть внутри у человека, обязательно проявляется у него внешне.

Мне, Чунь-Юй Куню, еще не приходилось видеть таких, которые занимались бы своим делом, а успехов в нем не имели бы.

Потому-то я и заключаю, что нет мудрых. Если бы таковые были, то я обязательно знал бы о них.

На это Мэн-цзы возразил так:

— Когда Кун-цзы был главным судьей во владении Лу, там перестали пользоваться его советами, он смирился и стал совершать жертвоприношения. Ему как-то раз не подали жареного мяса для жертвоприношений. Тогда он, не сняв парадного головного убора, так и отправился прочь. Те, кто не знал, в чем дело, полагали, что он ушел из-за жертвенного мяса, а те, кто знал, думали, что он поступил так из-за несоблюдения правил обряда.

Но на самом деле Кун-цзы предпочел уйти из-за малой провинности, чем удалиться просто так, ни с того ни с сего.

Разумеется, что совершает добропорядочный муж, рядовым людям остается неизвестным.

12.7. Мэн-цзы говорил:

— Те, кто был пятью ба, оказались преступниками перед своими тремя ванами-правителями.

Нынешние владетельные князья-чжухоу являются преступниками перед бывшими пятью ба, а нынешние сановники-дафу являются, в свою очередь, преступниками перед нынешними же владетельными князьями-чжухоу.

Посещение Сыном Неба владетельных князей называлось «объездной охотой», а представление владетельных князей-чжухоу Сыну Неба на его утренних приемах называлось «изложением государю отчета по службе», в котором докладывалось о том, как весной, при пахоте, они сберегали семена для пополнения запасов у тех, кому не хватило, а осенью, при жатве, сберегали урожай в помощь тем, у кого был недород.

Когда правитель, выезжая в пределы владений князей, видел, что все земли заброшены и поросли бурьяном, престарелые покинуты, просвещенные люди лишены уважения, на служебных постах находятся стяжатели и лихоимцы, тогда устраивались разно-

сы. Если такой владетельный князь в первый раз не являлся на утренний прием, его снижали в звании (ранге. — В. К.), при появлении на утренний прием во второй раз у него урезывали земельные владения, а при появлении на третий раз шесть дружин повелителя выпроваживали его из владения.

Таковы были причины, по которым Сын Неба сам в походы не ходил, между тем карал виновных, тогда как владетельные князья посылались в походы, но не были вправе карать.

Те, кто был пятью ба, опутывали одних владетельных князей, чтобы посылать их в походы против других владетельных князей. Потому я и говорю: те, кто был пятью ба, оказались преступниками перед тремя верховными ванами-правителями.

Из пяти ба самым процветающим был Хуань-гун. На сборе владетельных князей в Куйцю связали жертвенное животное и покрыли его голову письменами, но никто не облил кровью животного углы своего рта при жертвоприношении.

Первое его повеление гласило:

«Казнить всех не почитающих своих родителей;
Не менять сыновей при установлении наследования;
Не обращать наложниц в законных жен».

Второе повеление гласило:

«Оказывать почтение просвещенным людям,
Воспитывать таланты,
Дабы прославлять добродетели».

Третье повеление гласило:

«Чтить престарелых и любить малолетних,
Не забывать о внимании к гостям и странникам».

Четвертое повеление гласило:

«Среди служилых людей не должно быть наследственных чинов;

Не должно быть совместительства в казенных делах;

Брать в служилые обязательно толковых людей;

Сановников-дафу самовольно не убивать (казнить. — В. К.)».

Пятое повеление гласило:

«Не искривлять в свою пользу береговых насыпей на пограничных реках;

Не чинить препятствий в сборах зерна про запас;
 Не приобретать удельных владений без уведомления верховного правителя».

Было сказано: «Все люди, вступающие в наш союз, сразу же после клятвоприношения пусть обратят речи свои к установлению дружбы» (98).

Нынешние владетельные князья-чжухоу все нарушают эти пять заповедей. Потому я и говорю: «Нынешние владетельные князья-чжухоу являются преступниками перед теми пятью ба, их бывшими предводителями».

Вина за то зло, которое приносит превозношение достоинств государя, сравнительно мала, а вина за то зло, которое приносит предупреждение возможных погрешностей государя, очень велика.

Зло нынешних сановников-дафу в том, что все они занимают-ся предупреждением возможных погрешностей государя.

Поэтому я и говорю: «Нынешние сановники-дафу являются преступниками перед своими владетельными князьями».

12.8. Во владении Лу хотели назначить мудреца Шэнь-цзы полководцем.

Мэн-цзы сказал ему:

— Когда используют народ для войны, не обучив его, это называется губить народ. Во времена Яо и Шуня не потерпели бы такого, кто губит народ.

Нельзя этого допустить даже и в том случае, если в одном сражении ты одолел бы владение Ци и завладел бы городом Наньян.

Шэнь-цзы сразу насупился и сказал:

— Этого рассуждения я, Хуа-Ли, что-то не понимаю.

Мэн-цзы ответил:

— Я скажу тебе яснее. Землям Сына Неба положено быть по тысяче ли с каждой из четырех сторон, если не будет тысячи ли, ему не хватит доходов, чтобы обходиться с владетельными князьями. Землям владетельных князей положено быть по сто ли с каждой из четырех сторон, если не будет ста ли, то им не хватит доходов на то, чтобы хранить в порядке записи и своды уложений в храмах предков.

Владение Чжоу-гуна в Лу было в сто ли по сторонам. Земли этой, не сказать, что было недостаточно, но все же ее ограничили едва лишь в сто ли. Владение Тай-гуна в Ци тоже было в сто ли по сторонам. Земли этой, не сказать, что было недостаточно, но все же ее ограничили едва в сто ли. А теперь во владении Лу, оказывается, уже пять таких владений по сто ли.

Как ты думаешь, если бы появился настоящий ван, то владение Лу от этого потерпело бы ущерб или еще больше увеличилось бы?

Беспристрастный правитель никогда не сделал бы того, чтобы ни с того ни с сего взять у одного и дать другому, тем более, он не добивался бы этого путем убийства людей, как ты думаешь, а?

Добропорядочный муж в своем служении государю обязан вести его на должный путь и направлять его стремления к нелицеприятности, вот и все.

12.9. Мэн-цзы говорил:

— К настоящему времени все, кто служит правителю, говорят так: «Ради моего государя я в состоянии держать на запоре * все его земли и восполнить доходы его казны!»

Называемые ныне «добросовестными» такие слуги государя в древности назывались грабителями народа. Они не направляют правителя на путь истины, не пробуждают в нем стремлений воли к нелицеприятности, а добиваются обогатить его. Таким же образом обогащали и злодея Цзе.

Они говорят еще и так: «Ради моего государя я способен сопредельные владения обязать такими условиями, чтоб в случае войны с ними непременно одолеть их».

Называемые ныне «добросовестными» такие слуги государя в древности назывались губителями народа. Они не направляют правителя на путь истины, не пробуждают в нем стремления воли к беспристрастию, а добиваются ради него вести насильнические войны. Таким же образом помогали и злодею Цзе.

* В этом месте в ряде китайских изданий варьируются знаки 關 «держать на запоре» и 開 «раскрывать, расширять». Поскольку заставы приносили большие доходы феодалам, вернее, пожалуй, остановиться на первом варианте. — В. К.

Исходить из нынешнего пути и не изменять нынешних нравов — этак невозможно пробыть на троне даже одного утра, хотя бы и была предоставлена вся Поднебесная.

12.10. Бо Гуй сказал:

— Я бы хотел брать налог по $1/20$. Что вы на это скажете?

Мэн-цзы ответил:

— Путь, которым вы предполагаете идти, — это путь дикарей Мо. Как, по-вашему, можно ли допустить, чтоб во владении, в котором насчитывается сотня сотен домов, гончарным делом занимался бы только один человек?

Тот ответил:

— Нельзя: не будет хватать посуды.

Мэн-цзы сказал:

— Так вот, эти дикари Мо не разводят пять разных хлебов, а только одно просо. У них нет ни городов, ни крепостей, ни дворцов, ни домов, ни храмов предков, нет также обрядов поминания и жертвоприношений; нет у них ни владетельных князей, которым нужны шелка и ткани, ни яств для угощений и подарков; у них нет никаких чинов и управляющих. Вот почему им достаточно взимать $1/20$ дохода.

Ныне мы живем в Срединном владении. Как же мы можем допустить то, чтобы отказаться от правил соподчинения между людьми и обходиться без добропорядочных мужей?

Если нельзя управиться с государством в случае малочисленности гончаров, то, тем более, как можно обойтись без добропорядочных мужей?

Если вы пожелаете быть таким, который хочет пойти по пути более легкому, чем установленный от Яо и Шуня, то окажетесь дикарем либо большим, либо меньшим, чем дикари Мо.

Но если вы пожелаете быть таким, который хочет отягчить путь, установленный Яо и Шунем, то станете злодеем большим или меньшим, чем злодей Цзе.

12.11. Бо Гуй сказал Мэн-цзы:

— Я, Дань, управился бы с наводнением лучше, чем Юй.

Мэн-цзы ответил:

— Ты уж чересчур расхвастался! Управляясь с наводнением, Юй шел по пути, которому следует вода. Вот почему Юй превратил в стоки все четыре моря.

А ныне, если ты обратишь соседние владения в сток воды, то вода потечет вспять, и это будет называться разливом. Разлив же приводит к наводнению, то есть к тому, что противно для человека, относящегося с нелицеприятностью к людям.

Ты уж чересчур расхвастался!

12.12. Мэн-цзы говорил:

— Как будет держаться добропорядочный муж, если не окажется верным своему слову?!

12.13. Правитель владения Лу возымел желание поручить Юэ Чжэн-цзы заняться делами управления.

Мэн-цзы по этому поводу сказал:

— Узнав об этом, я так обрадовался, что не мог заснуть.

Гун-Сунь Чоу спросил Мэн-цзы:

— Силен ли Юэ Чжэн-цзы?

Мэн-цзы ответил:

— Нет.

Тот спросил:

— Обладает ли умом и разумом?

Мэн-цзы ответил:

— Нет.

Тот спросил:

— Многосведущий и образованный ли он?

Мэн-цзы ответил:

— Нет.

Тот спросил:

— В таком случае отчего вы так радуетесь, что не можете спать?

Мэн-цзы ответил:

— Он такой человек, который любит доброе.

Гун-Сунь Чоу опять спросил:

— Достаточно ли любить доброе?

На это Мэн-цзы сказал:

— Любить доброе — это значит иметь превосходство даже во всей Поднебесной. Что там говорить о владении Лу?!

Ведь если правитель любит доброе, то к нему будут приходиться со всех границ земли, омываемой четырьмя морями, считая легким путь в тысячу ли, лишь бы сообщать ему о добрых делах.

Но если правитель не любит доброго (совета. — В. К.), то люди будут говорить про него: «Ишь какой самонадеянный! Я, мол, сам все знаю». Самонадеянный голос и наружность такого правителя отринут от него добрых людей в разные стороны на тысячу ли. Когда служилые люди-ши будут отстоять от правителя на тысячу ли, тогда его обступят люди, занимающиеся клеветой и лицемерием.

Сможет ли правитель добиться исполнения желания, чтобы владение содержало в порядке, если будет жить с людьми, занимающимися клеветой и лицемерием?

12.14. Чэнь-цзы спросил Мэн-цзы:

— При каких обстоятельствах добропорядочные мужи из древних времен поступали на службу?

Мэн-цзы ответил:

— При трех условиях они поступали на службу, и при трех условиях уходили с нее.

Поступали на службу, когда добропорядочного мужа встречали с оказанием почтения, какое положено правилами учтивости, когда готовы были выполнять советы, которые добропорядочные мужи высказывали в своих речах. Уходили со службы, когда советы, высказанные ими в речах, не исполнялись, хотя проявление учтивости к ним еще не ослабевало.

Затем поступали на службу, когда встречали с оказанием почтения, какое положено правилами учтивости, хотя советов, изложенных в речах, пока не осуществляли. Уходили со службы, когда проявление учтивости ослабевало.

Наконец, последнее. Можно было также принять помощь, но только для того, чтоб не умереть, когда добропорядочный муж от недоедания по утрам и вечерам был не в состоянии выходить из ворот дома, а правитель, узнав об этом, говорил: «Мне стыдно, что мои великие сановники не в состоянии идти по пути этого добропорядочного мужа, и даже не следуют его речам, что привело его к голоданию на моей земле!» Вот и все.

12.15. Мэн-цзы говорил:

— Шунь выявил себя среди полевых канав, когда был землепашцем; Фу Юэ выдвинули на высокую должность, когда он, находясь между досками и бревнами для трамбовки, работал на строительстве; Цзяо Гэ выдвинули, когда он был среди корзин с рыбой и солью, занимаясь продажей этих продуктов; Гуань И-у был выдвинут из служилых людей-ши; Сунь-Шу Ао выдвинулся, живя в уединении на берегу моря; Бо-Ли Си был выдвинут на городском базаре.

Следовательно, перед тем как ниспослать великое назначение таким людям, Небо обязательно испытывает их сердца и волю в горестях нужды, изнуряет их жилы и кости в труде, морит их тела и кожу голодом, опустошает их в лишениях, идет наперекор им, спутывает все, что они делают. Небо тем самым еще больше увеличивает в них то, в чем они неспособны, подвигая сердца их к терпеливости.

Постоянно ошибаясь, тогда только человек может исправиться. Испытывая стеснение в сердце и преграды в размышлениях, человек тогда возбуждается и совершает ошибку; человек познает ошибку только после того, как найдет ее подтверждение в изменении окраски лица, в звучании голоса собеседников.

Владение того правителя, который, входя в свои чертоги, не находит в них ни образцовых наставников, ни смысленных помощников среди служилых-ши, а выходя из них, не предается заботам ни о внешних напастях, ни о вражеских владениях, обычно подвергается гибели.

Тогда только эти правители познают, что их жизнь заключается в заботах и печалях, а смерть — в покое и радостях.

12.16. Мэн-цзы говорил:

— И в обучении тоже много мастерства. Тот обучающий, который окажет нерадивому пренебрежение в поучениях, этим также вразумит его, вот и все.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«ВСЕМ СЕРДЦЕМ...»

Часть первая
(46 статей)

13.1. Мэн-цзы говорил:

— Кто всем сердцем отдается благим порывам, тот познает свои природные задатки, а познав свои природные задатки, сможет тогда познать и Небо (природу. — В. К.).

Служат Небу тем, что сохраняют чистоту своего сердца и ухаживают за своими природными задатками.

Утверждают веления природы тем, что совершенствуют себя, чтобы ожидать их, не раздваиваясь мыслями о преждевременной смерти или о долголетьи.

13.2. Мэн-цзы говорил:

— Нет ничего такого, что не было бы велением природы, покорно повинуйтесь всему тому, что является правильным в ней.

Из этого следует, что знающий веления природы не становится под высоченной стеной, готовой упасть.

Кто умирает, завершая свой путь к истине, тому досталось правильное веление природы, а кто умирает в колодках и кандалах, значит, тому не досталось правильного ее веления.

13.3. Мэн-цзы говорил:

— Когда искомое находится в нас самих, тогда для его получения полезны поиски, при которых искомое получают, когда его добиваются, и утрачивают, когда от него отказываются.

Когда искомое находится вне нас, тогда для его получения бесполезны поиски, для которых есть путь, ограничивающий их, и есть веление природы на получение искомого.

13.4. Мэн-цзы говорил:

— В нас заложены свойства всех живых существ.

Нет большей радости, чем быть искренним до конца, как бы выворачивая себя наизнанку.

Нет более близкого пути в поисках беспристрастности, чем действовать насильно, принуждая себя к снисходительности.

13.5. Мэн-цзы говорил:

— Много таких людей, которые не знают своего пути истины, между тем всю жизнь исходят из него; следуя по нему, они не замечают его; привыкнув, не вникают в него.

13.6. Мэн-цзы говорил:

— Людям нельзя не иметь стыда.

Будь у них стыд за отсутствие стыда — стыда бы не было.

13.7. Мэн-цзы говорил:

— Велико значение стыда для людей. Тем, кто искусен в ловких проделках, нет надобности прибегать к стыду.

Что есть похожего на человека у тех, кто не стыдится бывать непохожим на людей?

13.8. Мэн-цзы говорил:

— С древних времен просвещенные правители так любили доброту, что забывали о власти. Неужели одни только просвещенные служилые-ши с древних времен не были такими же?

Они довольствовались своим путем и забывали о власти над ними, потому стоящие над ними правители-ваны и гуны, — в тех случаях, когда не проявляли к ним почтения и не совершали положенных правил учтивости, — не должны были часто видиться с ними. А если и виделись, хотя бы и не часто, то тем более, полагалось ли относиться к ним, как к слугам?

13.9. Мэн-цзы, обращаясь к Сун Гоу-Цзяню, спросил:

— Любишь ли ты странствовать? Я расскажу тебе, как странствовать. Сохраняй всюду самодовольный вид: там, где люди признают тебя, и там, где люди не хотят знать.

Тот удивился и спросил:

— Как же сохранить такое самодовольство?

Мэн-цзы ответил:

— Чти добродетель и радуйся справедливости. Тогда сможешь сохранять самодовольство. Вот почему служилый человек-

ши в бедности пусть не теряет чувства справедливости, а в преуспеянии не отходит от пути истины.

Служилому человеку-ши удается обрести свое достоинство потому, что в бедности он не теряет чувства справедливости.

Народ не разочаровывается в нем потому, что в преуспеянии он не отходит от пути истины.

С глубокой древности повелось, что, когда людям удается добиться своих стремлений, они тогда благодетельствуют народу, а если не удастся добиться своих стремлений, совершенствуют себя и проявляют в мире свои добродетели.

Когда беден, будь добрым только к самому себе, а когда станешь преуспевать, то одновременно проявляй доброту и ко всей Поднебесной.

13.10. Мэн-цзы говорил:

— Простолюдины (обыватели. — В. К.) — это те, которые ждут появления нового Вэнь-вана, чтоб потом только воспрянуть для великих деяний. Если же говорить об удалых и смелых служилых-ши, то они, кажется, готовы воспрянуть и без появления Вэнь-вана.

13.11. Мэн-цзы говорил:

— Придайте кому-либо богатства, которыми располагают семьи Хань и Вэй. Если тот будет смотреть на себя, как на недостойного этих богатств, значит, он далеко превзойдет других людей.

13.12. Мэн-цзы говорил:

— Пошлешь на службу народ, прибегнув к пути, ведущему к его блаженству, — он не взропщет, хоть и будет тяжело трудиться. Будешь убивать народ, прибегнув к пути, ведущему его к жизни, — он не взропщет на убивающего, хоть и будет умирать.

13.13. Мэн-цзы говорил:

— У достойного ба народ весел и радостен, а у настоящего вана-правителя — так и сияет. Хоть казни его за это — он и то не взропщет; примани его выгодами — он и то не согласится на измену.

Народ с каждым днем меняется к добру, но не знает, кто же его делает таким. Между тем все, что проходит через добропорядочного мужа, под его воздействием преобразуется, а что сохраня-

ется, становится чудодейственным, верхи и низы сливаются с Небом и землей в общем потоке.

Разве скажешь, что в этом его содействие мало?

13.14. Мэн-цзы говорил:

— Речи, произносимые о нелюбви, западают в сердца людей не так глубоко, как слава о ней.

Доброта в управлении завоевывает расположение народа не так сильно, как доброта в обучении.

Народ любит доброту в обучении, а доброты в управлении опасается.

Посредством доброты в управлении приобретают богатства народа, а добротой в обучении — его сердца.

13.15. Мэн-цзы говорил:

— Врожденными способностями обладают те люди, которые оказываются способными к чему-либо без обучения, а врожденным разумом обладают те, которые познают что-либо без глубоких размышлений.

Среди детей, которых еще носят на руках, нет таких, которые не знают любви к своим родным, а когда они подрастают, нет таких, которые не знают чувства уважения к старшим братьям.

В любви к родным проявляется нелюбовь, а в уважении к старшим — справедливость.

Нет ничего лучшего, как распространить то и другое на всю Поднебесную.

13.16. Мэн-цзы говорил:

— Жилье Шуня находилось в глухих горах, он жил среди деревьев и скал, бродил с оленями и кабанями. Отличие его от диких людей, живущих в глухих горах, было едва приметным. Но когда ему доводилось услышать хотя бы одно доброе слово или увидеть хотя бы один добрый поступок, его охватывал порыв, словно стремнина прорвавшихся вод большой реки, и уж никто не смог бы противостоять ему.

13.17. Мэн-цзы говорил:

— Не делайте того, чего не следует делать; не желайте того, чего не следует желать. Будьте такими, вот и все.

13.18. Мэн-цзы говорил:

— Люди потому обладают добродетельными качествами, смекалкой, мастерством и знанием, что постоянно пребывают в невзгодах и бедах.

Сердечные думы отверженных слуг государя и сиротливых детей от наложниц опасны, как горные кручи; их заботы и горести глубоки, как бездонные пропасти.

Потому-то они и проницательны.

13.19. Мэн-цзы говорил:

— Есть люди, которые, служа правителю, напускают на себя деланную радость, лишь бы только угодить ему.

Есть слуги (чины. — В. К.) правителя, заботящиеся о покое духов земли и злаков (т. е. об отчизне. — В. К.), которые радуются, когда эти духи пребывают в покое.

Есть в народе, угодном Небу, такие, которые сперва постигают все, что может быть проведено в Поднебесной, и затем проводят это в жизнь.

Есть великие люди, которые, исправляя самих себя, исправляют все сущее вокруг себя.

13.20. Мэн-цзы говорил:

— У добропорядочного мужа есть три радости, но в них не заключается радости быть правителем Поднебесной.

Первая радость, когда живы отец и мать, когда ничего не случается со старшими и младшими братьями.

Вторая радость, когда, взирая вверх на Небо, не испытываешь угрызений совести, а смотришь вниз на людей и не стыдишься перед ними.

Третья радость, когда получаешь в ученики талантливейших людей Поднебесной, воспитываешь и обучаешь их.

У добропорядочного мужа есть три радости, но в них не заключается радости быть правителем Поднебесной.

13.21. Мэн-цзы говорил:

— Добропорядочный муж желал бы, чтоб земли владений были обширны, чтоб и народ был многочисленным. Но не в этом заключается его радость.

— Добропорядочный муж был бы рад утвердиться в самой середине Поднебесной и установить спокойствие во всем народе,

проживающем в пределах, омываемых четырьмя морями. Но не в этом заключаются его природные задатки.

В каких бы великих деяниях ни проявлял себя добропорядочный муж, от этого его природные задатки ничуть не прибавились бы. В какой бы нужде и нищете он ни жил, от этого его природные задатки ничуть не убавились бы. Все это по той причине, что природные задатки предопределены в установленной раз и навсегда доле.

Природные задатки добропорядочного мужа — это нелюбовность, справедливость, учтивость и разумность, которые коренятся в его сердце. Их жизненность проявляется в чистоте взора добропорядочного мужа на его лице, заполняет его спину, ощущается во всех конечностях. О том, как они ощущаются в конечностях, можно понять без уподоблений.

13.22. Мэн-цзы говорил:

— Бо И поселился на побережье Северного моря Бэйхай, скрываясь от злодея Чжоу-Синя. Услышав, что появился добропорядочный правитель Вэнь-ван, он возрадовался и воскликнул: «Почему бы мне не вернуться? Мне известно, что этот Западный властитель Си-бо умеет ухаживать за престарелыми».

Тай-гун поселился на побережье Восточного моря Дунхай, скрываясь от злодея Чжоу. Услышав, что появился добродетельный правитель Вэнь-ван, он возрадовался и воскликнул: «Почему бы мне не вернуться? Мне известно, что этот Западный властитель Си-бо умеет ухаживать за престарелыми».

Все нелюбовные люди считали бы Поднебесную своим убежищем, если бы в ней умели содержать престарелых.

Если бы усадьбу в пять му земли обсадить тутовниками и простые женщины разводили бы в них шелковичных червей, то этого было бы достаточно, чтобы одеть в шелка всех престарелых.

Если там завести пять куриц-несушек и двух свиноматок, причем не упускать нужного для размножения времени, то этого было бы достаточно, чтоб престарелые не были лишены мяса в пище.

Если бы простой мужчина вспахивал поле в сто му земли, то семья его в восемь едоков имела бы достаточно пищи, чтобы не испытывать голода.

Когда говорят, что Западный властитель Си-бо умел содержать престарелых, то это означает, что он упорядочил свои поля и селения, научил их жителей сажать деревья и разводить животных, наставлял жен и детей в этих селениях ухаживать за своими старцами.

Кому пятьдесят лет, тому без одежды из шелка не согреться; кому семьдесят лет, тому без пищи из мяса не насытиться. Мерзнувшими и голодающими называют тех, кто не обогрывается в шелковых одеждах и не насыщается мясной пищей.

Таких престарелых, которые мерзли бы и недоедали, в народе у Вэнь-вана не было совсем.

13.23. Мэн-цзы говорил:

— Народ можно сделать богатым, пусть только будут менять (чередовать. — В. К.) пашни и посевы, пусть будут снижены налоги и сборы. Питайте его соответственно временам года, пользуйтесь его услугами, оказывая должное уважение по правилам учтивости, тогда богатств будет столько, что не израсходовать.

Народ не живет без воды и без огня. Считается, что народ живет в полном достатке, когда в сумерки кто-либо постучится в любые ворота, попросит воды и огня и не окажется таких хозяев, кто не дал бы просимого.

Вот если Поднебесной будет править премудрый человек, он сделает так, что хлебов будет столько же, сколько на свете есть воды и огня, а когда хлебов будет столько, сколько воды и огня, как может случиться, чтоб в народе нашлись лицеприятные люди?

13.24. Мэн-цзы говорил:

— Когда Кун-цзы поднялся на вершину Восточной горы Дуншань, владение Лу показалось ему маленьким, а когда он взошел на вершину Великой горы Тайшань, тогда и вся Поднебесная показалась ему маленькой.

Вот почему тому, кто созерцал море, трудно пуститься в плаванье, а кому доводилось бывать среди учеников премудрого человека, трудно выступать с речами.

Есть способ созерцать воды: обязательно созерцайте их волны. Когда солнце и луна светят, их блеск обязательно отсвечивает в

них. Текучая вода — это такая вода, которая не двинется дальше, пока не заполнит впадин (рытвин. — В. К.).

Так и воля добропорядочного мужа относится к пути истины: она не распространится дальше, пока не примет законченный, стройный вид.

13.25. Мэн-цзы говорил:

— Те, кто встает с пением петухов и ревностно творит добро, — последователи доброго Шуня.

Те, кто встает с пением петухов и ревностно занимается стяжательством, — последователи злого Чжи (Чжэ).

Желаете знать, что разделяет Шуня и Чжэ? Не что иное, как та узкая щель, которая существует между стяжательством и доброхотством.

13.26. Мэн-цзы говорил:

— Ян-цзы берет призывом: «Все для меня!» Но для блага Поднебесной он не сделает даже того, чтоб вырвать у себя хоть один волосок. Мо-цзы учит совмещать любовь ко всем: к родным и чужим. Для блага Поднебесной он пойдет даже на то, что отдаст себя целиком с головы до пят. А мудрец Цзы-Мо держится середины. Он держится середины ради того, чтоб приблизиться к ним обоим. Но удержаться середины без безмена — это все равно, что держаться одной стороны. Противно то, что держащиеся одной стороны ради того, чтобы опорочить путь истины, приводят всего лишь одно [опровержение], а сто доводов отмечают!

13.27. Мэн-цзы говорил:

— Голодающие и жаждущие с радостью едят и пьют все, что попадется, оттого, что им не удается получать надлежащей пищи, между тем голод и жажда губят их.

Но разве голод и жажда причиняют пагубу только рту и животу человека? Они причиняют ее также и человеческому сердцу.

Если человек сможет не допустить того, что пагуба от голода и жажды послужила причиной пагубы его сердца, то пусть он не удручается, что хуже других людей!

13.28. Мэн-цзы говорил:

— Лю-Ся Хуэй не променял бы своих убеждений даже на три высших должности «гун» при верховном правителе.

13.29. Мэн-цзы говорил:

— Проявление деятельности уподобляйте, например, копанию колодца. Выкопать колодец глубиной в девять жэнь* и не достичь родника, — это все равно, что сделать ненужный колодец, который забросят.

13.30. Мэн-цзы говорил так:

— Что у Яо и Шуня было в их природных задатках, а Чэн Тан и У-ван воплощали в самих себе, то у пяти ба было напускным.

Как узнать, что напускное не есть присущее настоящему, когда оно длится долго и не обращается в истинное?

13.31. Гун-Сунь Чоу сказал:

— Когда-то И Инь говорил: «Я не потворствую непокорным» и сослал Тай-Цзя в Тун, а народ весьма возрадовался. Тай-Цзя образумился, и тогда И Инь снова вернул его. Народ опять-таки весьма возрадовался. Значит ли это, что те слуги правителя, которые являются премудрыми, во всех случаях могут ссылать своих правителей, поступающих неразумно?

Мэн-цзы ответил:

— Если они обладают таким же стремлением, какое имел И Инь, то могут. А если у них нет такого стремления, то они окажутся посягателями.

13.32. Гун-Сунь Чоу спросил Мэн-цзы:

— Отчего добропорядочный муж не пашет землю, а все же питается, тогда как есть стих, в котором говорится: «Не будь дармоедом!» (99)

Мэн-цзы ответил:

— Представь себе, что в этом владении живет добропорядочный муж. Если правитель владения использует его на службе, то обретает спокойствие, богатство, уважение и славу. Если же сыновья и младшие братья правителя последуют советам этого мужа, то между ними установятся почитание родителей, братская любовь ко всем, преданность и верность. Кто же окажется большим дар-

* Жэнь — древняя мера длины в 8 чи, что приблизительно соответствует 2,6 м. — *Примеч. пер.*

моедом: этот добропорядочный муж или тот, о котором сложен стих: «Не будь дармоедом!»?

13.33. Сын правителя Сюань-вана по имени Дянь спросил Мэн-цзы:

— Чем занимаются служилые люди-ши?

Мэн-цзы ответил:

— Служением высшим стремлениям.

Княжич спросил:

— А что называется «высшим стремлением»?

Мэн-цзы сказал:

— Нелицеприятность в отношении к людям и справедливость к ним, вот и все. Не является беспристрастием к людям, когда обезглавливают хотя бы одного невинного; не является справедливостью к людям, когда берут у них то, что себе не принадлежит.

Житье, где оно? Там, где нелицеприятие к людям. Где путь к нему? Там, где справедливость к ним. Дела великих людей будут обеспечены, если в быту будет нелицеприятность, а в начинаниях — справедливость.

13.34. Мэн-цзы говорил:

— Все люди поверили тому, что Чэнь Чжун-цзы якобы не принял предложенные ему несправедливым путем бразды правления во владении Ци. С его стороны это было проявлением такой же справедливости, как при отказе принять нечестно добытые плетущку каши и горшок мясного отвара. Между тем его отказ от родителей и родных, от должных отношений правителя и слуг, высших и низших сановников — все это является такой несправедливостью, больше которой не может быть на свете. Как можно, исходя из чего-то малого частного, верить чему-то большему общему?

13.35. Тао Ин задал Мэн-цзы такой вопрос:

— Шунь был Сыном Неба (верховным правителем. — В. К.), а Гао Яо — служилым-ши, исполняющим обязанность судьи у Сына Неба. Если бы Гу-Соу, отец Шуня, обезглавил человека, то как бы с ним поступили?

Мэн-цзы ответил:

— Его схватили бы, вот и все.

Тот спросил:

— Ну, а Шунь в таком случае не запретил бы схватить?

Мэн-цзы ответил:

— Как же удалось бы Шуню запретить это? Ведь имелось бы основание, за что его взяли (подвергли наказанию. — В. К.).

Тогда тот спросил:

— Ну, а как в таком случае поступил бы Шунь?

Мэн-цзы ответил:

— Шунь посмотрел бы на Поднебесную, словно на изношенные туфли из соломы, и бросил бы ее так же, как такие туфли. Он выкрал бы отца и, взвалив его на спину, бежал с ним, приютился бы в каком-нибудь местечке на берегу моря и забыл бы про Поднебесную до конца жизни, предаваясь радостному веселью.

13.36. Мэн-цзы прибыл из городка Фань в столицу владения Ци.

Увидев издали сына правителя Ци, он удрученно вздохнул и сказал:

— Как от питания изменяется телосложение, так и от быта меняется характер! Да! Быт — великое дело!

Неужели это не такой же сын, как и у всех других людей?

Дворцы и палаты, колесницы и кони у этого княжича во многом такие же, как и у прочих людей, но то, что он иной, — значит, быт, в котором он живет, сделал его таким. А каким бы он стал тем более, если проживал бы в просторных хоромах столицы Поднебесной!

Когда-то правитель владения Лу прибыл в столицу владения Сун и стал звать привратника у городских ворот Децзэ. Тот сказал про себя: «Это не мой государь! Но до чего же голос его походит на моего!»

Этому нет иной причины, кроме той, что у обоих правителей был сходный быт.

13.37. Мэн-цзы говорил:

— Если добропорядочного мужа только кормишь, а не жалеешь, значит, обходишься с ним, как со свиньей; если же только жалеешь, но не оказываешь ему уважения, значит, содержишь его как домашнее животное.

Уважение и почет — это то, что оказывают еще до подношения ценных подарков.

13.38. Мэн-цзы говорил:

— Осанка и облик человека заключены в небесных (природных. — В. К.) задатках его. Воспроизвести осанку премудрого человека можно только после глубоких размышлений о нем.

13.39. Сюань-ван, правитель владения Ци, возымел желание сократить срок оплакивания умерших родных.

Гун-Сунь Чоу спросил Мэн-цзы:

— Не лучше ли совсем прекратить (запретить. — В. К.) оплакивание, нежели совершать его лишь в годичный срок?

Мэн-цзы ответил:

— Это все равно, как если бы кто-либо выворачивал руку у своего старшего брата, а ты бы говорил ему: «Эй, ты, полегче, полегче!» и стал бы поучать его, как проявлять чувства братской любви, и только.

Ведь в данном случае у одного из сыновей вана-правителя умерла родная мать. А наставник сына обратился к вану с просьбой разрешить сыну провести обряд оплакивания, хотя бы на несколько месяцев*.

Гун-Сунь Чоу вновь спросил Мэн-цзы:

— Как же в таком случае следует поступить?

Мэн-цзы ответил:

— Этот сын хотел бы совершить оплакивание до конца, но ему это не положено. Продление на один день для него будет лучше, чем полное запрещение оплакивания. Я же говорил тебе про таких, которые сами не совершают этого обряда, даже без чьего-либо запрета.

13.40. Мэн-цзы говорил:

— Есть пять способов, которыми пользуется добропорядочный муж при обучении.

Есть способ, подобный благовременному дождю, преобразующему всю природу; есть способ, который создает добродетели; есть способ, который развивает способности (таланты. — В. К.); есть способ, который дает ответы на вопросы; есть способ, которым учащиеся сами воспринимают учение добра.

* По правилам, при жизни отца сыновьям было не положено носить траур по умершим матерям. — *Примеч. пер.*

Вот это и есть те пять способов, которыми пользуется добропорядочный муж при обучении.

13.41. Гун-Сунь Чоу спросил Мэн-цзы:

— Почему бы не сделать правила пути к истине сколько-нибудь доступнее? Тогда бы все изо дня в день старались постичь их. А то они так высоки и прекрасны. Их следовало бы уподобить восхождению на Небо, до того они кажутся недостижимыми.

Мэн-цзы ответил:

— Большие мастера плотницкого дела не переделывают шнура и шелка и не отказываются от них ради неискусных работников. Стрелок И не изменял ни натяжения лука, ни метки на мишени для неискусных стрелков при обучении их стрельбе. Так и добропорядочный муж натянет лук, а стрелу не спускает и замирает на выпаде. Достигнув пути истины, он стоит на нем, а кто окажется способным, тот последует ему.

13.42. Мэн-цзы говорил:

— Когда в Поднебесной есть путь к истине, то за него отдают свою жизнь, а когда в ней нет этого пути, тогда жертвуют им ради своего благополучия.

Мне еще не приходилось слышать о таких, которых обрекали бы на самопожертвование ради пути к истине.

13.43. Гун-Ду-цзы спросил Мэн-цзы:

— Почему, когда наследник правителя владения Тэн, по имени Гэн, находился у вас «в воротах» (в качестве ученика. — В. К.) и по занимаемому им положению, казалось бы, вправе был на оказание ему учтивости, вы все же не отвечали ему на его вопросы?

Мэн-цзы ответил:

— Всем, кто задает мне вопросы, кичась своей знатностью, смышленностью (умом. — В. К.), я вообще не отвечаю. Гэн из владения Тэн обладает двумя из этих пороков.

13.44. Мэн-цзы говорил:

— Кто перестает действовать, когда переставать нельзя, тот во всех случаях будет подводить людей; кто относится с презрением к тому, что почитается всеми, тот будет презрительным ко

всему. Кто рыан в своем стремлении вперед, тот будет скор в своем отступлении*.

13.45. Мэн-цзы говорил:

— Отношение добропорядочного мужа ко всем тварям выражается в жалости к ним, но без чувства нелюбимости; отношение его к народу выражается в нелюбимости, но без родственной любви.

Любите по-родственному родителей и будете нелюбимыми к народу; будьте нелюбимыми к народу и будете жалеть всех тварей.

13.46. Для тех, кто разумен, нет таких дел и вещей, которых они не познали бы, однако они спешат заняться прежде всего предстоящими делами; для тех, кто нелюбим, нет таких людей, которых они не любили бы, однако важным делом для себя они считают как можно скорей проявить чувства родственной любви к просвещенным.

Даже с таким разумом, какой бы у Яо и Шуня, им было не охватить все дела и вещи, какие только есть, и они спешили заниматься только первоочередными делами. Даже с такой нелюбимостью, какая была у Яо и Шуня, им было невозможно возлюбить всех людей, какие есть на свете, и они спешили проявить чувства родственной любви только к просвещенным.

Я называю незнанием неотложных дел, когда при трехмесячном оплакивании дальних родственников вникают во все мелочи пошивки грубой одежды из конопли для обряда, а при пятимесячном оплакивании более близкой родни придирчиво относятся к совершению всех малых деяний, положенных по обряду, равно как на больших пиршествах, с обильными возлияниями вина, придирчиво допытываясь, не было ли невежд, зубами откусывающих от целого куска сушеное мясо, между тем не находят возможным соблюдать трехгодичное оплакивание своих родителей.

* У П. С. Попова концовка не переведена.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

«ВСЕМ СЕРДЦЕМ...»

Часть вторая
(38 статей)

14.1. Мэн-цзы сказал:

— До чего же лицеприятен Хуэй-ван, правитель владения Лян! Нелицеприятный правитель распространяет свою любовь с того, кого любит, на того, кого не любит, а лицеприятный изливает свою нелюбовь даже на того, кого любит.

Гун-Сунь Чоу спросил: *

— Что вы говорите?

Мэн-цзы ответил:

— Правитель владения Лян Хуэй-ван разорил свой народ из-за земельных угодий и вступил в войну с ним. Потерпев большое поражение, он собирается вновь затеять войну, но, опасаясь, что не сможет выйти победителем, гонит на нее своих любимых сыновей и младших братьев и тем самым погубит их. Про это я и говорю: «Изливать свою нелюбовь даже на того, кого любишь».

14.2. Мэн-цзы говорил:

— В летописи «Чунь-цю» («Вёсны и осени») справедливых войн нет. О том, что одни правители добрее других, сведения есть. Поход «чжэн» — это такой поход, когда высший правитель карает низшего. Равносильные владения в походы «чжэн» против друг друга не вступают.

* В издании 1960 г. Ланьчжоуского ун-та здесь поставлен иероглиф, означающий «спрашивать». В прежних изданиях стоит обычный знак: «сказать». — *Примеч. пер.*

14.3*. Мэн-цзы говорил:

— Лучше совсем не иметь никаких писаний о деяниях правителей, чем всецело доверяться им.

В разделе «Успехи У-вана» (100) я беру на веру всего лишь несколько записей, вот и все.

В самом деле, у нелюбимого правителя нет супостата в Поднебесной. Как же могло случиться, что при походе самого нелюбимого правителя У-вана против самого лицеприятного злодея Чжоу-Синя произошло такое побоище, после которого «в потоках крови плавали древки оружия»?

14.4. Мэн-цзы говорил:

— Есть люди, которые говорят: «Я хорошо умею располагать войска в боевых порядках; я хорошо умею вести сражения!» Такие люди — великие преступники.

Пусть только правители владений полюбят нелюбимость — во всей Поднебесной им не будет супостатов.

Взроптали бы северные варвары, если походы начались бы с южной стороны; взроптали бы западные варвары, если походы начались бы с восточной стороны. Они бы говорили: «Почему это нас освобождают напоследок?» **

При походе У-вана на государство Инь у него было триста боевых колесниц и три тысячи воинов, отважных, как тигры. У-ван говорил иньцам: «Не бойтесь нас! Мы несем вам спокойствие! Мы — не враги вашим ста семействам (т. е. народу. — В. К.)!» Земные поклоны иньцев раздались тогда с таким треском, словно у скота обламывали рога.

Идя в поход против кого-либо, делайте так, чтобы речами убедить исправиться. Когда каждому захочется самому исправиться, зачем прибегать к войне? ***

* Этот раздел в книге П. С. Попова «Мэн-цзы» не выделен, вероятно, по причине технического недосмотра.

** Здесь цитируется отрывок 11-й статьи из 2-й главы, но с перестановкой, что и отражено в данном переводе некоторой синтаксической перегруппировкой. — *Примеч. пер.*

*** Перевод выполнен с максимальной приближенностью к тексту вопреки традиционным комментариям. — *Примеч. пер.*

14.5. Мэн-цзы говорил:

— Плотник или колесник может преподать людям, как обращаться с циркулем и линейкой, но заставить их сделаться искусными мастерами никак не сможет.

14.6. Мэн-цзы говорил так:

— Подсушенная каша и пища из овощей, которыми питался Шунь, казались ему едой до конца всей его жизни. Когда же он сделался Сыном Неба, ему казалось, словно у него всегда были расшитые одежды, музыкальные инструменты и две девы в услужении (т. е. жены. — В. К.).

14.7. Мэн-цзы говорил:

— Отныне и впредь я узнал, сколь тяжело убить чьих-либо родителей. Кто убьет чужого отца, у того тоже убьют отца, а кто убьет чьего-либо старшего брата, у того тоже убьют такого брата.

Если это так, то одна только (узкая. — В. К.) щелочка отделяет того, кто сам убивает своих родных, от убийцы.

14.8. Мэн-цзы говорил:

— С древних времен повелось строить заставы для защиты от насилий, а ныне, наоборот, возводят заставы, чтоб чинить насилия.

14.9. Мэн-цзы говорил:

— Кто сам не идет по пути истины, не будет проводить его и по отношению к своей жене и детям. Точно так же кто распоряжается людьми не по правилам пути истины, тот не сможет осуществить этот путь по отношению ни к своим женам, ни к детям.

14.10. Мэн-цзы говорил:

— Кто окружает себя выгодами, того не сможет убить лихолье, а кто ограждает себя нравственными добродетелями, того даже порочный век не сможет совратить.

14.11. Мэн-цзы говорил:

— Человек, дорожащий добрым именем, может поступиться большим владением, располагающим тысячью боевых колесниц. Если же этот человек не таков (т. е. тцеславен. — В. К.), на лице его проявится жадность даже к плетушке риса и к миске простой похлебки.

14.12. Мэн-цзы говорил:

— Без веры правителя в нелицеприятность и просвещенность владение его опустеет и станет дутым; при отсутствии правил учти-

вности и справедливости верхи и низы во владении придут в беспорядок; при отсутствии надлежащего управления делами не будет хватать средств на расходы.

14.13. Мэн-цзы говорил:

— Бывает, что лицеприятным правителям все же удается получить владение, но чтоб им удалось получить всю Поднебесную — этого еще пока не случалось.

14.14. Мэн-цзы говорил:

— Дороже всего народ. За ним следуют духи земли и злаков (олицетворение родины, отчизны. — В. К.), а правитель дешевле всего. По этой причине Сыном Неба становится тот, кому удастся получить расположение народа, обитающего по всем холмам; владельческими князьями-чжухоу становятся те, кому удастся снять расположение Сына Неба; сановниками-дафу становятся те, кому удастся получить благоволение владетельного князя.

Когда владетельные князья ставят духов земли и злаков на край пропасти, тогда происходят перевороты в их жизни.

Но когда происходят засухи или наводнения, несмотря на выполнение всех жертвоприношений животными, на содержание сосудов для жертвенных хлебов в чистоте, на совершение молений духам предков в положенное время, тогда происходят перевороты в самой отчизне.

14.15. Мэн-цзы говорил:

— Премудрые люди — наставники сотен поколений. Таковыми были Бо И и Лю-Ся Хуэй.

Вот почему скряги, когда внимают рассказам о Бо И, становятся бескорыстными, а трусы обретают твердость воли; бесчувственные, когда внимают рассказам о Лю-Ся Хуэе, становятся сердечными, а грубияны — любезными.

Бо И и Лю-Ся Хуэй воодушевляли сто поколений в прошлом; из тех, кто будет внимать рассказам о них в будущих ста поколениях, не найдется ни одного, кто не воспрянет духом.

Смогли бы они сделать слушающих такими, если не были бы премудрыми людьми?

Тем сильнее было их влияние на тех, кто в те времена находился в близком общении с ними!

14.16. Мэн-цзы говорил:

— Нелицеприятие — это есть то, что определяет человека. Говоря об этом в сочетании того и другого вместе, получится путь к истине.

14.17. Мэн-цзы говорил:

— Покидая родное владение Лу, Кун-цзы сказал: «Хоть бы замедлился мой отъезд!» (101) Таков путь для покидающих отчизну.

Покидая чужое владение Ци, он наскоро промыл крупу на дороге и тотчас отправился. Таков путь для покидающих чужие владения.

14.18. Мэн-цзы говорил:

— Злоключения добропорядочного мужа (Кун-цзы. — В. К.) между владениями Чэнь и Цай произошли оттого, что дружеской связи верхов и низов там не было (102).

14.19. Мо Цзи пожаловался Мэн-цзы:

— Я, Цзи, в очень большой степени не разбираюсь в красноречии.

Мэн-цзы ответил:

— Не огорчайся! Служилым людям-ши это многословие ненавистно. В Стихах говорится:

На негодование толпы подлецов
Скорбное сердце его было безмолвно (103).

Это о Кун-цзы.

Слух о нем им было никак не заглушить, —
Потому и негодование свое не излить было тоже.

Это о Вэнь-ване (104).

14.20. Мэн-цзы говорил:

— Когда-то просвещенные люди своей яркостью рассудка побуждали людей также ярко светиться, а теперь хотят побуждать к этому же со своим помраченным рассудком.

14.21. Обращаясь к Гао-цзы, Мэн-цзы сказал ему:

— Тропинки, проложенные в путях через горы, при постоянном использовании их путниками образуют дорогу, а при неис-

пользовании их даже на короткое время они зарастают бурьяном. Ныне и твое сердце зарастает бурьяном.

14.22. Гао-цзы сказал Мэн-цзы:

— Звучание музыкальных инструментов времен государя Юя было гораздо благозвучней инструментов времен государя Вэнь-вана.

Мэн-цзы спросил:

— Из чего ты заключаешь это?

Тот ответил:

— Из того, что они настолько избиты, как будто изъедены червоточиной.

Мэн-цзы спросил:

— Да разве это достаточное основание? Значит, и глубокая колея в городских воротах проложена силою лишь одной пары коней, так что ли?

14.23. Во владении Цзи случился голод.

Чэнь Чжэнь сказал Мэн-цзы:

— Все государственные люди этого владения полагают, что вы, учитель, повторите ваше свидание с князем, благодаря чему в прошлом была произведена выдача зерна из княжеских хранилищ в Тан. Боюсь только, что вы не согласитесь повторить этого!

Мэн-цзы ответил:

— Поступив так, я сделался бы подобным Фэн Фу. Среди жителей владения Цзинь был когда-то отчаянный удалец Фэн Фу, который умел ловить тигров голыми руками. Но под конец он все же сделался добрым малым в такой мере, что служилые-ши ставили его в образец всем. Но вот как-то раз в пустоши появилась толпа людей, гнавшая тигра. Тигр забился в узкое ущелье, но никто не отважился прикоснуться к нему. Завидев издали проезжавшего Фэн Фу, толпа устремила к нему и приветствовала его. Расправляя руки, Фэн Фу слез было с повозки. Толпа радовалась ему, зато те, кто был из служилых-ши, засмеяли его.

14.24. Мэн-цзы говорил:

— Природные задатки людей проявляются в отношениях рта к вкусу, глаз — к цветам, ушей — к звукам, носа — к запахам, четырех конечностей — к покою и неге. Однако добропоря-

дочный муж не называет эти отношения природными задатками, когда в них бывает проявление веления природы.

Веления природы проявляются в отношениях нелицеприятности между отцом и сыном, в отношениях справедливости между правителем-государем и его слугами, в отношениях учтивости между гостем и хозяином, в отношении разумности к просвещенным, в отношении небесного природного пути к истине к премудрым людям. Однако добропорядочный муж не называет эти отношения велениями природы, когда в них бывает проявление природных задатков.

14.25. Хао-Шэн Бу-Хай спросил Мэн-цзы:

— Что за человек Юэ Чжэн-цзы?

Мэн-цзы ответил:

— Добрый и верный человек.

Тот спросил:

— Что значит «добрый и верный»?

Мэн-цзы ответил:

— Добрым называется готовый удовлетворить чье бы то ни было желание; верным называется относящийся к другому, как к самому себе; прекрасным называется преисполненный богатыми знаниями; преисполненный богатыми знаниями, к тому же сверкающий блистательным умом называется великим; великого да еще преобразовывающего окружающих, — такого я называю премудрым; а такого премудрого, познать которого нельзя, я называю чудесным. Юэ Чжэн-цзы среди двух первых, но ниже четырех последних групп таких людей.

14.26. Мэн-цзы говорил:

— Отступники учения Мо Ди обязательно обращаются в последователей учения Ян Чжу, а отступники учения Ян Чжу обязательно обращаются в последователей учения «Жу» (готовящего нужных людей для управления. — В. К.).

Принимайте же тех, кто обращается в последователей этого учения, вот и все!

Между тем всех, кто оспаривает учения Ян Чжу и Мо Ди, ныне преследуют так, словно поросят, вырвавшихся на свободу, с которыми расправляются, даже когда те вбегают в свои загородки.

14.27. Мэн-цзы говорил:

— Подати взимаются в виде холста и шелковой пряжи, в виде кормов для скота и зерна, в виде рабочей силы и разных повинностей.

Добропорядочный муж в качестве правителя пользуется лишь одним из этих видов, а остальные два отлагает. Если он прибегнет к двум из этих, то в народе появятся умирающие с голоду, а если применит все три из них, то разлучит родителей с детьми.

14.28. Мэн-цзы говорил:

— Земля, народ и бразды правления являются тремя драгоценностями владетельных князей-чжухоу. Кто из них предпочтет им жемчуг и яшмы, того обязательно ожидает гибель.

14.29. Пэнь-Чэн Ко служил во владении Ци. Как-то раз Мэн-цзы сказал:

— Пэнь-Чэн Ко умрет!

Пэнь-Чэн Ко действительно был обезглавлен.

Ученики спросили Мэн-цзы:

— Уважаемый наставник, каким образом вы узнали, что он будет обезглавлен?

Мэн-цзы ответил:

— Он был из таких людей, которые при малых талантах все же не проявляют любознательности к великому пути добропорядочных мужей. Следовательно, одного этого уже вполне достаточно, чтобы загубить свое тело, вот и все.

14.30. Мэн-цзы прибыл во владение Тэн, и его поместили в Верхнем дворце правителя. На окне помещения были оставлены недошитые туфли. Дворцовые люди хватились их, но не нашли. Кто-то задал ему, Мэн-цзы, такой вопрос:

— Ужели таково укрывательство ваших последователей?

Мэн-цзы ответил:

— Этим самым вы считаете, что они являются ко мне, чтобы красть туфли?

Тот ответил:

— Пожалуй, что нет! Но за уходящими с ваших занятий, которые вы, учитель, здесь устроили, не следят, а приходящим на

них не отказывают в допуске. Тот, кто явился с таким умыслом, тот и взял туфли, вот и все! *

14.31. Мэн-цзы говорил:

— У всех людей есть нечто такое, чего они не переносят; привести их к тому, что они перенесли бы, — вот в чем заключается беспристрастность.

У всех людей есть нечто такое, чего они не делают; привести их к тому, что они сделали бы, — вот в чем состоит справедливость.

Если бы люди преисполнились чувством, при котором исчезает желание причинять вред другим, тогда беспристрастности было бы столько, что ее всю невозможно было бы исчерпать.

Если бы люди могли преисполниться чувством, при котором исчезают помыслы о подкопах и перелезании через чужие заборы для воровства, тогда и справедливости было бы столько, что ее невозможно было бы исчерпать всю без остатка.

Если бы люди могли набраться такой солидности, при которой стало бы неприемлемым пренебрежительное обращение «эй, ты», тогда справедливость совершалась бы всюду, куда люди ни направлялись бы.

Когда служилые люди-ши заводят речи с такими людьми, с которыми им еще нельзя их заводить, то это и является своего рода подкопом посредством речей, а когда они не ведут речей с теми, с которыми можно их вести, — это тоже является подкопом, но посредством молчания.

То и другое относится к тому же роду действий, что воровские подкопы и перелезание через чужие заборы.

14.32. Мэн-цзы говорил:

— Умеют хорошо говорить те, кто, ведя речь о близких делах, имеет в виду далекие; умеют хорошо руководить те, кто, соблюдая бережливость, проявляет нужную щедрость.

* В самом раннем комментарии этот абзац приписывается Мэн-цзы после слов: «Пожалуй, что нет». Основанием к такому предположению служит якобы близкое сходство в начертаниях иероглифа «цзы», означающего «учитель», и «юй» — местоимение первого лица. — *Примеч. пер.*

Речи, которые ведут добропорядочные мужи, хотя и «не спускаются ниже пояса» (т. е. не выходят за пределы злободневности. — В. К.), тем не менее путь истины сохраняется в них.

Бережливость, которую соблюдают добропорядочные мужи, хотя и состоит в усовершенствовании самого себя, тем не менее, если все будут поступать так, в Поднебесной воцарится спокойствие.

Недостаток у людей заключается в том, что они, «забрасывая прополку своих полей, пропалывают сорняки на чужих полях»: они придают больше значения тому, чтобы требовать чего-либо от людей, между тем легко относятся к тому, что лежит на обязанности их самих*.

14.33. Мэн-цзы говорил:

— То, что у Яо и Шуня было заложено в их природных задатках, у Чэн Тана и У-вана появилось, когда они как бы выворачивали себя наизнанку.

Предельным проявлением всей полноты добродетелей служит то, что во всех движениях, в выражении лица, в обхождении со всеми окружающими точно придерживаются правил учтивости; когда оплакивание умершего и скорбь о нем являются такими, которые не предназначаются для живых; когда постоянно соблюдают добродетели и не отступают от них, но не для того, чтобы добиваться жалованья; когда в словах и речах непременно искренни, но не для того, чтобы совершались правильные поступки.

Добропорядочный муж поступает только по законам природы в ожидании ее велений, вот и все.

14.34. Мэн-цзы говорил:

— Когда убеждаешь большого человека, то смотри на него свысока, не гляди на то, что он напускает на себя величественный вид.

Достигнув своих намерений, я не сделал бы себе палату вышиною в несколько «жэнь», с резными решетинами под крышей, с надписью в несколько «чи» над входом.

Достигнув своих намерений, я не устроил бы себе пир, на котором яства занимали бы один «чжан» по сторонам столов, а прислуживающих наложниц было бы несколько сот человек.

* У П. С. Попова пропущен в переводе последний абзац.

Достигнув своих намерений, я не сделал бы всеобщей гулянки с возлиянием вина, не поскакал бы на охоту в сопровождении тысячи колесниц.

Все, что у тех больших людей делается, я не сделал бы.

Все, что было бы у меня, — это отвечало бы установлениям древних.

Чего же мне бояться их (т. е. больших людей. — В. К.)?

14.35. Мэн-цзы говорил:

— При уходе за сердцем нет ничего лучшего, как поменьше предаваться страстям.

Мало таких людей, которые не сохранили бы сердце в чистоте, несмотря на то, что мало предавались бы страстям, но мало и таких, которые сохранили бы чистоту сердца, несмотря на то, что много предавались бы страстям.

14.36. Цзэн Си любил лакомиться мелкими жужубами, и его сыну Цзэн-цзы после смерти отца было невозможно есть их. Гун-Сунь Чоу спросил об этом Мэн-цзы, задав ему такой вопрос:

— Что вкуснее: мелко нарубленное жареное мясо или мелкие жужубы?

Мэн-цзы ответил:

— Что ты! Мелко нарубленное жареное мясо безусловно вкуснее!

Гун-Сунь Чоу спросил:

— Если это так, отчего же Цзэн-цзы позволяет себе есть мелко нарубленное жареное мясо, которое любил и его отец, а не ест мелких жужубов?

Мэн-цзы ответил:

— Мелко нарубленное жареное мясо является общим для всех лакомством, а мелкие жужубы любил только он один. Точно также избегают упоминать имя, а не фамилию покойного. Фамилия является общей для всех членов семьи, а имя принадлежит только одному покойному.

14.37. Вань Чжан задал Мэн-цзы такой вопрос:

— Находясь во владении Чэнь, Кун-цзы восклицал: «Почему бы мне не вернуться обратно? Ведь служилые люди-ши из моей округи в продвижении вперед по службе и в заимствовании при-

меров рьяны и неразборчивы, все не забывают того, какими были в начале обучения» (105). Почему Кун-цзы, находясь во владении Чэнь, думал про рьяных ши во владении Лу?

Мэн-цзы ответил:

— Кун-цзы говорил: «Не удастся мне заполучить идущих путем середины и преподать им мое учение. Вот и приходится непременно брать рьяных и сдержанных. Рьяные берут натиском, а у сдержанных есть то, чего они никогда не сделают» (106). Разве Кун-цзы не хотел брать идущих средним путем? Но ему никак не удавалось найти таких, потому он и думал про тех, кого он ставил следующими за ними.

— Осмелюсь задать вопрос: кто же были те, кого он называл рьяными?

Мэн-цзы ответил:

— Кун-цзы назвал рьяными таких, как Цинь Чжан, Цзэн Си и Му Пи.

— За что называл их рьяными?

Мэн-цзы ответил:

— За то, что они, похваляясь своими стремлениями, говорили о себе с самомнением. «Мы — от древних людей! Мы — от древних людей!» Но при беспристрастной проверке их поступков оказывалось, что таковые вовсе не совпадали с их стремлениями.

Но и рьяных не удавалось найти, и Кун-цзы желал заполучить хотя бы таких ши, которые с омерзением относились ко всякой нечистоплотности, и преподать им свое учение. Таковы были сдержанные. Их он опять же ставил следующими за теми.

Кун-цзы говорил: «Из тех, кто проходит мимо моих ворот и не заходит ко мне в дом, я не досаую лишь на сельских смиренных-ханжей. Эти смиренники — расхитители добродетельных качеств дэ» (107).

(Вань Чжан. — В. К.) спросил:

— Кто же те, кого можно назвать сельскими смиренниками?

Мэн-цзы ответил:

— Сельскими смиренниками являются те, кто по отношению к миру ведет себя подобно скопцу, заигрывающему с женщиной. Осуждая рьяных, они говорят: «К чему такое бахвальство: „Мы, мол,

от древних людей! От древних людей!“, а в своих речах они не считаются со своими поступками, в поступках же не считаются со своими речами». Про сдержанных они говорят: «Почему это они обходят стороной других людей в своих поступках и так холодны ко всем? Раз родились на этом свете, пусть для него и живут! Были бы добрыми, и ладно!»

Вань Чжан сказал:

— Во всей волости называют смиренниками таких людей, которые всюду, куда бы ни направлялись, проявляют себя как смиренники, а Кун-цзы считает их расхитителями добродетелей. Почему так?

Мэн-цзы ответил:

— Он называет их расхитителями добродетелей потому, что в кривде их никак не уличить, при укорах их никак не уязвить, они прилаживаются к низменным нравам, сливаются с миром, увязшим в грязи. В общежитии они кажутся преданными и верными, в поступках кажутся бескорыстными и чистыми. Все окружающие радуются им, и они сами считают себя (всегда. — В. К.) правыми. Но с ними нельзя вступить на путь Яо и Шуня.

Кун-цзы говорил: «Я ненавижу все кажущееся, что не является таковым в действительности, ненавижу плевелы и боюсь, как бы они не заглушили всходы; ненавижу льстецов и боюсь, как бы они не запутали справедливых; ненавижу краснобаев и боюсь, как бы они не сбили с лада настоящую музыку; ненавижу лиловый цвет и боюсь, как бы он не смешался с красным; ненавижу сельских смиренников и боюсь, как бы они не опутали добродетели» (108).

Добропорядочный муж возвращает все к своей основе, и только. Будет основа правильной, тогда и простой народ воспрянет духом, а воспрянет духом народ, не будет тогда ни лукавых, ни зловредных*.

14.38. Мэн-цзы говорил:

— От Яо и Шуня до Чэн Тана прошло более пятисот лет. Если говорить о Юе и Гао Яо, то они знали о них от очевидцев, а если говорить о Чэн Тане, то он знал о них понаслышке.

* При переводе были использованы также и примечания Ли Бин-ина из его книги: «Мэн-цзы вэнь сюань» (Пекин, 1957. С. 186—188).

От Чэн Тана до Вэнь-вана прошло (тоже. — В. К.) более пятисот лет. Если говорить об И Ине и Лай Чжу, то они знали о нем от очевидцев, а если говорить о Вэнь-ване, то он знал о них понаслышке.

От Вэнь-вана до Кун-цзы прошло (тоже. — В. К.) более пятисот лет. Если говорить о Тай-гун Ване и Сань-И Шэне, то они знали о нем от очевидцев, а если говорить о Кун-цзы, то он знал о них только понаслышке.

От Кун-цзы и до нынешнего времени прошло всего лишь немногим более ста лет. Поколения, отошедшие в прошлое от времени Кун-цзы, так еще не далеки, а места, где жил премудрый Кун-цзы, так близки! Однако, если нет никого из тех поколений, значит, нет также и никого из тех мест! *

* Как справедливо отмечает Легг, последняя фраза, заключающая книгу «Мэн-цзы», вызывает ожесточенные споры всех комментаторов. В новейшем издании 1960 г., вышедшем в Пекине, концовка дана в произвольном толковании. В данном переводе сделана попытка быть возможно ближе к тексту, принимая знак «эр» в качестве указательного местоимения, относящегося как ко времени, так и к месту. — *Примеч. пер.*

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

(Римские цифры обозначают главы, арабские — статьи)

Б

- Ба 霸 — предводители союза владетельных князей в эпоху Мэн-цзы.
III — 1, 2, 3; VI — 1; XII — 6, 7; XIII — 13, 30.
- Бай Гуй — см. Бо Гуй.
- Бай-Ли Си — см. Бо-Ли Си.
- Бао — см. Чжуан Бао.
- Би 費 — название города во владении Лу, принадлежавшего роду Цзи; он находился в 70 ли юго-западнее нын. уездного города Бисянь в пров. Шаньдун.
X — 3.
- Би Гань 比干 — один из семи просвещенных мужей, живших в конце династии Инь-Шан. По некоторым комментаторам — родной дядя тирана Чжоу-Синя. Перед ним обычно стоит слово Ван-цзы (см.), которое означает также «княжич». О его трагической кончине в народе сложены легенды (см. комментарий к переводу «Лунь юй»)
III — 1; XI — 6.
- Би'ин 畢郢 — место, где умер Вэнь-ван, в нын. пров. Шаньси в пределах уезда Чанъань.
VIII — 1.
- Бинь 邠 — название города в государстве Чжоу, который был основан правителем Лю-гуном, находился в западной части нын. уезда Сюньба или в уезде Бинь-сянь в пров. Шэньси (см. Ли Бин-ин, «Мэн-цзы и чжу», с. 34, примеч. 17; ниже: МИЧ).
II — 14, 15.
- Би Си 嬖奚 — «Любимчик Си» — фаворит Чжао Цзянь-цзы (МИЧ, примеч. 5, с. 140).
VI — 1.
- Би Чжань 畢戰 — один из сановников во владении Тэн, доверенное лицо самого правителя Вэнь-гуна в этом владении.
V — 3.
- Бо 亳 (薄) — название столицы (Чэн) Тана, основателя династии Шан, в нын. уезде Шанцю пров. Хэнань.
VI — 5; IX — 6, 7.

Бо Гуй 白圭 — по имени Дань Дань (375—290 гг. до н. э.) — уроженец центральной части государства Чжоу. Прославился тем, что вел крайне умеренный образ жизни и таким образом скопил большое состояние. Вэнь-хоу, правитель владения Вэй, подарил ему перстень с жемчугом, который ночью светился. По этому поводу Бо Гуй стал говорить людям: «Кто ночью станет ходить с этим перстнем, может не поддаться разбойникам, но запретить собакам лаять не сможет. Потому я могу обещать не подвергать обсуждению поступков вана, но не смогу запретить людям возводить хулу на него!» Его биография приводится во многих китайских источниках.

Известно, что Бо Гуй занимался делами «управления водами», а именно: возводил плотины и дамбы, рыл каналы и т. д. Одно время он был главным советником («сян») управителя владения Вэй. У Легга дана ссылка на «Сы шу то юй шо» — его основной источник, где высказывается сомнение в том, что Бо Гуй действительно является тем самым лицом, о котором упоминается в разделе «Лу чжуань», входящем в «Исторические записки» («Ши цзи»). См. также Хань Фэй-цзы, раздел «Юй лао». XII — 10, 11.

Бо И — см. И.

Бо-И 伯夷 — сын Гу-Чжу, правителя Ляо, одной из западных областей в государстве Инь-Шан (см. комментарий к переводу «Лунь юй»). III — 2, 9; VI — 10; VII — 13; X — 1; XII — 6; XIII — 22; XIV — 15.

Бо-Ли Си 百里奚 — уроженец владения Юй (см.), по прозвищу Цзин-Бо 井伯. Он жил в эпоху «Чунь-цю» (770—403 гг. до н. э.), наверное, современник Кун-цзы. В молодости был беден и бродяжничал. Поступил на службу к своему правителю и благодаря способностям добился звания сановника-дафу. Когда владение Юй было завоевано владением Цзинь, его взяли в плен и хотели обратить в раба, чтобы преподнести в дар супруге Чу-гуна, правителя владения Цзинь. Такой позор Бо-Ли Си не мог перенести и бежал во владение Чу, но там нашлись люди, которые задержали его. Узнав, что Бо-Ли Си отличается большими знаниями и весьма талантлив, правитель владения Цзинь Му-гун выкупил его за пять овчин и передал ему все дела по управлению своим владением. Бо-Ли Си семь лет занимал должность главного советника («сян»), в результате чего правитель сделался ба — предводителем союза владетельных князей во всей Поднебесной. Бо-Ли Си получил шуточное прозвище «сановника-дафу за пять овчин» — намек на выплаченный за него выкуп. Упоминается в «Записках» Сыма Цяня («Ши цзи»), раздел «Ле чжуань», статья «Шан-Цзюнь ле чжуань», в диалоге Чжао Ляна с Шан Яном. Существует и другая версия, приведенная в книге Ли Бин-ина «Мэн цзы и чжу». Бо-Ли Си бежал из владения Юй, где правителем был недостойный человек. Его поймали во владении Чу, обратили в рабство и заставили пасти коров. Правитель владения Цинь, по

имени Мю-гун, выкупил его с доставкой в свое владение и сразу же сделал своим советником. Эта версия основывается на словах текста: «Цзюй юй ши» 學於市. Я бы охотно перевел это место иначе, но о существовании невольничьего рынка в Древнем Китае не имею пока никаких других данных.
IX — 9; XII — 6, 15.

Бохай — Бохайский залив. См. Бэйхай.

Бэй-Гун Ци [И] 北宮綺 — уроженец владения Вэй, современник Мэн-цзы. По всей вероятности, владетельный князь-чжу-хоу или представитель родовой знати. В комментариях о нем даны весьма скудные сведения. У Легга дана транскрипция «Бэй-Гун И» Pei-Kung-i (см. т. 2, с. 373), которая подтверждается в книге «Сы шу ти чжу».
X — 2.

Бэй-Гун Ю 北宮勳 — знаменитый храбрец во владении Ци; по другим версиям — уроженец Вэй. Других данных о нем не найдено.
III — 2.

Бэйхай 北海 — «Северное море». Вероятно, имеется в виду нын. Желтое море к северу от полуострова Шаньдун. Возможно, также и залив Бохай.
I — 7; VII — 13; X — 1; XIII — 22.

В

Вай-Бин 外丙 — сын Чэн Тана, младший брат Тай-Дина, вступившего на престол династии Инь-Шан. Некоторые комментаторы оспаривают этот факт, несмотря на то, что он вытекает из текста.
IX — 6.

Ван Бао 王豹 — уроженец владения Вэй, певец. Некоторые считают его уроженцем владения Ци. У Легга имя транскрибировано «Р'ао» (см. инд. II, с. 513а).
XII — 6.

Ван Лян 王良 — возница у Чжао Цзянь-цзы во владении Чжао, живший в V в. до н. э. Отличался большой принципиальностью по отношению к людям.
VI — 1.

Ван Хуань 王驥 — по прозвищу Цзы-Ао, сановник-дафу в городе Гэ, во владении Ци. Он же правый наставник, т. е. советник по гражданским делам. Некоторые комментаторы предлагают название города Гэ произносить «Хэ», что, разумеется, точно установить не представляется возможным. Биографические сведения о Ван Хуане весьма скудны.
IV — 6; VIII — 27.

Ван-цзы 王子 — букв.: «сын вана». Имеется в виду княжич, имя которого не названо. Некоторые полагают, что здесь определение к последующим двум именам княжичей — Би Гань и Цзи-цзы. Эту точку зрения разделяет и Легг (см. т. 2, с. 182, примеч. 8).
III — 1.

Ван Шунь 王順 — слуга Хуэй-гуна, градоправителя города Би.

X — 3.

Вань-цзы — см. Вань Чжан.

Вань Чжан 萬章 — уроженец владения Ци, ученик Мэн-цзы. Один из предполагаемых авторов книги «Мэн-цзы».

VI — 5; IX — 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9; X — 3, 4, 6, 7, 8; XIV — 37.

«Великая клятва» — см. Тан.

VI — 5; IX — 5.

Вэй 衛 — название владения, находившегося в пределах нын. пров. Хэбэй и Хэнань (см. указатель к переводу «Лунь юй», статья «Вэй Лин-гун»).

VIII — 24, 31; IX — 8; X — 4; XII — 2.

Вэй 洧 — название реки, протекающей в пределах нын. пров. Хэнань.

VIII — 2.

Вэй 魏 — один из родов, правивших владением Цзинь во времена Кун-цзы (Конфуция). Это владение поделили между собой влиятельные роды Хань, Чжао и Вэй, причем часть владения, перешедшая к последнему, стала тоже именоваться Вэй и обозначаться этим же иероглифом. При правителе Хуэй-ване возникла угроза вторжения со стороны владения Цинь, а потому этот правитель перенес свою резиденцию на юг в Далян, у нын. города Кайфэна в пров. Хэнань, вследствие чего его владение стало называться Лян. В комментарии к переводу «Лунь-юй» даны предварительные сведения.

XIII — 11.

Вэй-цзы 微子 — один из семи мудрецов, живших в конце царствования Чжоу-Синя династии Инь-Шан. Он же старший брат этого тирана.

III — 1.

Вэй Чжун 微仲 — один из семи мудрецов (см. выше, Вэй-цзы). По некоторым данным, он был сыном Вэй-цзы, а по другим — братом его.

III — 1.

Вэнь 文 — правитель владения Цзинь 晉文公, которого звали Чун (Чжун)-Эр 重耳. Детство свое он провел среди кочевников Ди. Впоследствии достиг положения ба — предводителя союза владетельных князей-чжу-хоу.

I — 7; VIII — 21.

Вэнь-ван 文王 — (1185—1135 гг. до н. э.), известен также по прозвищу Си-бо («Западный властелин»). Настоящие фамилия и имя: Ци Чан 季昌, отец У-вана.

I — 2; II — 2; V — 1, 3; VII — 7, 13; VIII — 1, 20; XI — 6; XII — 2; XIII — 10, 22; XIV — 22, 38.

Вэнь-гун 文公 — правитель владения Тэн. Сын Дин-гуна, современник Мэн-цзы. По отзывам прежних китайских комментаторов, был одним из способных и умных правителей. Отличайте от Вэнь-гуна (Вэнь-вана), первого правителя государства Чжоу.

II — 13, 14, 15; V — 1, 3, 4.

Вэнь-У 文武 — сокращенное обозначение древних основателей и правителей государства Чжоу (1122—247 гг. до н. э.). См. Вэнь-гун (Вэнь-ван) и У-ван.

XI — 6.

Г

Гаотан 高堂 — название города во владении Ци во времена Кун-цзы. Он находился в юго-западной части нын. уезда Юйчэн пров. Шаньдун. XII — 6.

Гао-цзы 告子 — по имени Бу-хай, оратор, философ и государственный деятель времен Чжаньго (современник Мэн-цзы). Точной даты его жизни и смерти установить не удалось. Учился ораторскому искусству у Мэн-цзы и одновременно у Мо Ди (Мо-цзы). В своих рассуждениях о природе людей, т. е. о заложенных в людях задатках, он высказывался против приписывания им как добрых, так и злых начал, а потому создал особую школу, в противовес учению Мэн-цзы.

III — 2; IV — 12; XI — 1, 2, 3, 4, 6; XII — 3; XIV — 21, 22.

Гао Яо 皋陶 — один из сановников при правителе Шуне в Древнем Китае. Занимал должность главного судьи (см. указатель к переводу «Лунь-юй»).

V — 4; XIII — 35; XIV — 38.

Го 虢 — название страны, отданной Чжоуским У-ваном во владение своему младшему брату Го Чжуну. Она находилась в пределах нын. уезда Пинлу пров. Шаньси.

IX — 9.

Гоу-Цзянь 勾 (句) 踐 — правитель владения Юэ в годы Кун-цзы. Отец его, Юань-Чан, когда-то обиженный верховным правителем государства У, по имени Хэ-Люй, пошел на него в поход и погиб. Гоу-Цзянь, вступив на престол, продолжал борьбу с государством У, которым правил Фу-Цы, но был разбит в бою под горой Гунцзи, в нын. пров. Чжэцзян, и попал в окружение. Тогда советником государства У был Вэнь Чжун Фань-ли. Гоу-Цзянь десять лет вынашивал месть, еще десять лет готовился к решительному сражению и наконец в 473 г. до н. э. уничтожил ненавистного врага и покорил государство У. Затем, переправившись на северный берег реки Хуай, он собрал владетельных князей из владений Ци и Лу и, поразив их своим красноречием, убедил в необходимости платить дань.

II — 3.

Гу-Соу 瞽叟 — отец легендарного Шуня (см.), Гу-Соу — его прозвище, что означает «Слепец». По легенде, прозван был так из-за того, что, имея зрение, не мог разглядеть, где правда, где ложь.

VII — 28; IX — 2, 4; X — 6; XIII — 35.

Гуань И-у 管夷吾 (он же Гуань Чжун 管仲) — вначале Гуань И-у был слугой и соварищем Цю, молодого княжича, сына правителя владе-

ния Ци. Впоследствии между княжичем Цзю и Хуань-гуном, отпрыском влиятельного рода в том же владении, возникла острая борьба за власть. Цзю потерпел поражение и бежал во владение Лу вместе со своим слугой Гуань И-у. Хуань-гун хорошо знал, что этот слуга умен и талантлив, а потому решил переманить его на свою сторону. Он подослал к правителю владения Лу своего человека и велел ему сказать от своего имени так: «Княжич Цзю — мой брат, и ты убей его, а его слугу Гуань И-у выдай мне, чтоб я сам мог прикончить его». Правитель владения Лу так и сделал. Гуань И-у был доставлен во владение Ци как преступник, в кандалах и под конвоем стражников. Хуань-гун сразу же освободил его и назначил своим советником.

XII — 15.

Гуань Чжун (он же Гуань И-у) — см. выше, а также указатель к переводу «Лунь-юй».

III — 1; IV — 2.

Гуань Шу 管叔 — младший брат У-вана, верховного правителя государства Чжоу, старший брат Чжоу-гуна. Ему было пожаловано владение в районе Гуань, находившемся в пределах нын. уезда Чжэнсянь пров. Хэнань. Он и его брат Куй-шу были приставлены в качестве надзирателей к У-гэну, брату свергнутого Чжоу-Синя. Однако они не оправдали доверия и, больше того, способствовали мятежу против Чжоу-гуна. В 1113 г. до н. э. мятеж был подавлен и оба брата казнены.

IV — 9.

Гун-гун Дань-Фу 古公亶甫 — см. Гун Лю и Дань-Фу. Полный титул Тайвана — верховного предводителя племени Чжоу до завоевания государства Инь-Шан. Он отличался большим сластолюбием.

II — 5.

Гун-гун 共公 — название должности, учрежденной с времен древнейших правителей Яо и Шуня для наблюдения за выполнением ирригационных сооружений. Некоторые полагают, что «Гун-гун» надо понимать как собственное имя.

IX — 3.

Гун-Ду-цзы 公都子 — уроженец владения Чу, ученик Мэн-цзы, интересовавшийся «искусством спорить». Никаких подробностей о нем в современных изданиях книги «Мэн-цзы» не приводится.

IV — 5; VI — 9; VIII — 30; XI — 5, 6, 15; XIII — 43.

Гун-И-цзы 公儀子 — уроженец владения Лу, по имени Сю, по прозвищу Чжун-цзы. Был главным советником при Му-гуне во владении Лу. Ввел кодекс правил поведения для всех должностных лиц, а также запретил получающим жалованье от правителя добиваться выгод от подвластного населения.

Передают, что он очень любил лакомиться рыбой. Когда он стал главным советником во владении Лу, все купцы старались снискать его расположение, скупая рыбу и посылая ее в дар Гун-И-цзы, однако тот наотрез отказывался от подношений. Один из купцов как-то раз спросил: «Почему вы отказываетесь? Ведь вы

же любите рыбу?» — «Потому-то и не принимаю в дар рыбу, — ответил Гун-И-цзы, — что уж очень люблю ее!»
XII — 6.

Гун-Мин Гао 公明高 — ученик Цзэн-цзы, который, в свою очередь, был учеником Кун-цзы.
VI — 9; IX — 1.

Гун-Мин И 公明儀 — один из образованнейших людей во владении Лу, живший там во времена Мэн-цзы. Ученик Цзы-Чжана (см. Цинь Чжан). Ли Бин-ин считает его учеником Цзэн Шэня (см.: «Мэн-цзы вэнь сюань» 1957 г., с. 103, примеч. 20), а Легт примиряет это противоречие утверждением, что Гун-Мин И сперва учился у Цзы-Чжана, а потом стал учиться у Цзэн Шэня (Shān — по его транскрипции; т. 2, инд. II, с. 511).
V — 1; VI — 3; VIII — 24.

Гун-Сунь Чоу 公孫丑 — уроженец владения Ци, ученик Мэн-цзы. Обладал большим административным талантом. Предполагают, что он был одним из первых авторов книги «Мэн-цзы».
III — 1, 2; IV — 2, 6, 14; VI — 7; VII — 18; XII — 3, 13; XIII — 31, 32, 39, 41; XIV — 1, 36.

Гун-Сунь Янь 公孫衍 — он же Си Шоу Юань. Состоял старшим судьей при правителях владения Цинь, а именно: Хуэй-ване, Вэнь-ване. Его место захватил Чжан И, а потому он бежал к предводителю владетельных князей шести владений, где выступал в качестве активного противника Чжан И.

Ли Бин-ин отсылает к «Историческим запискам» («Ши-цзи»), а также к «Истории Ханьской династии» («Хань шу»), раздел «И вэнь чжи» (см. с. 87, примеч. 2).

VI — 2.

Гун-Хан-цзы 公行子 — сановник-дафу во владении Ци. Других данных о нем не обнаружено.
VIII — 27.

Гун Чжи-Ци 宮之奇 — один из просвещенных сановников-дафу во владении Юй во времена Кун-цзы. Когда правитель владения Цзинь, по имени Гоу-Си, просил дать проход его войскам через владение Юй для нападения на владение Го, Гун Чжи-Ци всячески убеждал его отказаться от этого намерения. Однако тот не послушался. Тогда Гун Чжи-Ци со всей родовой знатью покинул владение Юй. Когда правитель владения Цзинь занял владение Го, Гун Чжи-Ци возглавил дружины родовой знати и уничтожил захватчиков.

IX — 9.

Гун-Шу-цзы 公輸子 — по имени Бань, известен также по прозвищу Лу Бань, что означает: «Бань из владения Лу». Современник Кун-цзы. Знаменит своим плотницким и строительным мастерством. Предполагают, что он первый изобрел пожарную (выдвижную) лестницу для правителя Хуэй-вана во владении Чу, собиравшегося взять штурмом столицу владения Сун, но Мо-цзы отговорил

его от этого намерения. Подробности см. в книгах: «Чжань го цзэ», «Мэн-цзы» и др.

VII — 1.

Гунь 衰 — отец великого Юя, не справившийся с катастрофическими наводнениями и за это сосланный (или казненный).

IX — 3.

Д

Дань 丹 — см. Бо Гуй.

XII — 11.

Дань-Фу 瞿父 — имя одного из потомков рода Чжоу (см. Гун-Лю).

II — 5.

Дань-Чжу 丹朱 — сын Яо (см.).

IX — 6.

Децзэ 埗澤 — название въездных ворот в главный город владения Сун (в букв. значении: «кочки и болота»).

XIII — 36.

Ди 狄 — кочевники, обитавшие преимущественно на северных окраинах Древнего Китая (см. указатель к переводу «Лунь-юй»).

II — 11, 14, 15; V — 4; VI — 5, 9.

Дин-гун 定公 — отец Вэнь-гуна, правителя владения Тэн.

V — 2.

Дуань-Гань 段干木 — мудрец из владения Вэй, уроженец владения Цзинь. Ли Бин-ин приводит факт его бегства из дома через забор при появлении Вэнь-хоу, деда Лянского правителя Хуэй-вана, с целью пригласить его на службу ко двору правителей (с. 98, примеч. 3). У Легга часть фамилии (Гань) отнесена к имени (см. инд. II, с. 315a).

VI — 7.

Дун-Го 東郭 — родоначальник одной из ветвей семейства владетельного князя Хуаня. Был сановником-дафу во владении Ци.

IV — 2.

Дунхай 東海 — Восточное море, точного определения в комментариях нет, можно предполагать район восточного побережья нын. пров. Шаньдун. В шанхайском изд. «Мэн-цзы» 1960 г. приводятся почти все разноречивые мнения (см. с. 175, примеч. 6).

VII — 13; XIII — 22.

Дуншань 東山 — букв.: «Восточная гора», в пределах владения Лу. По одним версиям, она выше горы Тайшань.

XIII — 24.

Дянь 墊 — имя наследного сына Сюань-вана, правителя владения Ци.

XIII — 33.

Ж

Жань Ню 冉牛 — ученик Кун-цзы, он же Жань Бо-ню (см. указатель к переводу «Лунь-юй»).

III — 2.

- Жань Ю 然友 — наставник наследного сына правителя Дин-гуна во владении Тэн.
V — 2.
- Жу汝 — река, местоположение которой вызывает споры у китайских комментаторов (см. изд. «Мэн-цы» 1960 г., с. 132, примеч. 21).
V — 4.
- Жун 戎 — дикое племя, некоторые исследователи отождествляют с гуннами. В прежних комментариях китайских авторов вообще название всех западных некитайских народов и племен.
V — 4; VI — 9.
- Жэнь 任 — местечко, находившееся в пределах нын. уезда и города Цзинин пров. Шаньдун. Возможно, что во времена Мэн-цы оно было на правах маленького самостоятельного владения.
XII — 1, 5.

И

- И 羿 — знаменитый в древности стрелок из лука. Легт указывает приблизительную дату его жизни 2150 г. до н. э. (см. т. 2, инд. II, с. 511, а также указатель к переводу «Лунь-юй»)
VIII — 24; XI — 20; XIII — 41.
- И 益 — имя Бо И, служившего судьей у правителя Шуня. Он помогал Юю справиться с наводнением. Когда Юй на склоне лет, будучи правителем Поднебесной, пожелал передать ему бразды правления, Бо И скрылся и поселился у горы Цишань.
V — 4; IX — 6.
- И 夷 — общее название многих племен, обитавших на западных и восточных окраинах Древнего Китая (см. указатель к переводу «Лунь-юй»)
II — 11; V — 4; VI — 5, 9; VIII — 1.
- И Инь 伊尹 — главный советник при династии Шан у правителя (Чэн) Тана. Его считают изобретателем медных денег. Сведений о его жизни в комментариях к «Мэн-цы» найти не удалось (см. указатель к переводу «Лунь-юй»)
III — 2; IV — 2; IX — 6, 7; X — 1; XII — 6; XIII — 31; XIV — 38.
- Инь 贏 — город в южной части владения Ци, предполагают, что он находился вблизи нын. уездного города Лай'у в пров. Шаньдун. В шанхайском издании «Мэн-цы» 1960 г., очевидно, допущена типографская погрешность в примечании (см. с. 99, примеч. 2).
IV — 7.
- Инь 殷 — название древнего города, а по нему государства и династии Инь-Шан. Правитель этого государства, по имени Пань-Гэн, в 1388 г. до н. э. перенес столицу в этот город, после чего династия и стала именоваться Инь. В конце XIX в. в окрестностях города Ань'ян в пров. Хэнань производились археологические раскопки, благодаря чему было точно определено местонахождение города Инь. Там были обнаружены коллекции костей животных и панцири черепах с высеченными на них древними письменами, значительная часть которых до сих пор еще полностью не расшифрована.

III — 1; V — 3; VII — 2, 7; IX — 6; X — 4; XIV — 4.

Инь-гун Чжи-То 尹公之佗(他) — стрелок, обучавший стрельбе из лука Юй-гун Чжи-Сы, полководца во владении Вэй; в свою очередь, он сам обучался стрельбе у Цзы-Чжо Жу-цзы. Никаких биографических сведений в китайских комментариях к книге «Мэн-цзы» об этих стрелках нет. Легг считает, что «чжи», обозначаемый грамматическим знаком, вставлен для звучности и предлагает читать «Инь Гун-то». Для большей убедительности он ссылается на одно из мест в книге «Цзо Чжуань» (раздел «14-й год правления Сянгуна»), где приводится аналогичный эпизод. Действующие лица в нем названы: Юй гун-цзы (вместо «Сы») и Инь Гун-то (см.: Легг, т. 2, с. 329—330, примеч. 24). В пекинском фототипическом издании 1955 г. (т. 2, с. 1076 (арабскими цифрами)), действительно, нет «чжи», но чтения последних слогов в обоих именах указаны предположительно.

VIII — 24.

Инь Ши 尹士 — уроженец владения Ци, современник Мэн-цзы и, судя по тексту, его недруг. Биографические сведения о нем в комментариях отсутствуют. Легг отмечает расхождения в трактовке этого лица в переводах Нозля и Жюльена (см. т. 2, с. 229, примеч. 12 и далее).

IV — 12.

И-цзы 夷子 — он же И Чжи, сторонник учения альтруиста Мо Ди (Мо-цзы), выступавшего против учения Кун-цзы.

V — 5.

И Чжи 夷之 — см. И-цзы.

V — 5.

И Я 易牙 — знаменитый повар-кулинар у правителя Хуаня во владении Ци, современник Кун-цзы.

XI — 7.

К

«Кай Фэн» 凱風 — название стихотворения, вошедшего в книгу «Ши-цзин».

XII — 3.

Кан 康 — по прозвищу Фэн — младший брат правителя У-вана. Он получил наставления от имени своего племянника Чэн-вана (см.), служившие назиданием также и для всех других владетельных князей-чжу-хоу в Поднебесной. Текст этого наставления составляет раздел в книге «Шу-цзин» (Писания о деяниях древних правителей).

X — 4.

«Клятва Тана» 湯誓 — см. Тан.

I — 2.

Куан 曠 — музыкант. См. Ши Куан. У Легга он же и мудрый советник правителя владения Цзинь (т. 2, инд. II, с. 511).

Куан Чжан 匡章 — (360—290 гг. до н. э.) — уроженец владения Ци. Повздорил с отцом, и тот прогнал его из дома. Он стал учеником Мэн-цзы. Впоследствии прославился как полководец во владении Ци.

VI — 10; VIII — 30.

Куйцю 葵丘 — город, северо-восточнее нын. уездного города того же названия в пров. Хэнань. Сбор владетельных князей-чжу-хоу, о котором говорится в тексте, по предположениям китайских источников, происходил в 651 г. до н. э.

XII — 7.

Кун Цзи 孔伋 — см. Цзы-Сы.

Кун-цзы 孔子 — он же Кун-фуцзы (мудрый учитель Кун), переименован европейскими миссионерами XVI в. на латинский лад: «Конфуциус», отсюда и русское: «Конфуций». Подробно о нем см. в указателе к переводу «Лунь юй».

III — 1, 2, 3, 4, 7; V — 2, 4; VI — 1, 3, 7, 9; VII — 2, 3—7, 8, 14; VIII — 21, 22, 29; IX — 4, 6, 8; X — 1, 4, 5, 7; XI — 6, 8; XII — 3, 6; XIII — 24; XIV — 17, 19, 37, 38.

Кун Цзюй-Синь 孔距心 — см. Цзюй-Синь.

Кэ 克 — имя Юэ Чжэн-цзы (см.).

VII — 24.

Л

Лай Чжу 萊朱 — мудрый сановник и военный советник у правителя Чэн Та-на, основателя государства и династии Шан. В комментарии Чжу Си высказывается предположение, что он же именовался Лай Чжун-хуэй 萊仲飏. Считается автором назидания, адресованного изгнанному правителю Цзе.

XIV — 38.

Ланье 鄴那 — один из крупных древних городов в юго-восточной части во владении Ци, расположенный на берегу моря. Развалины его находятся в юго-восточной части нын. уезда Чжусянь в пров. Шаньдун возле горы того же названия. Знаменитая стена с высе-ченнным текстом времен Цинь ши-хуана (248—210 гг. до н. э.), повторяющим местами текст книги «Чжун Юн», во время землетрясения в 1923 г. обрушилась со скалы в пучину моря.

II — 4.

Ли (ван) 厲 (王) — (878—830 гг. до н. э.) — правитель династии Чжоу, получивший прозвание «Ли» (жестокый). Он был дедом Ю-вана, но в тексте упомянут после внука (см. шанхайское изд. «Мэн-цзы» 1960 г., с. 166, примеч. 3).

XI — 6.

Ли Лоу 離婁 — он же Ли Чжу, современник легендарного древнего правителя Хуан-Ди, имевший исключительно острое зрение (см.: Легг, т. 2, инд. II, с. 511б). Более подробные сведения о нем см. в кн. «Чжуан-цзы» в разделе «Ли и Чжу».

VII — 1.

Лин-гун 靈公 — правитель владения Вэй с 534 по 492 гг. до н. э. (см. указатель к переводу «Лунь-юй»).

X — 4.

- Линцю 靈丘 — пограничный городок во владении Ци. Точное его местоположение не установлено. Одни комментаторы утверждают, что он находился в пров. Шаньси, а другие — в пров. Шаньдун (см. шанхайское изд. «Мэн-цзы» 1960 г., с. 96, примеч. 2, а также словари «Цы юань» и «Цы-хай»).
- IV — 5.
- Лу 魯 — название владения, которое Чжоуский У-ван (1135—1120 гг. до н. э.), покоритель государства Инь-Шан, пожаловал Бо-Циню, сыну своего верного советника Чжоу-гуна, ставшего затем регентом. Бо-Цинь основал резиденцию в Цюйфу, который ныне является уездным городом в пров. Шаньдун и знаменит тем, что в нем сохраняется могила Кун-цзы и храм в честь его духа (см. указатель к переводу «Луны-юй»).
- II — 12, 16; IV — 7, 11; V — 2, 4; VIII — 21; IX — 8; X — 1, 4; XII — 6, 8, 13; XIII — 24, 36; XIV — 17, 37.
- Лун-цзы 龍子 — один из мыслителей Древнего Китая. Возможно, что он был современником Мэн-цзы. Его учение сближают с софистикой, поскольку оно строится на явных паралогизмах.
- V — 3; XI — 7.
- Лэй 濰 — река, по другим вариантам р. Та (см.).
- V — 4.
- Лю-гун 劉公 — правнук Хоу Цзи — легендарного основателя рода Чжоу. Когда династия Ся пришла в упадок, сыновья Хоу Цзи бежали к племенам Жун и Ди и оставались у них до появления на свет Гун-Лю. Известно, что всю свою молодость Гун-Лю посвятил подготовке к восстановлению былой славы своего рода. Он перенес свое местожительство из города Тай в город Бинь, где и приступил к осуществлению своего намерения. Он известен по прозвищу Гун-гун, а также под именем Дань-Фу. В потомстве его величали «Великий ван» (Тай-ван).
- II — 5.
- Лю-Ся Хуэй 柳下惠 — прозвище одного из достойных людей древности. Его настоящая фамилия была Чжань, а имя Цинь, ученое прозвание — Цзи. Свое прозвище он получил посмертно от жены, которая признала его самым милосердным, Хуэй, а Лю-Ся букв. означает: «Под плакучей ивой» — метафорический эпитет. Он занимал должность сановника-дафу во владении Лу при правителях Си-гуне и Вэнь-гуне. Был современником Кун-цзы (см. Ли Бинин, с. 138, примеч. 8).
- III — 9; X — 1; XII — 6; XIII — 28; XIV — 15.
- Лян 梁 — название владения. Бывшее Вэй. В период «Воюющих княжеств» (т. е. во времена Мэн-цзы) владение Лян занимало всю северную часть нын. пров. Хэнань, а также юго-западную часть пров. Шаньси. Впоследствии оно было уничтожено владением Цинь (в 225 г. до н. э.).
- I — 1, 2, 3, 4, 5, 6; XIV — 1.
- Ляншань 梁山 — название горы в пределах нын. пров. Шэньси между двумя уездами: Гэ'ян и Ханьчэн.
- II — 15.

Лянь 連 — см. У-Лу-цзы.
XII — 5.

М

Мань 蠻 — общее название всех некитайских племен, аборигенов южной части страны, от реки Янцзы. В китайских комментариях к книге «Мэн-цзы» точных указаний нет.
V — 4.

Ми-Цзы 彌子 — он же Ми-Цзы Ся, сановник при Лин-гуне, правителе владения Вэй. Считался его фаворитом. Впоследствии провинился и был с позором изгнан. Это событие произошло в V в. до н. э. По другим версиям, он был одним из самых красивых людей своего времени и пленил красотой правителя владения Вэй.
IX — 8.

Минтяо 鳴條 — название места, где умер Шунь (см. Му-гун).
VIII — 1.

Минь-цзы 閔子 — один из учеников Кун-цзы, почитается как образец достойного сына. По преданию, в детстве его обижала мачеха. Одевая своих родных детей в парчовые одежды, она заставляла пасынка даже зимой ходить в рубище. Когда отец узнал об этом, он собрался было выгнать жену, но Минь-цзы заступился за нее, сказав: «Лучше пусть один сын страдает от холода, чем всех детей оставить без матери». С тех пор отношение к нему со стороны мачехи изменилось настолько, что она очень полюбила его (см. указатель к переводу «Лунь-юй»).
III — 2.

Мо 貉 — общее название страны, в которой жили северные кочевые племена И и Ди.
XII — 10.

Мо 墨 — см. Мо Ди или Мо-цзы.

Мо Ди 墨翟 — (480—390 гг. до н. э.) — уроженец владения Лу, современник Мэн-цзы. Был странствующим проповедником и побывал во многих владениях государства Чжоу. Одно время был на службе во владении Сун и получил звание сановника-дафу. В своем учении проповедовал одинаковую любовь ко всем окружающим людям и умеренный образ жизни. Снискал большие симпатии и имел огромное количество последователей. Его школа пользовалась такой же славой, как и школа «Жу» («нужных людей», конфуцианцев). Есть книга «Мо-цзы», в которой последователи учения Мо Ди излагают альтруистические высказывания своего наставника.
VI — 9; XIV — 26.

Мо Цзи 貉稽 — один из служилых людей, занимавшийся ораторским искусством. Сведения о нем в комментариях к книге «Мэн-цзы» отсутствуют.
XIV — 19.

- Мо-цзы 墨子 — см. Мо Ди.
V — 5; XIII — 26.
- Му-гун 牧宮 — дворец иньского правителя Чжоу-Синя, находившийся в Минтяо. Этот древний город находился севернее нын. уездного города Ань'и в пров. Шаньси. По некоторым данным, приводимым в шанхайском издании «Мэн-цзы» 1960 г., дворец «Му-гун» представлял собой храм, построенный в честь (Чэн) Тана — основателя государства Инь-Шан (см. т. 1, с. 27, примеч. 10).
IX — 7.
- Му-гун 穆公 — (659—620? гг. до н. э.) — правитель владения Цинь, по имени Жэнь, младший брат владетельного князя Чэнь-гуна. Он привлекал к себе в качестве советников людей мудрых и просвещенных, таких как Бо-Ли Си и др. Снискал расположение у западных племен Жун, что позволило ему обеспечить мир на границах.
IX — 9; XII — 6.
- Му (Мю)-гун 繆公 — (415—383 или 382? гг. до н. э.) — градоправитель в городе Цзоу, расположенном во владении Лу; один из комментаторов, ссылаясь на древнего ученого Цзя И, утверждает, что Му-гун выполнял советы Мэн-цзы по управлению своим владением (см. шанхайское изд. «Мэн-цзы» 1960 г., т. 1, с. 48, примеч. 2). Отличайте от Му-гуна — правителя во владении Цинь.
II — 12; IV — 11; X — 6, 7; XII — 6.
- Му Пи 牧皮 — ученик Кун-цзы, отличавшийся большим честолюбием и пылкостью характера. Современный китайский ученый Ма Сюй-лунь допускает возможность отождествления его с Мэн Чжи-Фанем, о котором идет речь в книге «Лунь юй» (см. указатель и перевод, гл. 6, с. 15).
XIV — 37.
- Му Чжун 牧仲 — друг Мэн Сянь-цзы (см.); судя по контексту, их дружба зиждилась на общности профессии. Биографических сведений о нем найти не удалось.
X — 3.
- Мэн Бэнь 孟賁 — уроженец владения Вэй. Прославился своей отвагой.
III — 2.
- Мэн Кэ 孟軻 — см. Мэн-цзы.
II — 16.
- Мэн Сянь-цзы 孟獻子 — сановник-дафу во владении Лу. Один из комментаторов (Цзяо Сюнь) утверждает, что Мэн Сянь-цзы входил в число пяти знаменитых «доу чэнь», т. е. спорщиков при дворе, на обязанностях которых было оспаривать советы и мнения песторонних советчиков правителя. В этой связи можно думать, что речь идет не о «семьях», как буквально сказано в тексте, а о «школах» (ораторского искусства), прибегающих к разным приемам риторики при диспутах.
X — 3.
- Мэн-цзы 孟子 — один из мудрецов Древнего Китая, считающийся вторым после Кун-цзы (Конфуция); потомок правителей владения Лу из

родовых семей Мэн и Сунь, постоянно проживавших в городе Цзоу (нын. уезд Цзоусянь в пров. Шаньдун), а потому самого Мэн-цы порой иносказательно называли «добропорядочный муж из Цзоу, подобно тому, как в Древней Греции Аристотеля именовали «доблестный муж из Стагиры». Даты рождения и смерти Мэн-цы в какой-то мере позволяют считать его современником Платона, Аристотеля, Зенона, Эпикура, Демосфена и Александра Македонского. В европейском Китаеведении годом рождения Мэн-цы принято считать 372 г. до н. э., а 289 г. до н. э. — годом его смерти (см.: Легт, т. 2, с. 16). Биографические сведения о жизни и деятельности Мэн-цы весьма скудны. Ниже приводятся в суммарном виде хронологические данные Жэнь Чжао-линя, жившего в середине XVIII в., из его книги, переизданной в Пекине в 1887 г.¹

В четвертом году правления Чжоуского правителя Ле-вана (372 г. до н. э.) во владении Цзоу родился Мэн-цы. Ссылаясь на Ван Цзы-ина, автора книги «Шэнчжэн лунь», и Фу Сю-и, мало известного в Китаеведении, Жэнь Чжао-линь предлагает считать установленным, что имя Мэн-цы было Кэ, а прозвище Цзы-Цзюй, причем последний слог встречается в разных иероглифических написаниях: 車, 輿, 居. В шестом году правления Ле-вана (369 г. до н. э.) умер отец Мэн-цы. Заботу о воспитании и обучении сына взяла на себя мать, из рода Чжан. О ней и ее педагогических талантах существуют народные сказания и легенды, приводимые в книге «Ле нянь чжуань», принадлежавшей кисти Лю Сяна, современника императора Чэн-ди Ханьской династии (32—7 гг. до н. э.). В европейской синологии принято отмечать три эпизода, связанных с воспитанием маленького Мэн-цы.

1. Овдовев, когда Мэн-цы было еще только три года, мать трижды меняла местожительство, опасаясь вредного влияния окружающей среды на развитие духовных качеств ребенка. Сначала она жила по соседству с кладбищем, где был похоронен отец (?). Вскоре она заметила, что мальчик стал устраивать игры в похоронные обряды. Тогда она переселилась в другое место — по соседству с базаром. Впечатлительный мальчик начал играть в торговлю, имитируя неблаговидные базарные сцены. Мать поспешила переселиться в дом, находившийся рядом со школой, это оказало самое благотворное влияние на Мэн-цы, и он приохотился к учению.

2. Когда Мэн-цы подрос и стал посещать школу, он однажды пришел домой с занятий и заявил матери, что ему надоело учиться. Тогда мать взяла топор и перерубила им кросны на своем ткацком станке, служившем единственным источником для добывания средств к существованию. Она убедительно объяснила сыну свой резкий поступок на примере его нежелания учиться, и

¹ «Мэн-цы ши-ши люэ», изд. в годы «Гуан-сюй», Динхай нянь (1887). 任兆麟著《孟子時事略》.

это так подействовало на мальчика, что он искренне раскаялся в своей лени и дал слово овладеть знаниями.

3. Как-то раз Мэн-цзы спросил свою мать, почему мясник, живший неподалеку, забивает свиней. Мать ответила: «Для того, чтоб ты ел мясо!» Но она сразу же поймала себя на том, что обманывает сына. «Как же так? — подумала она. — Когда еще сын находился во чреве, я тщательно соблюдала все правила, предписываемые для добропорядочного мужа, в надежде, что они передадутся ему со дня появления на свет. Я не садилась на циновку, посланную неровно, не ела мяса, нарезанного как попало. А сейчас, когда у мальчика уже проснулось сознание, я начинаю обманывать его!» Она тут же купила у мясника кусок свинины.

Эта сцена запечатлена на красочной репродукции, помещенной в «Китайской хрестоматии»².

В предисловии к тексту «Мэн-цзы», которое помещено в книге «Сы шу цзин чжу цзи чжэн», приводятся еще два случая из жизни Мэн-цзы, но уже в более зрелом возрасте.

Однажды Мэн-цзы вошел днем во внутренние покои своего дома и застал жену в непристойной позе. Возмущенный до глубины души этим зрелищем, Мэн-цзы пожаловался матери и готов был развестись с женой. Мать урезонила сына такими словами: «Повел себя непристойно ты сам, а не твоя жена, так как вошел к ней без предупреждения, не опустив глаза вниз, как предписано правилами добропорядочного поведения!» Мэн-цзы устыдился.

Когда мать Мэн-цзы уже состарилась, она один раз заметила, что сын чем-то очень озабочен и не находит себе места. Она стала спрашивать его, и он признался ей, что его мучает, как поступить в создавшемся у него положении. Его учение не находит сторонников, и ему нелегко оставаться среди клеветников и завистников, но уехать он не может, так как не решается покинуть ее. Мать ответила так: «Женщине положено быть послушной в трех случаях ее существования: до замужества она должна слушаться своих родителей, во время замужества она должна слушаться мужа, а если овдовев, то должна слушаться взрослого сына. Ты же самостоятельный и знаешь, как надо поступать по справедливости, так и поступай, а я буду исполнять положенные правила для женщин!»

Продолжим, однако, хронологию по Жэнь Чжао-линю.

В одиннадцатом году правления нового правителя, Сянь-вана (358 г. до н. э.), Мэн-цзы отправился в столицу владения Лу для продолжения образования. По свидетельству автора книги «Шэн мэн чжи», в этом году Мэн-цзы уже было пятнадцать лет. (Необходимо учесть, что при исчислении возраста в Китае принимают в расчет и утробный период.)

² «Китайская хрестоматия» под общей редакцией акад. Н. И. Конрада (М., 1959, т. 1, с. 106).

В тридцать пятом году правления того же вана (334 г. до н. э.) Мэн-цзы решил принять участие во всенародных состязаниях ораторов, периодически устраивавшихся во владении Ци. Сведения об этих состязаниях приводятся в «Записках» Сы-Ма Цяня («Ши цзи», раздел «Тянь Цзин Чжун Ван шицзя»), у Лю Сяна, в его «Бе лу» и др. Выдержав все испытания, Мэн-цзы стал советником правителя владения Ци. В том же году он перевез свою мать во владение Ци и поместил ее в доме, выстроенном в городе Пинлу.

В сорок четвертом году правления того же вана (325 г. до н. э.) Мэн-цзы покинул столицу владения Ци и поселился в городе Пинлу вместе с престарелой матерью.

В сорок восьмом году правления того же вана (321 г. до н. э.) Мэн-цзы отправился во владение Вэй.

Во втором году правления следующего вана, Шэнь-Цзина (319 г. до н. э.), Мэн-цзы покинул владение Вэй в связи со смертью правителя этого владения Вэй-хоу Ина. Полагают, что он направился во владение Сун.

В третьем году правления Шэнь-Цзин-вана (318 г. до н. э.) умерла мать Мэн-цзы. Он успел прибыть к ее кончине и перевез ее останки на родину во владение Лу. Завершив похоронный обряд, Мэн-цзы вернулся во владение Ци.

В третьем году правления нового правителя, Нань-вана (312 г. до н. э.), Мэн-цзы покинул владение Ци и отстранился от дел. Точного местонахождения Мэн-цзы в существующих комментариях не приводится. Жэнь Чжао-линь полагает, что Мэн-цзы вернулся на родину в город Лу, где пытался поступить на службу к правителю владения, но не был принят, зато правитель небольшого владения Тэн принял Мэн-цзы с большими почестями. Существует предположение, что Мэн-цзы отказался от службы во владении Тэн, поселился в родном городе Цзоу, где начал излагать учение Кун-цзы. Там же он писал со своими учениками предисловия к книгам Стихов и Деяний (Писаний о древних правителях) и приступил к составлению своей книги в семи частях. Возможно, что к ней были приложены еще 4 части. Книга «Мэн-цзы» в 11-ти частях не сохранилась в потомстве (см. об этом в «Исторических записках» Сы-Ма Цяня, раздел «Мэн Сюнь Лечжуань»).

В двадцать четвертом году правления Нань-вана (291 г. до н. э.) Мэн-цзы заболел и умер. Эту дату оспаривают многие комментаторы. В европейском китаеведении годом смерти Мэн-цзы принято считать 289 г. до н. э.

В шанхайском издании «Мэн-цзы и чжу» 1960 г. приводятся новые для науки даты, а именно: 385 г. до н. э. — для рождения и 304 г. до н. э. — для смерти³. В обоснованиях приводятся сочи-

³ В книге Ян Юн-го «История древнекитайский идеологии» (М., Инлитиздат, 1957) приводятся: 389 г. до н. э. — дата рождения и 305 г. до н. э. — дата смерти (с. 169 кит. издания).

нения Чжоу Гуан-е («Мэн-цзы чу-чу ши-ди као»), Вэй Юаня («Гу вэй-тан вай цзи», раздел «Мэн-цзы нянь бяо»), а также Сун Сяньфэна в сборнике «Го пао лу», статья («Мэн-цзы шици као»). Аргументация в этих источниках мало чем отличается от цитированного выше Жэнь Чжао-линя. Заслуживает похвалы подборка биографических сведений, составленная авторами шанхайского издания «Мэн-цзы», входящими в коллектив преподавателей китайской литературы Ланьчжоуского университета. Уместно привести ее хотя бы и в самом сжатом виде.

Мэн-цзы не учился ни у внука Кун-цзы, ни у кого-либо из его учеников. Его можно назвать самоучкой (см. гл. 8, ст. 22).

Мэн-цзы впервые прибыл во владение Ци, когда там правил Вэй-ван. Куан Чжан еще был тогда не в чести, тем не менее Мэн-цзы отнесся к нему с высоким уважением (см. гл. 8, ст. 30).

Несмотря на высокое жалование, Мэн-цзы не остался во владении Ци (см. гл. 4, ст. 3).

Правитель владения Сун, объявивший себя ваном, по имени Янь, возымел желание проводить образ правления согласно учению Мэн-цзы о нелицеприятности и справедливости. Мэн-цзы отправился к нему, о чем свидетельствуют статьи 5, 6 и 8 в 6-й главе.

Мэн-цзы покинул владение Сун, убедившись, что «с одним Се Цзюй-Чжоу никак не сделать вана добрым» (см. гл. 4, ст. 3).

До этого Мэн-цзы дважды имел свидание с наследником владения Тэн, ездившим во владение Чу через владение Сун (см. гл. 5, ст. 1).

Вскоре Мэн-цзы вернулся в родные места, где имел беседы с правителем города Цзоу (см. гл. 2, ст. 12).

Правитель владения Тэн стал приглашать Мэн-цзы к себе, о чем говорится в гл. 5, ст. 2.

Возможно, что тогда же Мэн-цзы имел приглашения и от других правителей (см. гл. 12, ст. 5).

Мэн-цзы отправился во владение Лу, когда правитель Пингун принял на службу ученика Мэн-цзы по имени Юэ Чжэн-цзы (см. гл. 12, ст. 13).

Однако правитель этого владения не пожелал встретиться с Мэн-цзы по навету своего слуги, о чем говорится в гл. 2, ст. 16.

Прибыв во владение Тэн, где правитель стал всерьез готовиться к реформам, Мэн-цзы развернул перед Би Чжанем, советником правителя, проект землеустройства (см. гл. 5, ст. 3).

Примерно в это же время к Мэн-цзы обращались за советами из других владений (см. гл. 2, ст. 14), а также вели диспуты по злободневным вопросам экономической политики того времени (см. гл. 5, ст. 4).

Считая владение Тэн слишком маленькой ареной для своих поучений, Мэн-цзы (уже в возрасте 70 лет) прибыл во владение Лян, где правил его ровесник Хуэй-ван, обратившийся к Мэн-цзы со словами: «старец» — см. гл. 1, ст. 1.

Очевидно, тогда же и происходили диалоги Мэн-цзы с этим ваном, составляющие ст. 1, 2, 3, 4, 5 из 1-й главы.

После смерти Хуэй-вана на престол вступил Сян-ван, который не понравился Мэн-цзы с первого же взгляда (см. гл. 1, ст. 6).

Мэн-цзы отправился во владение Ци, где принял на себя должность высшего сановника цин (см. гл. 3, ст. 1 и 2). Он ездил в качестве посла во владение Тэн для выражения соболезнования по случаю кончины тамошнего правителя. См. гл. 4, ст. 6.

Через два года после этого начались походы на владение Янь со стороны Ци (см. гл. 2, ст. 11).

Мэн-цзы выступил в качестве посредника и убеждал Сюань-вана, правителя владения Ци, поступить по справедливости с жителями владения Янь. Но, видимо, ван не послушался и потерпел жестокое поражение. Испытывая угрызения совести и стыдясь перед Мэн-цзы, он пытался все же привлечь его в качестве советника (см. гл. 4, ст. 9).

Мэн-цзы проявил принципиальность и отказался от предложенного ему дворцового помещения (см. гл. 4, ст. 10).

Покидая владение Ци, Мэн-цзы полагал, что правитель образумится, и три дня ждал от него гонца в пограничном городке Чжоу (см. гл. 4, ст. 10 и 11).

Убедившись в бесплодности своих усилий образумить правителей того времени, Мэн-цзы утешает себя тем, что Небо решило изменить цикличность в ниспослании настоящих ванов-правителей. С этими словами он и удаляется на покой (см. гл. 4, ст. 18; шанхайское изд. «Мэн-цзы» 1960 г., Введение, с. 2—3).

Жизнь Мэн-цзы протекала в условиях ожесточенной борьбы владетельных князей-чжу-хоу за гегемонию в государстве Чжоу. Об этой борьбе и ее причинах написано много солидных монографий, не считая огромного количества журнальных и газетных статей. Мэн-цзы, разумеется, не стоял в стороне, а был одним из активнейших участников этой борьбы. В программе курса китайской классической литературы, опубликованной в «Вестнике Пекинского педагогического института» (№ 4 за 1958 г.), сказано, что учение Мэн-цзы является классовым и идеалистическим. Его высказывание о микрокосмосе в человеке представляет собой субъективный идеализм. Политические взгляды Мэн-цзы консервативны и влекут назад, к глубокой старине. Мэн-цзы жил в эпоху, когда обострение классовых противоречий выливалось в форму, близкую к гражданской войне. Мэн-цзы защищал интересы правящих классов, но порой, однако, позволял себе резкие высказывания против правителей и ставил народ превыше всего.

Относительная прогрессивность в учении Мэн-цзы усматривается в его стремлении смягчить классовые противоречия призывами к беспристрастию и справедливости. Исходной же позицией у него все-таки была защита рабовладельческих порядков и сохранение отживших форм в общественном строе той далекой эпохи (см. указанный журнал, с. 61—62).

Повторность упоминания Мэн-цзы здесь не указана, так как о нем говорится почти во всех главах и статьях.

- Мэн Цзи-цзы 孟季子 — младший брат Мэн Чжун-цзы (см.). Более подробных сведений о нем найти не удалось. В некоторых комментариях высказывают сомнение в точности фамилии (см. шанхайское изд. «Мэн-цзы» 1960 г., т. 2, с. 258, примеч. 1).
XI — 5.
- Мэн Чжун-цзы 孟仲子 — двоюродный брат Мэн-цзы (см.), учившийся у него «искусству спорить». Более подробных биографических сведений о нем в китайских комментариях к книге «Мэн-цзы» не оказалось.
IV — 2.
- Мэн Ши-Шэ 孟施舍 — современник Мэн-цзы, возможно, что он даже состоял с ним в родстве. В китайских комментариях оспариваются его фамилия и имя, но никаких биографических данных о нем не приводится. Легт обращает внимание на знак «ши», который он склонен рассматривать подобно междометию «гм!» в английском языке (? — В. К.) (см. т. 2, с. 186—187, примеч. 5).
III — 2.
- Мянь Цзюй 綿駒 — уроженец владения Ци. О нем других сведений нет.
XII — 6.

Н

- Наньхэ 南河 — досл.: Южная река. Предполагают, что имеется в виду река Та (см.).
IX — 5.
- Наньян 南陽 — древний город, ныне в уезде Цзоусянь в пров. Шаньдун.
XII — 8.
- Нюшань 牛山 — досл.: Бычья гора, названная так по сходству с конфигурацией лежащего быка. Находится в южной части нын. уезда Линьцзы в пров. Шаньдун.
XI — 8.

П

- Пин-гун 平公 — правитель владения Цзинь. Прославился дружбой с простолюдином Хай Таном (см.).
X — 3.
- Пин-гун 平公 — (322—302 гг. до н. э.) — правитель владения Лу. Других данных о нем не обнаружено.
II — 16.
- Пинлу 平陸 — название города, который в эпоху Мэн-цзы был подвластен владению Ци. Находился в северной части нын. уезда Вэньшань пров. Шаньдун.
IV — 4; XII — 5.
- Правый наставник государя — советник по гражданским (судебным) делам. Предполагают, что эту должность занимал Ван Хуань (см.).
VI — 4.

Пэн Гэн 彭更 — ученик Мэн-цы. Больше о нем ничего не говорится.

VI — 4.

Пэн Мэн 逢蒙 — ученик и слуга знаменитого стрелка И (см.). Встречается в рассказе «Побег на луну» современного китайского писателя Лу Синя, в русском переводе ошибочно назван «Фэн Мэн». По одной версии, он убил своего учителя, не желая иметь соперника. По другой — убийцей оказался Хань Чо (Чжо) (см. в переводе и комментарии к «Лунь юй»).

VIII — 24.

Пэнь-Чэн Ко 盆成括 — один из последователей Мэн-цы, не сумевший постичь принципы его искусства спорить. Состоял на службе во владении Ци.

XIV — 29.

С

Саньвэй 三危 — («Три обрыва») — название области, находившейся вблизи нын. уезда Тяньшуй пров. Ганьсу. По некоторым данным, в районе знаменитых Дуньхуанских пещер имеются крутые обрывы. Не о них ли идет речь?

IX — 3.

Сань-И Шэн 散宜生 — один из четырех просвещенных сановников-слуг правителя Вэнь-вана (см.). В шанхайском издании «Мэн-цы» 1960 г. приводятся разные источники, в которых есть упоминания об этом древнем роде, причем в одном из них родовым прозвищем значится Сань-И (см. т. 2, с. 345, примеч. 2).

XIV — 38.

Сань-Мяо 三苗 — букв.: «три Мяо». Возможно, что так обозначался общий предводитель всех племен Мяо, живших на землях, которые находились в районе нын. уездов Юэ'ян (пров. Хунань), Учан (пров. Хубэй) и Цзюцзян (пров. Цзянси). По некоторым данным, речь идет о древнем владении в целом, но в таком случае китайские комментаторы вынуждены давать знаку «ша» («умерщвлять») совсем не присущее ему другое значение, чтобы увязать с контекстом (см. «Мэн-цы» в шанхайском изд. 1960 г., с. 214, примеч. 3).

XI — 3.

Се 薛 — небольшое владение во времена Кун-цы, находившееся юго-восточнее нын. уезда Тэнсянь в пров. Шаньдун. Ко времени Мэн-цы оно принадлежало владению Ци и было в непосредственной близости от владения Тэн.

II — 14; IV — 3.

Се 契 — потомок Гао-Синя, упоминаемого в мифах четвертым после Хуан-Ди (Желтого царя), легендарного повелителя Китая в глубокой древности (2435—2420 гг. до н. э.). В годы правления Шуня он занимал должность «сыту» (главного управляющего общественными работами). Он оказал большую помощь Юю в борьбе с наводне-

нием. Ему было пожаловано земельное владение в Шан, после чего он стал правителем, давшим название династии Шан. Ли Бин-инь (в книге «Мэн-цзы вэнь сюань») полагает, что его фамилия была Цзы (с. 81, примеч. 41).

V — 4.

Се Лю 泄柳 — один из просвещенных и талантливых людей во владении Лу. Он был служилым-ши у правителя Му-гуна. Когда правитель пытался свидеться с ним, Се Лю заперся дома и не принял его. Свой поступок он объяснил так: «Я слышал, что добропорядочный муж радуется тому правлению, при котором путь истины торжествует, а когда этого нет, то находит утешение в том, что он знает, как найти этот путь. Если в Поднебесной окажется такой правитель, который осуществит путь истины в своем желании управлять, то я готов служить ему и присутствовать на его утренних приемах, хотя бы для этого мне пришлось идти босиком. Но если правитель не является таковым, то мне нет нужды видеться с ним...»

IV — 11; VI — 7; XII — 6.

Се Цзюй-чжоу 薛居州 — сановник во владении Сун, современник Мэн-цзы. Других данных о нем не найдено.

VI — 6.

Си-бо 西伯 — «Западный властелин» — имеется в виду Вэнь-ван (см.).

VII — 13; XIII — 22.

Си-цзы 西子 — прославленная красавица, жившая во времена Кун-цзы. Ее настоящее имя Си Ши 西施; она была уроженкой горной местности Чжуло, расположенной в нын. уезде Чжуцзи пров. Чжэцзян. Там до сих пор сохранились памятные места, связанные с ее именем. Отец ее был простым дровосеком. Когда Гоу-Цзянь, правитель владения Юэ, потерпел поражение в войне с соседним владением У, он отступил со своим войском в горный район Куайцзи, по соседству с тем местом, где жила эта красавица. Увидев ее случайно, у него сразу же созрел план погубить своего противника путем обольщения его чарами Си Ши. Он приблизил к себе Си Ши и в течение трех лет готовил ее к осуществлению своего замысла. Си Ши не обманула надежд Гоу-Цзяня и успешно выполнила возложенную на нее задачу. Она настолько очаровала правителя владения У, что он «потерял голову» не только в переносном, но и в буквальном смысле слова. (В шанхайском издании «Мэн-цзы» 1960 г. эта легенда о Си Ши обойдена молчанием. См. т. 1, с. 196, примеч. 1.) Ссылаясь на Гуань-цзы (раздел Сяо Чэн (?)), Легг с иронией замечает, что такая же красавица была еще за двести лет до этой девы (см. т. 2, с. 330, примеч. 25).

VIII — 25.

Сишуй 西水 — букв.: «Западные воды». Так перевел Легг (см. т. 2, с. 163, примеч. 5). Удобнее перевести собственным названием, поскольку известно, что почти у всех рек, текущих в северо-западной части Китая, проклитиком является «шуй», близким по произношению к «суй» — «су», в значении не только «вода», но и «река».

II — 5.

- Сун 宋 — название древнего владения, находившегося в пределах нын. уезда Шанцю в пров. Хэнань (см. указатель к переводу «Лунь юй»).
III — 2; IV — 3; V — 1, 2, 4; VI — 5, 6; IX — 8; XIII — 36.
- Сун Гоу-Цзянь 宋句(勾)踐 — биография этого лица не установлена.
XIII — 9.
- Сун Кэн 宋輕 — уроженец владения Сун, современник Мэн-цзы, занимался изучением различных учений и был ярким противником войны.
XII — 4.
- Сунь-Шу Ао 孫叔敖 — современник Кун-цзы. Главный советник правителя владения Чу, которого звали Чжуан. В прежних комментариях указывается, что он жил отшельником на берегу моря, занимался астрологией и считался волшебником.
XII — 15.
- Сы 泗 — название реки, точное определение которой вызывает споры среди китайских комментаторов, поскольку такого притока реки Ян-цзы сейчас не существует (см. шанхайское изд. «Мэн-цзы» 1960 г., т. 1, с. 132, примеч. 21).
V — 4.
- Сю 休 — название местности во владении Тэн. Некоторые китайские комментаторы считают, что она находилась примерно в 100 ли от местожительства Мэн-цзы.
IV — 14.
- Сюань-ван 宣王 — (319—300 гг. до н. э.). (По Ли Бин-ину, дата вступления на трон — 342 г. до н. э. а смерти — 324 г. до н. э. (см. «Мэн-цзы взнь сюань», с. 18, примеч. 1)). Правитель владения Ци во времена Мэн-цзы. Он происходил из рода Тянь, предки которого во времена Кун-цзы имели родственную связь с сановником по фамилии Цзян, что, возможно, и отразилось в его имени: Би Цзян. Биографические сведения о нем на этом исчерпываются.
I — 7; II — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10; VIII — 3; X — 9; XIII — 33, 39.
- Сюй Би 徐辟 — ученик Мэн-цзы, искавший путь сближения во взглядах своего учителя с альтруистом Мо-цзы.
V — 5.
- Сюй Син 許行 — он же Сюй-цзы (390—315 гг. до н. э.), уроженец владения Чу, современник Мэн-цзы. Проповедовал возвращение общественного устройства ко времени легендарного Шэнь-Нуна (Чудесного Земледельца, научившего первобытных людей заниматься земледелием), когда еще не было деления людей по сословиям.
V — 4.
- Сюй-цзы 徐子 — по имени Би, ученик Мэн-цзы (см. Сюй Би).
V — 5; VIII — 18.
- Сюнь-юй 醜鬻 — одно из названий гуннов («сюн-ну»). См. также Хунь-и.
II — 3.
- Ся 夏 — первая династия в Древнем Китае (2205—1766 гг. до н. э.), с которой до настоящего времени ведется китайское летосчисление по лунному календарю.

II — 4; III — 1; V — 3, 4; VII — 2; IX — 6, 7; X — 4.

Сян 象 — неродной брат Шуня, древнего правителя Поднебесной. Когда умерла мать Шуня, отец его женился во второй раз и у него родился сын Сян. По своему характеру он оказался мелочным и жестоким, ненавидел своего старшего брата и замыслил убить его. Но Шунь не питал к нему никакой вражды. Когда он, неожиданно для себя, сделался правителем, то в знак расположения к Сяну пожаловал ему земельное владение в Юби.

IV — 2, 3; IX — 2, 3; XI — 6.

Сян-ван 襄王 — (313—295 гг. до н. э.) — по имени Хэ, правитель владения Лян, сын Хуэй-вана.

I — 6.

Сянь-Цю Мэн 咸邱蒙 — ученик Мэн-цзы. Биографических сведений о нем найти не удалось. Легт приводит мнение некоторых китайских комментаторов по поводу происхождения двойной фамилии Сянь-Цю, которая якобы произошла из названия местности (см. т. 2, с. 351, примеч. 1 к гл. IV). Однако ни он, ни современные китайские комментаторы не указывают ее местоположения (см. шанхайское изд. «Мэн-цзы» 1960 г., с. 217, примеч. 1).

IX — 4.

Сяо-гун 孝公 — правитель владения Вэй. О нем ничего не сообщается ни в книге «Чунь-цю», ни в книге «Ши цзи» («Исторические записки»), Сы-Ма Цяня. Легт ссылается на Чжу Си, первого составителя «Сы шу» («Четверокнижие»), который предполагает, что имеется в виду правитель владения Чу (см. т. 2, с. 382, примеч. 7). Можно полагать, что «Сяо» не собственное имя, а эпитет, означающий «почтительный к родителям».

X — 4.

Ся-Хоу 夏后 — древний род, глава которого основал династию Ся. Первый правитель этой династии, Юй, по китайским комментариям, правил с 2205 по 2197 гг. до н. э. При нем был введен лунный календарь, по которому ведется китайское летосчисление до настоящего времени (см. обозначение даты в газете «Жэньминь Жибао» и др.).

VII — 2; IX — 6.

Сяо Пань 小弁 — название стихотворения, вошедшего в книгу «Ши цзин», которая имеется в полном русском переводе, подготовленном А. А. Штукиным и Н. Т. Федоренко в издании Академии наук СССР 1957 г.

XII — 3.

Т

Та 濠 — название реки, берущей начало юго-западнее нын. уезда Чипин в пров. Шаньдун. Протекала у города Чаочэн в той же провинции. В эпоху Сун, после одного из сильных разливов реки Хуанхэ, потеряла русло и исчезла (см. шанхайское изд. «Мэн-цзы» 1960 г., с. 132, примеч. 20). В других вариантах р. Лэй.

V — 4.

Тай 郃 — город, в котором жил Гун-Лю перед своим переселением в город Бинь. Предполагают, что этот город был расположен в нын. уезде Угун пров. Шаньси (см. Ли Бин-инь, «Мэн-цы вэнь сюань», с. 34, примеч. 17).

Тай-гун 太公 — он же Тай-гун Ван 太公望. Происходил из рода Цян. Его предки были пожалованы владением в местности Люй, а потому известен по прозвищу Люй Шан 呂尚. Имел еще и ученое прозвание: Цзы-Я 子牙 («Зубастый ученый»). О его молодости ничего неизвестно. В старости он уединился и занимался рыбной ловлей. Однажды Вэнь-ван, совершая объезд своих владений, заметил одинокого старца, удившего рыбу на берегу реки Вэйшуй. После непродолжительной беседы с ним Вэнь-ван воскликнул: «Тай-гун (т. е. „Превеликий дед“ — В. К.)! Давно лелеял надежду встретиться с тобой!» Отсюда и произошло у Тай-гуна прозвище «Ван», что значит «надежда». Вэнь-ван тут же отvez старца к себе во дворец и возвел его в почетную должность наставника. Ему же воздавал почести как родному отцу и знаменитый У-ван, покривший Иньского правителя Чжоу-Синя благодаря мудрым советам Тай-гун Вана. С установлением династии Чжоу в Поднебесной (1122 г. до н. э.) Тай-гуну было предоставлено земельное владение Инцю, находившееся в Ци, предположительно юго-восточнее нын. уезда Чанлэ или северо-западнее уезда Линьцзы пров. Шаньдун.

Тай-гун прославился своим военным искусством. Он же считается автором первого военного трактата «Лю тао» (или «Ю тао»), содержанием которого интересовались Фридрих II («Великий») (1712—1786) и другие полководцы Западной Европы XVIII и XIX вв.

VII — 13; XII — 8; XIII — 22; XIV — 38.

Тай-Дин 太丁 — сын (Чэн) Тана, основателя династии Инь-Шан. Он умер наследником престола примерно в 1760 г. до н. э. Биографические сведения о нем в китайских источниках, относящихся к книге «Мэн-цы», отсутствуют.

IX — 6.

Тай-Цзя 太甲 — сын Тай-Дина, наследника (Чэн) Тана. После смерти Тай-Дина, наступившей вслед за кончиной (Чэн) Тана, начался период безвластия. По мнению китайских комментаторов прежних изданий «Сы шу» («Четверокнижия»), наследниками могли быть Вай-Бин и Чжун-Жэнь, однако первому было всего два года, а второму — четыре. (Из самого текста вывести эти данные никак нельзя!) Тогда И Инь возвел на престол Тай-Цзя, внука (Чэн) Тана, предварительно передав ему наставления его деда по управлению государством. Эти наставления известны под названием «Инь сюнь». Однако Тай-Цзя не последовал им и нарушил их сразу после вступления на престол. Все же И Инь нашел способ образумить Тай-Цзя, и он стал впоследствии, как пишут прежние китайские комментарии, «достойным правителем».

III — 4; VII — 8; IX — 6; XIII — 31.

Тайшань 太山 — одна из высоких гор в Китае. Находится в нын. пров. Шаньдун; считается священной горой (см. указатель к переводу «Лунь юй»).

I — 7; III — 2; XIII — 24.

Тан 湯 — он же Чэн Тан 成湯, основатель династии Инь-Шан, второй после династии Ся. Его принято обозначать с эпитетом «Чэн», что означает «Свершитель». В «Очерке истории Китая», составленной под главной редакцией проф. Шан Юэ, дата его жизни и деятельности ориентировочно отнесена к 1700—1600 гг. до н. э. Сведения о нем довольно скудны. Сообщается, что его звали Люй (Ли). Он был потомком того самого Се, который помог когда-то основателю династии Ся, великому Юю, справиться с опустошительным наводнением, за что и получил владение в районе Шан и почетное прозвище Цзы, ставшее затем родовым. Там переселился из родовых земель в Бо, где и обосновал свою резиденцию. Он объединил владетельных князей против произвола, творимого Цзе, последним правителем династии Ся. После свержения Цзе он стал править страной и дал начало новой династии. Вскоре страну постигла великая засуха, которая продолжалась семь лет. Астрологи уверяли, что только человеческая жертва может избавить страну от этого бедствия. Тогда (Чэн) Тан заявил, что готов принести самого себя в жертву для блага народа. В качестве жертвы он срезал клок волос с головы и остриг ногти, после чего дал обет во всем быть угодным народу. Легенды передают, что не успел он произнести последние слова клятвы, как полил дождь к великой радости всех людей. По этому случаю была сложена народная песня, которая сохранилась до наших дней.

II — 3, 8, 11; III — 1, 3; IV — 2, 12; VI — 5; VII — 9; VIII — 20; IX — 6, 7; XII — 2, 6; XIII — 30; XIV — 33, 38.

Тан 棠 — город во владении Ци, в котором были сосредоточены житницы с запасами зерна на случай стихийных бедствий. Предполагают, что он находился к северу от нын. уездного города Юйтай в пров. Шаньдун.

XIV — 23.

Тан 唐 (Яо 堯) — имеется в виду легендарный правитель Яо (см.).

IX — 6.

Тао Ин 桃應 — ученик Мэн-цзы. Других сведений о нем нет.

XIII — 35.

Тао-у 橈杓 — название летописи древнего владения Чу. Судя по составу иероглифов, можно предположить, что она велась на срезах деревьев особой прочности. Возможно, что это слово дано в иероглифической транскрипции в звучании древнего языка жителей владения Чу.

VIII — 21.

Тун 桐 — платан, тунг. Здесь в значении географического названия. По некоторым комментариям, место погребения (Чэн) Тана в нын. уезде Жунхэ пров. Шаньси.

IX — 6; XIII — 31.

Тэн 滕 — небольшое владение, которое во времена Кун-цзы и Мэн-цзы находилось в пределах нын. уезда Тэнсянь пров. Шаньдун. Оно принадлежало потомкам Шу-Сю, четырнадцатого сына Вэнь-вана (см.), происходившего от древнего рода Ци. Несмотря на то, что правители владений Ци (на северо-востоке от него) и Чу (на юго-западе) настолько усилились, что присвоили себе титул «ван» вместо принятого для владетельных князей титула «гун», они все же не посягнули на владение Тэн. (Оно было уничтожено правителем владения Сун. См. Ли Бин-ин, «Мэн-цзы вэнь сюань», с. 48, примеч. 1.)

II — 13, 14, 15; IV — 6; V — 1, 2, 3, 4; XIII — 43; XIV — 30.

У

У 吳 — древнее владение, существовавшее на правах самостоятельного государства. Оно возникло в первые годы образования династии Чжоу (1122 г. до н. э.). Центр его находился в пределах нын. уезда Уси в пров. Цзянсу. В 473 г. до н. э. оно было покорено правителем владения Юэ по имени Гоу-Цзянь.

II — 3.

У-ван 武王 — (1134—1120 гг. до н. э.) — второй сын Вэнь-вана, родоначальника династии Чжоу. Его звали Фа. С детства посвятил себя служению интересам своего племени. Девять лет он готовился к освобождению своих сородичей от гнета правителя Чжоу-Синя, последнего правителя династии Инь-Шан. Готовясь к походу, он устроил смотр войскам у переправы Мэнцинъ через реку Хуанхо (южнее нын. города Мэнсянь в пров. Хэнань). Перед деревянной статуей своего отца Вэнь-вана, установленной на боевой колеснице, У-ван поклялся продолжать борьбу за освобождение родного племени, причем себя не называл наследником вана.

Существует легенда, что, когда У-ван переправлялся через реку, из воды выпрыгнула к нему на ладью белая рыба. На противоположном берегу У-вана ждали владетельные князья-чжу-хоу со своими дружинами, готовые идти в бой. Они встретили У-вана возгласами: «Пора начать поход против злодея Чжоу (Синя)!» Но У-ван покачал головой, вспомнив про белую рыбу. Он вернулся назад и готовился к решительному сражению еще два года. Тем временем Чжоу-Синь усилил свою жестокость до предела, и его же соплеменники начали восставать против него. Начав восточный поход, У-ван встретился с войском Чжоу-Синя в пустоши Му'е и поручил своему мудрому советнику Тай-гуну руководить битвой. При первом же натиске войско Чжоу-Синя дрогнуло и обратило оружие против него. Толпы народа приветствовали У-вана в столице Чжоу-Синя. Сам тиран заперся в подожженном дворце и сгорел в нем. У-ван распустил войско Чжоу-Синя, освободил всех узников из темниц, в том числе и Ци-цзы. Он воздал почести на могиле погубленного Би Ганя, раздал запасы продоволь-

ствия нуждающимся, передал У-Гэну, сыну Чжоу-Синя, бывшую столицу государства Инь-Шан во владение, но приставил к нему в качестве надзирателей своих двух братьев: Гуань Шу-Сяня и Цай Шу-Ду. После всего этого он вернулся на родину и завернул в шкуру тигра свое оружие в знак того, что никогда больше не будет прибегать к нему. Подавляющее большинство владетельных князей-чжоу-хоу признали его своим верховным правителем («Сыном Неба»). В его честь был сложен гимн «Великий У».

В китайских комментариях прежних изданий говорится, что после этой победы образовалось государство Чжоу. У-ван, прежде чем занять трон, щедро наградил земельными владениями всех своих сподвижников и соратников, в том числе и потомков легендарных правителей Шэнь-Нуна, Хуан-Ди, Яо, Шуня и Юя. Тогда же Тай-гун получил владение Ци, младший брат У-вана, по имени Дань, он же Чжоу-гун, стал правителем владения Лу, Шао-гун, по имени Ши, был пожалован владением в Янь. Одним только своим однофамильцам из рода Ци было роздано пятьдесят три владения (см. «Сы шу ти чжу», раздел «Жэнь-у бэйкао»). II — 3, 8, 10; III — 1; IV — 12; VI — 5, 9; VII — 9; VIII — 20; IX — 4, 6; XI — 6; XIII — 30; XIV — 4, 33.

У-Дин 武丁 — (1324—1269 г. до н. э.) — правитель государства Инь-Шан. Известен также по прозвищу Гао-цзун. Ему приписывают возрождение страны после упадка, в который она пришла при правителе Сяо-И (1352 г. до н. э.). Он же прославился успешными походами в страну Гуй-фан, которая, по одной версии, находилась далеко на северо-западе, чуть ли не у берегов Каспия. По другой версии, страна Гуй-фан находилась на юго-западе, где-то в пределах нын. пров. Гуйчжоу.
III — 1.

Улин 於陵 — город во владении Ци, точное его местоположение не определено, но предполагают, что он находился вблизи города Линьцзы в южной части нын. уезда Чаншань пров. Шаньдун (см. «Мэн-цзы и чжу», шанхайское изд. «Мэн-цзы» 1960 г., т. 1, с. 160, примеч. 3). Легг считает это место пустошью в Цзинань (см. инд. II, с. 513а).
VI — 10.

Улу-цзы 屋廬子 — по имени Лянь, ученик Мэн-цзы. Из текста видно, что он старался уличить своего учителя в нелогичности, но тщетно. Биографические данные о нем в комментариях к книге «Мэн-цзы» не даны.
XII — 1, 5.

У-Хо 烏獲 — силач, живший во владении Цинь во времена правителя У-вана.
XII — 2.

Учитель Сюй — он же Сюй-цзы или Сюй (см.).
V — 4.

Учэн 武城 — древний город, находившийся вблизи владения Юэ. Точных данных в комментариях нет. Событие в этом городе, о котором повествуется в указанном параграфе, произошло в 468 г. до н. э.

Возможно, что в книге «Лунь-юй» речь идет об этом же городе (см. указатель к переводу «Лунь-юй»).

VIII — 31.

Ф

«Фан Сюнь» 放勳 — «Источающий доблесть» — прозвище, данное правителю Китая, прославленному Яо (см.).

V — 4; IX — 4.

Фань 范 — маленькое владение, которое во времена Мэн-цзы находилось в вассальной зависимости от владения Ци. Его территория входила в пределы нын. уезда Фаньсянь в пров. Шаньдун.

XIII — 36.

Фуся 負夏 — место резиденции правителя Китая, знаменитого Шуня (см.). Во времена Кун-цзы это место превратилось в торговый город, находившийся во владении Лу. Предполагают, что он находился западнее уездного города Цзы'ян в нын. пров. Шаньдун.

VIII — 1.

Фу Юэ 傅說 — советник правителя У-Дина (см.). Вначале он работал каменщиком в городке Фуянь. На него обратил внимание У-Дин, залюбовавшись его умением класть кирпичи. Разговорившись с ним, У-Дин поразился его уму, приблизил к себе и сделал своим советником.

XII — 15.

Фэй Лянь 飛廉 — по данным, приведенным в «Ши цзи» («Исторических записках»), на которые ссылаются авторы шанхайского издания «Мэн-цзы» 1960 г., Фэй Лянь был бегун-скороход, а сын его — силач. Оба они служили Чжоу-Синю. Когда У-ван покорил государство Инь-Шан, силач был убит, а его отец, Фэй Лянь, находился где-то далеко на севере. Он воздвиг каменную гробницу в честь Чжоу-Синя на горе Хотайшань (в пределах нын. уезда Хосянь в пров. Шаньси), где его и похоронили. Эти сведения расходятся с текстом книги «Мэн-цзы» (см. с. 158, примеч. 7).

VI — 9.

Фэн Фу 馮婦 — уроженец владения Цзинь. Искусный охотник на тигров. Других данных о нем в комментариях нет.

XIV — 23.

Х

Хай Тан 亥唐 — уроженец владения Цзинь, слышавший прорицателем. Жил отшельником, когда правитель этого владения по имени Пин-гун узнал о его даровании. Он стал часто посещать Хай Тана и свел с ним дружбу. В шанхайском издании «Мэн-цзы» 1960 г. приводится пересказ из книги «Гао ши чжуань», включенный в энциклопедию «Тай пин юй лань», о его дружбе с цзиньским правителем Пин-гуном (см. с. 239, примеч. 7).

X — 3.

- Хань 漢 — река, берущая начало в нын. пров. Шэньси, впадающая в реку Янцзы у города Ханьян. По берегам реки Хань жили предки коренного населения Китая. Ее названием обозначается китайская нация в КНР (см. указатель к переводу «Лунь-юй»).
V — 4; VI — 9; IX — 4.
- Хань 韓 — старинный род, представитель которого во времена Кун-цзы был сановником-дафу во владении Цзинь. Обладая большим богатством и влиянием, он принял участие в разделе названного владения и возглавил ту часть его, которая получила название «владение Хань».
XIII — 11.
- Хао-Шэн Бу-Хай 浩生不害 — уроженец владения Ци. В китайских комментариях к книге «Мэн-цзы» биографические сведения о нем отсутствуют.
XIV — 25.
- Хоу Цзи 后稷 — имя Цзи. По преданиям, он был основателем рода Чжоу. Во времена Яо наставлял людей вести земледелие, и его заслуги воспеты в «Книге стихов» («Ши-цзин»). В шанхайском издании «Мэн-цзы» 1960 г. ему отведено примеч. 22 на с. 132. В словаре Паллады и Попова сказано: «Министр земледелия при Шуне, обоготворенный под именем бога земледелия» (см. т. 2, с. 172а).
V — 4.
- Ху Хэ 胡訖 — один из приближенных сановников Сюань-вана, правителя владения Ци, современник Мэн-цзы. Биографических сведений о нем нет.
I — 7.
- Хуа-Ли 滑釐 — имя сановника во владении Лу. Он же, судя по тексту, именуется Шэнь-цзы (см.). Современник Мэн-цзы.
XII — 8.
- Хуа Чжоу 華周 — он же Хуа Сюань, сановник-дафу во владении Ци, живший задолго до Кун-цзы. Проявил себя неподкупным слугой своего правителя и пал смертью храбрых при взятии города Цзюй (в пределах нын. уезда Цзюйсянь в пров. Шаньдун). Эпизод этот приводится в книге «Чунь-цю» (с. 1186—1187 в изд. 1955 г.) и изложен с некоторыми купюрами в шанхайском издании «Мэн-цзы» 1960 г. (с. 286, примеч. 10).
XII — 6.
- Хуай 淮 — название реки. Как известно, она никогда не впадала в реку Янцзы. В шанхайском издании «Мэн-цзы» 1960 г. указано (с. 132, примеч. 26), что в текст книги могла вкратиться ошибка по разным причинам.
V — 4; VI — 9.
- Хуанхэ 黄河 — Желтая река, обычно именуется в тексте книги просто «Хэ».
I — 3; VI — 9.
- Хуань — см. Хуань-гун.
VIII — 21.
- Хуань-гун 桓公 — правитель владения Ци, по имени Сяо-Бо 小白, в 685—643 гг. до н. э. Одно время был одним из самых влиятельных лю-

дей, стремившихся занять господствующее положение в стране, не гнушась никакими средствами (см. указатель к переводу «Лунь-юй»).

I — 7; IV — 2; VIII — 21; XII — 7.

Хуань-Доу 驩兜 — один из злодеев, живших во времена правителя Яо. Предполагают, что он был крупным сановником. Более подробных сведений о нем не приводится ни в одном из основных комментариев к книге «Мэн-цзы».

IX — 3.

Хуань, сыма 桓司馬 — букв.: «начальник конницы Хуань», он же Сян Туй и Хуань Туй, родом из владения Сун. Предполагают, что он состоял в родстве с Хуань-гуном (см.) и был крайне враждебен к Кун-цзы (см. указатель к переводу «Лунь юй»).

IX — 8.

Хунь-и 昆 (混) 夷 — одно из названий племени «Си жун» («Западные жун»), отождествляемого с гуннами. Так же обозначались и земли, в которых они обитали.

II — 3.

Хуэй-ван 惠王 — известен также под именем Ин (370—313 гг. до н. э. — Ли Бин-ин указывает год смерти — 334 г. до н. э.). Правитель владения Лян. Сын владетельного князя, который правил во владении Вэй, по имени У. Хуэй-ван по восшествии на трон сразу же вступил в союз с правителем владения Чжао для нападения на владение Хань, но потерпел поражение, так как владение Ци оказало поддержку владению Хань. В дальнейшем он еще несколько раз терпел неудачи в сражениях с правителем владения Цинь. Ему пришлось перенести свою столицу из Ань'и в Да-Лян, где он, для поддержания своего авторитета, присвоил титул «ван» и пытался приблизить людей с именем в качестве своих помощников, но позволял себе произвол в делах управления. Мэн-цзы тщетно пытался образумить его, прибегая к самым сильным приемам риторики. В разных исторических памятниках даются несколько разноречивые сведения о Хуэй-ване и его войнах (см. «Ши цзи», раздел «Родословная Вэй» («Вэй ши цзя»), «Биография Шан Яна» («Шан-цзюнь лечжуань»), «Хронология шести владений» («Лю го нянь бяо») и книгу «Чжаньго цэ» и пр.).

I — 1, 2, 3, 4, 5; XIV — 1.

Хуэй-гун 惠公 — градоправитель города Би во владении Лу. Других сведений о нем не найдено.

X — 3.

Хэ — см. Хуанхэ.

Хэ-дун 河東 — имеется в виду территория, расположенная по правому берегу древнего русла реки Хуанхэ (Желтой реки), занимающая район, в который входят юго-западная часть нын. пров. Хэбэй и северная часть пров. Шаньдун.

I — 3.

Хэ-нэй 河内 — имеется в виду большой район между двумя излучинами реки Хуанхэ (Желтой реки), охватывающий южную часть нын. пров.

Шаньси, северную часть пров. Хэнань, а также юго-западную часть пров. Хэбэй.

I — 3.

Ц

Цай 蔡 — небольшое владение, которое во времена Кун-цзы занимало территорию нын. уезда Синьцай в пров. Хэнань.

XIV — 18.

Цанлан 滄浪 — название одного из протоков реки Ханьшуй (см.), протекающего в пределах нын. пров. Хубэй.

VII — 8.

Цао 曹 — город во владении Вэй, ныне город Ваймачэн в юго-восточной части уезда Хуасянь пров. Хэнань. Ли Бин-ин полагает, что во времена Мэн-цзы город Цао и прилегающие к нему окрестности представляли самостоятельное владение (см. «Мэн-цзы вэнь сюань», с. 159, примеч. 1).

XII — 2.

Цао Цзяо 曹交 — младший брат градоправителя города Цао (см. выше). В древности род Цао был очень влиятельным. Полагают, что одним из характерных признаков этого рода был высокий рост у всех его представителей.

XII — 2.

Ци 齊 — древнее владение, которое после покорения государства Инь-Шан было пожаловано У-ваном из рода Чжоу мудрому советнику Тайгуну. Ко времени Мэн-цзы правители этого владения настолько усилились, что уже замыслили установить свою гегемонию во всем государстве Чжоу. Территориально оно занимало почти всю западную часть нын. пров. Шаньдун.

I — 5, 7; II — 1, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14; III — 1, 2; IV — 2, 3, 6, 7, 8, 11, 12, 13, 14; V — 1; VI — 1, 5, 6, 10; VII — 7, 24; VIII — 3, 21, 31, 32, 33; IX — 4, 8; X — 1, 7, 9; XII — 5, 6, 8; XIII — 34, 36, 39; XIV — 17, 23, 29.

Ци 岐 — древнее владение, находившееся в пределах нын. уезда Цишань в пров. Шаньси (см. указатель к переводу «Лунь юй»).

II — 5.

Ци 淇 — река, истоки которой находятся юго-восточнее нын. уезда Линьсянь в пров. Хэнань, протекает через уезд Цисянь той же провинции и впадает в реку Хуанхэ (Желтую реку).

XII — 6.

Ци 啓 — (2197—2190 гг. до н. э.) — сын правителя Поднебесной Юя, получивший от отца по желанию всех владетельных князей престол династии Ся за свою добродетельность.

IX — 6.

Ци 啓 — предположительно, имя племянника (а может быть, дяди?) тирана Цзе, последнего правителя государства Инь-Шан.

XI — 6.

- Ци Лян 紀梁 — уроженец владения Ци, по имени Чжи, современник Кун-цзы. Он был сановником-дафу при правителе этого владения. Сопровождал Чжуан-гуна в его походе против владения Цзюй и пал смертью храбрых. См. Хуа Чжоу.
XII — 6.
- Цинь 秦 — владение, которое было пожаловано одним из первых правителей династии Чжоу потомкам Бо И. Оно находилось в пределах нын. уезда Тяньшуй в пров. Ганьсу. К концу периода «Воюющих княжеств» (Чжань го), продолжавшегося почти 200 лет (402—221 гг. до н. э.), правителю этого владения удалось занять первое место в борьбе семи претендентов на верховное господство в государстве Чжоу, прозванных «сюн» (т. е. «петухи»), и образовать единую абсолютистскую империю Цинь (221 г. до н. э.), ликвидировав раздробленность страны и институт владетельных князей.
I — 5, 7; IX — 9; XI — 4 (цинец, циньцы, т. е. житель (и) владения Цинь), 12; XII — 4, 6.
- Цинь Чжан 琴張 — он же по прозвищу Цзы-Чжан (см.), уроженец владения Вэй, ученик Кун-цзы. Носил имя Лао 牟. Хорошо играл на музыкальном инструменте «цинь» (китайские гусли) и на барабане, за что и получил прозвище «Цинь Чжан» (т. е. Гуслиар Чжан).
XIV — 37.
- Циские горы — см. Цишань.
II — 5.
- Цичжоу 岐周 — место, где родился Вэнь-ван (см.). Составители шанхайского издания книги «Мэн-цзы» 1960 г. предлагают считать «Ци» сокращенным обозначением гор Цишань в нын. пров. Шэньси, а «Чжоу» принимают за название династии (см. с. 184, примеч. 2). В других комментариях утверждают, что «Чжоу» — название населенного пункта, расположенного у подножия гор Цишань.
VIII — 1.
- Цишань 岐山 — горы в нын. уезде Цишань пров. Шэньси.
II — 14, 15.
- Цю 丘 — имя Кун-цзы.
VIII — 21.
- Цю 求 — имя ученика Кун-цзы (см. Жань Цю в указателе к переводу «Лунь юй»).
VII — 14.
- Цю 秋 — имя игрока в китайские шашки. Обычно именуется И Цю (т. е. «Шашист Цю»). Ли Бин-ин указывает, что в Китае с древних времен принято обозначать мастеров искусств, к которым относятся не только артисты и музыканты, но также и кулины, врачи, игроки и разные «умельцы», не по фамилии, а по профессии, которая ставится на первом месте, взамен фамильного знака, например, «И Цю» — «Шашист Цю», «Ши Куан» — «Наставник музыки (музыкант) Куан», «И Хэ» — «Лекарь Хэ» и т. п. (см. с. 146, примеч. 6).
XI — 9.

Цюй 屈 — название древней области, точное местоположение которой в китайских комментариях к книге «Мэн-цзы» не установлено.
IX — 9.

Цз

Цзай Во 宰我 — ученик Кун-цзы (см. указатель к переводу «Лунь юй»)
III — 2.

Цзе 桀 — известен также как Ся Цзе, т. е. «Сяский Цзе». Последний правитель государства и династии Ся. Утверждают, что он мучил народ своим жестоким управлением. Был изгнан в 1766 г. до н. э. доблестным Таном (Чэн Тан), поднявшим войско и народ против него. Цзе и Чжоу (Чжоу-Синь — последний правитель государства и династии Инь-Шан) противопоставляются славным и добродетельным правителям в глубокой древности, а именно Яо и Шуню.
II — 8; VII — 9; XII — 2, 6, 9, 10.

Цзи 濟 — название реки, встречается также под названием Цишиуэй, берет начало в горах Ван'ушань, западнее нын. уездного города Циюань в пров. Хэнань. В нижнем течении ныне сливается с рекой Хуанхэ, а раньше текла параллельно ей (см. шанхайское изд. «Мэн-цзы» 1960 г., с. 132, примеч. 19).
V — 4.

Цзи 季 — он же Ци-ши, т. е. глава рода Ци, по имени Кан-цзы. Отец его, Ци Сунь-Сы, нажил огромное состояние, облагая народ всевозможными податями, часть которых присваивал себе. Ци Кан-цзы имел в качестве управляющего ученика Кун-цзы по имени Жэнь Цю, по прозвищу Цзы-Ю (см. указатель к переводу «Лунь юй»)
VII — 14.

Цзи 稷 — имя древнейшего родоначальника Чжоу, пятнадцатым потомком которого был У-ван. Он же известен под прозвищем Хоу Ци.
VIII — 29.

Цзи Жэнь 季任 — начальник охраны местечка Жэнь, нын. город Цзинин в пров. Шаньдун.
XII — 5.

Цзи-Сунь 季孫 — в китайских комментариях к книге «Мэн-цзы» сведения о нем не приводятся. Некоторые комментаторы высказывают предположение, что Ци-Сунь и Ци-Хуань-цзы одно и то же лицо.
IV — 10.

Цзи Хуань 疇環 — фамилия и имя лекаря, производившего кастрацию, жил во времена Кун-цзы.
IX — 8.

Цзи-Хуань-цзы 季桓子 — он же Ци-Сунь, потомок рода Хуань во владении Лу. Во времена Кун-цзы наиболее влиятельными и сильными были трое представителей этого рода, а именно: Мэн-Сунь, Шу-

Сунь и Цзи-Сунь, вошедшие в историю под названием «Сань Хуань» (букв.: «трое Хуань»). У Легга ошибочно указана I часть, вместо II, V раздела его рубрикации (см. инд. II, с. 510а).

X — 4.

Цзи-цзы 季子 — он же Цзи Жэнь (см.).

XII — 5.

Цзи-цзы 箕子 — брат Би Ганя, бежал от племянника Чжоу-Синя, тирана государства Инь-Шан, основал свое государство в пределах нын. Кореи.

III — 1.

Цзишань 箕山 — горы в юго-восточной части нын. уезда Дэнфэн в пров. Хэнань.

IX — 6.

Цзин 荆 — одно из древних названий владения Чу (см.), а также племени, обитавшего в нем.

V — 4; VI — 3, 9.

Цзин-гун 景公 — правитель владения Ци в 547—490 гг. до н. э., во времена Кун-цзы.

II — 4; V — 1; VI — 1; VII — 7; X — 7.

Цзин-цзы — он же Цзин-Чоу (см.).

Цзин-Чоу (ши) 景丑(氏) — влиятельная семья во владении Ци, глава которой, по имени Жи, был сановником-дафу и пользовался благоволением правителя. Он был современником Мэн-цзы.

IV — 2.

Цзин Чунь 景春 — один из основных сторонников дипломатии «вдоль» и «поперек», т. е. создания коалиций разных владетельных князей в государстве Чжоу как в зональном, так и в меридиональном направлениях, что выражается в терминах «цзун» (вдоль) и «хэн» (поперек). Ли Бин-ин указывает, что Цзин Чунь возглавлял одно из девяти течений, образовавшихся в древнем учении Кун-цзы (см. с. 87, примеч. 1). Подробности см. в «Истории династий Хань» («Хань шу»), раздел «И вэнь чжи».

VI — 2.

Цзинь 晉 — название древнего владения, которое во времена Кун-цзы разделилось на три, а именно: Хань, Чжао, Вэй. Ко времени Мэн-цзы правитель владения Вэй, провозгласивший себя Хуэй-ваном (см.), замышлял о господстве над соседними двумя владениями, величал свое владение древним названием всех трех владений — Цзинь.

I — 5; IV — 2; VI — 3; VIII — 21; IX — 9; XIV — 23.

Цзоу 鄒 — название города и владения. Первоначально оно называлось Чжулоу. В годы, когда во владении Лу правил Му-гун, город Цзоу выделился и вокруг него образовалось отдельное владение. Предполагают, что оно занимало территорию нын. уезда Цзоусянь в пров. Шаньдун. Родина Мэн-цзы (см. указатель к переводу «Лунь юй»).

I — 7; II — 12; V — 2; XII — 1, 2, 5.

Цзы-Ао 子敖 — см. Ван Хуань.

VII — 24; VIII — 27.

Цзы-Гун 子貢 — он же Дуань-Му, имя Сы. Ученик Кун-цзы, скорбевший больше всех других учеников о смерти своего учителя (см. указатель к переводу «Лунь юй»).

III — 2; V — 4.

Цзы-Ду 子都 — уроженец владения Чжэн, отличался исключительной красотой. Чжэн-Линь Сян-Хэн (автор издания «Сы шу» в 1948 г.) сомневается, был это мужчина или женщина. Ли Бин-ин считает, что это был мужчина (см. с. 143, примеч. 15), а Легт переводит: «... an officer of châng, remarkable for his beauty» (т. 2, инд. II, с. 513а).

XI — 7.

Цзы-Куай 子喙 — правитель владения Янь во времена Мэн-цзы.

IV — 8.

Цзы-Лу 子路 — прозвище ученика Кун-цзы по фамилии Чжун 仲 и имени Ю 由; он отличался прямоотой и резкостью в суждениях (см.: Ли Бин-ин, с. 98, примеч. 11, а также указатель к переводу «Лунь юй»).

III — 1, 8; VI — 7; IX — 8.

Цзы-Мо 子莫 — один из просвещенных и мудрых людей во владении Лу. Существуют разные версии относительно его происхождения. Современный ученый-биограф Ло Гэнь-цзэ в своей книге «Чжу-цзы као со» в разделе «Цзы-Мо као» предполагает, что отождествление его с мудрецом Сюнь-цзы, проповедовавшим взгляды, противоположные учению Мэн-цзы, нельзя считать обоснованным (см. с. 313, примеч. 3 шанхайского изд. «Мэн-цзы» 1960 г.).

XIII — 26.

Цзы-Сы 子思 — (483—402 гг. до н. э.) — внук Кун-цзы, по фамилии Кун 孔 и имени Ци 伋. Был одно время наставником при правителе Мугуне во владении Лу.

IV — 11; VIII — 31; X — 3, 6, 7; XII — 6.

Цзы-Ся 子夏 — носил фамилию Бу 卜, по имени Шан 商, уроженец владения Вэй. Ученик Кун-цзы. Образовал свою школу в Хэси (район западнее реки Хуанхэ).

III — 2; V — 4.

Цзы-Сян 子襄 — ученик Цзэн-цзы. Других данных о нем нет.

III — 2.

Цзы-Чань 子產 — (?—522 гг. до н. э.) — он же Гун-Сунь 公孫, по имени Цяо 橋, имел также прозвище Дунли Цзы-Чань, поскольку был родом из Дунли (точное местонахождение этого пункта не установлено). В течение многих лет был бессменным советником во владении Чжэн и отличался исключительным красноречием (см. указатель к переводу «Лунь юй»).

VIII — 2; IX — 2.

Цзы-Чжан 子張 — см. Цинь Чжан. Кроме того, этим же прозвищем Кун-цзы называл другого ученика, уроженца владения Чэнь, из рода Чжуань-Сунь, по имени Ши (см. указатель к переводу «Лунь юй»).

III — 2; V — 4.

Цзы-Чжи 子之 — главный советник у правителя владения Янь. При нем правитель владения Ци, по имени Сюань-ван, совершил вторжение во владение Янь.

IV — 8.

Цзы-Чжо 子濯 — по имени Жу-цзы 孺子, современник Кун-цзы, полководец во владении Чжэн, имел звание дафу.

VIII — 24.

Цзы Шу-и 子叔疑 — ученик Мэн-цзы (по предположению одного из первых комментаторов книги «Мэн-цзы», а именно: Чжао Ци).

IV — 10.

Цзы-Ю 子游 — по фамилии Янь 言 и по имени Янь 偃. Ученик Кун-цзы (см. указатель к переводу «Лунь юй»).

III — 2; V — 4.

Цзэн Дянь — см. Цзэн Си.

Цзэн Си 曾皙 — отец Цзэн-цзы (см. ученик Кун-цзы, он же известен по имени Цзэн Дянь 曾點 (см. выше)).

VII — 19; XIV — 36, 37.

Цзэн Си 曾西 — отец Цзэн-цзы (Цзэн Шэня), ученик Кун-цзы, дед Цзэн Юаня.

III — 1; XIV — 36, 37.

Цзэн Шэнь 曾參 — см. Цзэн-цзы. У Легга имя транскрибировано Цань (см. инд. II, с. 5126).

VIII — 31.

Цзэн-цзы 曾子 — по имени Шэнь, сын Цзэн Си (см.), ученик Кун-цзы.

II — 12; III — 2; IV — 2; V — 4; VI — 7; VII — 19; VIII — 31; XIV — 36.

Цзэн Юань 曾元 — внук Цзэн Си, сын Цзэн-цзы (Цзэн Шэня) (см.).

VII — 19.

Цзюй-Синь 距心 — градоправитель города Цинлу, сановник-дафу. В китайских комментариях отмечают, что он носил фамилию Кун, но состоял ли в родстве с Кун-цзы, не указывают. Никаких подробностей о его биографии найти не удалось.

IV — 4.

Цзян 江 — река, обычно именуемая европейцами Янцзы, по названию одного из ее плесов. В Китайской Народной Республике ее всю называют «Чан-цзян», т. е. Длинная река.

V — 4; VI — 9.

Цзянские девы 姜女 — девы из племени Цзян. В официальных комментариях: любимые жены Тай-вана, первого верховного правителя племени Чжоу.

II — 5.

Цзяо 交 — имя младшего брата градоправителя города Цао (см. Цао Цзяо).

XII — 2.

Цзяо Гэ 膠鬲 — один из просвещенных людей, живший в последние годы существования государства Инь-Шан. Вэнь-ван, основатель ди-

настии Чжоу, выдвинул его в сановники. У-ван, покоритель тирана Чжоу, воспользовался его советами при походе на государство Инь-Шан.

III — 1; XII — 15.

Ч

Чан Си 長息 — ученик Гун-Мин Гао, служил гонцом у Хуэй-гуна, градоправителя города Би. Предположительно, жил до Мэн-цзы.

IX — 1; X — 3.

Чаою 朝儻 — город, расположенный в юго-восточной части нын. уезда Чжучэн в пров. Шаньдун под горой Ланье, руины этого города сохраняются до сих пор.

II — 4.

Чи-Ва 蚺蛙 — сановник-дафу (судья) во владении Ци. Современник Мэн-цзы.

IV — 5.

Чоу — см. Цзин Чоу.

Чоу — см. Гун-Сунь Чоу.

Чу 楚 — древнее государство, образовавшееся из владения, которое когда-то было пожаловано Чэн-ваном (1115—1091 гг. до н. э.) некоему Сюн И. С течением времени оно окрепло, расширилось и стало угрожать всем другим владениям государства Чжоу. Занимало территорию нын. пров. Хубэй и Хунань, Цзянсу и Цзянси, Чжэцзян, а также южную часть пров. Хэнань. Было завоевано одним из последних владением Цинь.

I — 5, 7; II — 6, 13; IV — 2; V — 1, 4; VI — 5, 6; VIII — 21; IX — 12; XII — 4.

Чу-цзы 儲子 — главный советник правителя владения Ци, современник Мэн-цзы.

VIII — 32; XII — 5.

Чуйцзи 垂棘 — местность во владении Цинь, точное нахождение которой в китайских комментариях к книге «Мэн-цзы» не установлено.

IX — 9.

Чун 崇 — город, местонахождение которого китайские комментарии к книге «Мэн-цзы» обходят молчанием.

IV — 14.

Чуншань 崇山 — гора, находящаяся в нын. уезде Ли'ян в пров. Хунань. По более современным данным — название горной местности и горы того же названия в 75 км южнее города Ли'ян. В новом издании Мэн-цзы 1960 г. вместо «Ли'ян» ошибочно указан «Чэньян», которого, по словарям «Цы хай» и «Цы юань», в данной местности нет совсем (см. «Мэн-цзы и Чжу», с. 214, примеч. 2).

IX — 3.

Чун-Юй 充虞 — ученик Мэн-цзы. Биографические сведения о нем в китайских комментариях к книге «Мэн-цзы» не приводятся.

IV — 7, 13.

«Чунь-цю» 春秋 — букв.: «Весны и осени». Название летописи, составление которой приписывается Кун-цы. Входит в «Пятикнижие» («У-цзин»). Так же обозначается период истории Китая с 770 по 403 г. до н. э. по данным проф. Шан Юэ в его «Очерках истории Китая».

VI — 9; XIV — 2.

Чунь-Юй Кунь 淳于髡 — приемный зять правителя владения Ци. Отличался большой осведомленностью во многих государственных делах и исключительной памятью. Кроме того, он был весьма изощрен в диспутах. Когда правитель владения Чу напал на владение Ци, Чунь-Юй Кунь заручился поддержкой соседнего владения Чжао, сотысячное войско которого преградило путь врагам. Когда правитель Вэй-ван во владении Ци предавался разгульному образу жизни, Чунь-Юй Кунь усовестил его и прекратил оргии.

VII — 17; XII — 6.

Чэн Гань 成闳 — он же Чэн Цзянь, Чэн Цзинь или Чэн Цинь — знаменитый храбрец во владении Ци, современник Мэн-цы.

V — 1.

Чэн Тан — см. Тан.

Чэнь Цянь — владетельный князь-хоу. В шанхайском издании книги «Мэн-цы» 1960 г. дано отдельное примечание (№ 10 на с. 229), со ссылками на «Исторические записки» («Ши цзи») и комментарий Цзо Цюмина к летописи «Весны и осени», из которых трудно установить значение знака «хоу»: то ли он относится к фамилии, то ли обозначает титул (князь). В переложении текста на разговорный китайский язык допущена вольность: сказано, что Кун-цы будто бы стал слугою Чэнь-хоу Чжоу 陳侯周 (с. 228), что не согласуется ни с текстом, ни с биографией Кун-цы. При проверке найти данные о Чэнь-хоу Чжоу нигде не удалось, а потому в переводе Чэнь и Чжоу даны раздельно.

IX — 8.

Чэнь Цянь — владение во времена «Чунь-цю» (770—403 г. до н. э.), оно занимало пределы нын. уезда Хуайян в пров. Хэнань.

IX — 8; XIV — 18, 37.

Чэнь Дай 陳代 — ученик Мэн-цы. Других сведений о нем найти не удалось.

VI — 1.

Чэнь Лян 陳良 — мудрец и учитель, родился во владении Чу, а всю свою жизнь провел во владении Сун; никаких данных о нем и о сущности его учения в китайских комментариях к книге «Мэн-цы» не приводится. В словарях «Цы юань» и «Цы хай» сказано, что Мэн-цы очень уважал его за то, что он придерживался принципов Чжоу-гуна и Чжун-Ни (т. е. Кун-цы).

V — 4.

Чэнь Синь 陳辛 — младший брат Чэнь Сяня (см.).

V — 4.

Чэнь Сян 陳相 — ученик Чэнь Ляна. Он и его брат (Чэнь Синь) считались любознательными людьми во владении Чу, так как они интересовались учениями разных направлений.

V — 4.

Чэнь-цзы 陳子 — он же Чэнь Чжэнь (см.).

IV — 10; XII — 14; XIV — 23.

Чэнь Цзя 陳賈 — сановник-дафу во владении Ци, современник Мэн-цзы.

IV — 9.

Чэнь Чжун-цзы 陳仲子 — (350—260 гг. до н. э.) — известен также по имени Цзы-Чжун, уроженец владения Ци, современник Мэн-цзы. Старший брат его, Дай, занимал должность придворного сановника-цин при правителе владения Ци и получал жалованье в размере одного «вань» (ста сотен, т. е. 10 000) «чжун» зерна. Чэнь Чжун-цзы считал несправедливым такое огромное жалованье и в знак протеста покинул родину, поселившись во владении Чу в маленьком городке Улинь. Услышав о нем, правитель владения Чу пожелал сделать его своим советником тоже за большое жалованье, но Чэнь Чжун-цзы по совету жены отверг это предложение и бежал из владения Чу.

VI — 10; XIII — 34.

Чэнь Чжэнь 陳臻 — см. также Чэнь-цзы. Один из дотошных учеников Мэн-цзы. Других данных о нем нет.

IV — 3; XIV — 23.

Чж

Чжан И 張儀 (?—310 гг. до н. э.) — уроженец владения Вэй. В детстве учился вместе с Су Цинем. Впоследствии Су Цинь возвысился и стал главным советником во владении Чжао. Чжан И направился к нему навестить его, но Су Цинь отказался от свидания. Тогда Чжан И отправился во владение Цинь и там получил место советника при правителе Хуэй-ване. Он объездил шесть владений и отговорил их правителей от коалиции, которую предлагал создать Су Цинь в меридиональном направлении. Ему удалось создать союз правителей владений, расположенных в зональном (поперечном) направлении, служивший интересам владения Цинь. За это ему было дано прозвище «У синь цзюнь» («Добропорядочный муж, верящий в силу оружия»). После смерти Хуэй-вана правителем владения Цинь стал У-ван, приближенные которого оклеветали Чжан И, и он, вынужденный покинуть владение Цинь, перешел на сторону владения Вэй, где в течение года был главным советником правителя.

VI — 2.

Чжан-цзы 章子 — см. Куан Чжан.

VIII — 30.

Чжао Мэн 趙孟 — главный советник правителя владения Цзинь. Других данных о нем нет.

XI — 17.

Чжао Цзянь-цзы 趙簡子 — он же Чжао Ян, сановник-дафу во владении Цзинь. С 497 г. до н. э. он был фактически правителем всего этого владения.

VI — 1.

Чжи (Чжэ) 跖 (盜跖) — (букв.: «разбойник Чжи») — прозвище старшего брата Лю-Ся Хуэя (см.). Никаких подробностей о нем не сообщается. В книге «Чжуан-цзы» имеется глава, посвященная Чжи, в которой описываются его похождения.

VI — 10; XIII — 25.

Чжоу 周 — династия, основателем которой считают У-вана из рода Ци (1134—1120 гг. до н. э.). У-ван совершил успешный поход против правителя Чжоу-Синя, последнего правителя государства и династии Инь-Шан. Новое государство, которое значительно расширилось, получило название Чжоу. Столица его первоначально была в окрестностях нын. города Си'ань (Чан'ань) в пров. Шаньси. В VIII в. до н. э. столица была перенесена в Лоян из-за набегов разных кочевников, преимущественно с северо-запада. Ослабление государства «Восточное Чжоу» (Дун Чжоу), как оно стало называться после перенесения столицы, усугублялось внутренней борьбой между владетельными князьями за гегемонию. В 221 г. до н. э. династия Чжоу пала, просуществовав 867 лет (подробности см. в «Очерках истории Китая», на рус. яз., под ред. проф. Шан Юэ).

II — 3; III — 1; IV — 13; V — 3; VI — 5; VII — 7; IX — 4, 6; X — 2, 4, 7.

Чжоу 紂 — правитель государства Инь-Шан, вошедший в историю как тиран и деспот. В нашей китаеведной литературе известен также как Чжоу-Синь. Его биография изложена в «Исторических записках» («Ши цзи»), раздел «Инь бэнь цзи».

II — 8; III — 1; VI — 9; VII — 9, 13; IX — 6; X — 1; XI — 6; XIII — 22.

Чжоу 周 — предположительно имя наследника — сына правителя владения Чэнь, известного также над названием Хунь-гун. Поскольку эти сведения недостаточно обоснованы, в переводе дано значение, связанное с династией Чжоу.

IX — 8.

Чжоу 晝 — город во владении Ци, который находился в северо-западной части нын. уезда Линьцзы в пров. Шаньдун. В официальных китайских комментариях предлагается произносить Хуо (Ху), вместо Чжоу, но никаких оснований не приводится.

IV — 11, 12.

Чжоу-гун 周公 — иногда встречается под именем Дань («Утро»). Родовое прозвание Ци. Сын Вэнь-вана и младший брат У-вана. Первый официальный правитель всего государства Чжоу (1122—221 гг. до н. э.), но на правах регента. Был главным советником старшего брата У-вана во время его похода против Чжоу-Синя, последнего правителя государства Инь-Шан. При Чжоу-гуне были введены новые обряды совершеннолетия, бракосочетания и похорон.

III — 1; IV — 3; V — 1, 4; VI — 9; VIII — 20; IX — 6; XII — 8 (здесь дан намек на него).

- Чжоу-Синь — см. Чжоу (2).
- Чжоу Сяо 周霄 — уроженец владения Вэй, современник Мэн-цзы.
VI — 3.
- Чжоу У-ван — см. У-ван.
- Чжуан Бао 莊暴 — один из сановников при Сюань-ване, правителе владения Ци. Судя по тексту, он не отличался большим умом.
II — 1.
- Чжуаньюэ 莊嶽 — название городского квартала в главном городе владения Ци, который находился в северной части нын. уездного города Линьцзы в пров. Шаньдун.
VI — 6.
- Чжуаньфу 轉附 — название места, предположительно в районе нын. города Яньтай (Чифу) в пров. Шаньдун, там же находится гора того же названия.
II — 4.
- Чжун-Жэнь 仲壬 — младший брат Тай-Дина. Вступил на престол после Вай-Бина.
IX — 6.
- Чжун-Ни 仲尼 — имя Кун-цзы.
I — 4, 7; V — 4; VIII — 10, 18; IX — 6.
- Чжупин 諸馮 — город, в котором родился Шунь. Точное местонахождение не указано.
VIII — 1.
- Чжэ — он же Чжи (см.).
- Чжэн 鄭 — владение, которое во времена Кун-цзы находилось в пределах нын. пров. Хэнань. Ко времени Мэн-цзы пришло в упадок и было затем поглощено соседним владением Хань.
VIII — 2, 24; IX — 2; XIV — 37.
- Чжэнь 潏 — река, истоки которой текут из долины Шэньшуй-юй на северо-востоке нын. уезда Мисянь в пров. Хэнань.
VIII — 2.
- Чжэнь-цзы 貞子 — один из просвещенных сановников-дафу во владении Сун. Современник Кун-цзы.
IX — 8.

Ш

Шан 商 — династия и государство, которое образовалось после падения династии и государства Ся в 1766 г. до н. э. Основателем династии считают Чэн Тана. Оно занимало территорию между реками Хуанхэ и Чанцзян (Янцзы), а также западную часть нын. пров. Ляонин. Первоначально столица этого государства была вблизи нын. уездного города Шанцю в пров. Хэнань, ко времени правления Пань-Гэна (1401—1388 гг. до н. э.) в силу внутренних и внешних неурядиц, столица была перенесена в город Инь (нын. уездный город Яньши в той же провинции), что повлекло и переименова-

ние династии в Инь, отсюда и принятое в истории составное наименование: Инь-Шан.

VII — 7.

Ши 士 — см. Инь Ши.

IV — 12.

Ши Куан 師曠 — букв.: «наставник Куан» — знаменитый музыкант и композитор, современник Кун-цзы. Служил при дворе Пин-гуна, правителя владения Цзинь.

VII — 1, XI — 7.

Ши-цзы 時子 — один из сановников владения Ци, на обязанности которого было осведомлять правителя о всех необычных делах и происшествиях.

IV — 10.

Шицю 石丘 — небольшой город во владении Сун. Предполагают, что он находился в пределах нын. пров. Хэнань. Точные данные в китайских комментариях не приводятся.

XII — 4.

Шу 舒 — название племени и владения, находившегося вблизи владения Чу. Точных данных о его местонахождении в комментариях к книге «Мэн-цзы» нет.

V — 4; VI — 9.

Шунь 舜 — имя легендарного правителя Древнего Китая, получившего бразды правления от прославленного Яо (см.). Даты его жизни и смерти принято относить к 2255—2206 гг. до н. э. Обычно Шунь упоминается вместе с Яо — как два прообраза достойных правителей, заслуживающих подражания. В преданиях также говорится, что Яо для узаконения передачи престола Шуню отдал за него двух своих дочерей.

III — 2, 8; IV — 2; V — 1, 4; VI — 4, 9; VII — 1, 2, 24, 28; VIII — 1, 19, 28, 32; IX — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7; X — 1, 3, 6; XII — 2, 3, 8, 10, 15; XIII — 16, 25, 30, 35, 46; XIV — 6, 33, 37, 38.

«Шэн» 乘 — «Колесо истории» — летопись владения Цзинь, о существовании которой сообщается устами Мэн-цзы.

VIII — 21.

Шэнь-Нун 神農 — букв.: «Чудодейственный земледelec», один из первых легендарных правителей Поднебесной, правивший якобы 140 лет в XXVII—XXVI вв. до н. э. В народных легендах считается изобретателем сохи и бороны. Его же именуют «Янь ди» (царь Пламени), поскольку он воспользовался огнем вулкана и научил людей пользоваться этим огнем. Разбирая разные травы и растения, он установил их пользу для врачевания болезней. При нем впервые начался товарообмен и образовались рынки. Ли Бин-ин предполагает, что Шэнь-Нун происходил из племени Цян, которое проживало в центральной части тогдашнего Китая (см. «Мэн-цзы вэнь сюань» 1957 г., с. 79, примеч. 1).

V — 4.

Шэнь Сян 申祥 — (475—405 гг. до н. э.) — сын Шэнь Чжана, т. е. Цзы-Чжана, ученика Кун-цзы. По утверждению Чжу Си, составителя

книги «Сы шу» («Четверокнижия»), правитель владения Лу, по имени Му-гун, ставил Шэнь Сяна не ниже Цзы-Сы, внука Кун-цзы. Об этом сказано в шанхайском издании книги «Мэн-цзы» 1960 г. (см. с. 107, примеч. 8).

IV — 11.

Шэнь Тун 沈同 — один из сановников во владении Ци. Других сведений о нем нет.

IV — 8.

Шэнь-цзы 慎子 — сановник во владении Лу, современник Мэн-цзы, известен по фамилии Цинь, по имени Хуа-Ли. Ему принадлежит инициатива похода на владение Ци. Он разработал план взятия столичного города Наньяна (находился в нын. уезде Цзоусян пров. Шаньдун).

XII — 8.

Шэнь-Ю 沈猶 — родовой (знатный) дом во владении Лу. Чжу Си в своих комментариях утверждает, что у него были стада мелкого рогатого скота, для которого требовалось заготавливать сено на зиму. В шанхайском издании 1960 г. принят комментарий Чжао Ци, по которому пара иероглифов, обозначающих «носильщика травы», рассматривается как собственное имя человека, враждовавшего с Шэнь-Ю (см. с. 202, 203, примеч. 4 и 5).

VIII — 31.

Шэнь-Ю Син 沈猶行 — ученик Цзэн Шэня (т. е. Цзэн-цзы). Других сведений о нем нет.

VIII — 31.

Ю

Ю 由 — имя Цзы-Лу (см.). Он же Чжун Ю, ученик Кун-цзы.

VI — 7.

Ю 攸 — название владения, точное местонахождение которого не установлено. В прежних изданиях «Мэн-цзы» о существовании этого владения вовсе не упоминалось ни в одном комментарии. По утверждению авторов шанхайского издания 1960 г., оно было открыто при расшифровке древнейших надписей Иньского периода на костях животных, панцирях черепах и на бронзовых сосудах (см. с. 150, примеч. 8).

VI — 5.

Юби 有庳 — владение, находившееся в пределах нын. уездов Дуньянь и Гаосянь в северной части пров. Хунань.

IX — 3.

Ю-ван 幽王 — (781—771 гг. до н. э.) — сын Сюань-вана, правитель государства Чжоу. Получил прозвище «Ю» («Мрачный»). Летопись «Чунь-цю» ведется с последнего года его мрачного правления. По преданию, он был увлечен красавицей Бао Сы и пал от руки льстивого царедворца. По другой версии, помещенной в словаре «Цы юань», Ю-ван всячески пытался рассмешить свою красавицу

Бао Сы, но безуспешно. Как-то он вздумал устроить ложную тревогу по всему государству. Когда по сигнальным огням, зажженным во всех округах, явились владетельные князья со своими дружинами и, узнав от Ю-вана, что тревога была ложной, начали каждый по-своему выражать свои чувства, красавица Бао Сы вдруг громко расхохоталась, к великой радости Ю-вана. Но вот наступило время, когда была объявлена тревога в самом деле, так как появились дикие орды кочевников. Никто из владетельных князей не явился по сигналу, и столица Ю-вана была уничтожена. Сыну Ю-вана удалось бежать на восток в город Лоян, где он в 770 г. до н. э. основал новую столицу государства Чжоу, вступив на престол под именем Пин-вана. С этого времени начался период Восточной Чжоуской династии. В шанхайском издании книги «Мэн-цзы и чжу» 1960 г. даны источники (см. с. 166, примеч. 3).

XI — 6.

Ю Жо 有若 — он же Цзы-Ю, видный ученик Кун-цзы, уроженец владения Лу (см. указатель к переводу «Лунь юй»).

III — 2.

Юй — он же Чун Юй (см.), ученик Мэн-цзы.

Юй 禹 — основатель династии Ся (2205—1767 гг. до н. э.). Прославился своей умелой борьбой с небывалым наводнением, грозившим затопить всю великую равнину Китая (см. шанхайское изд. «Мэн-цзы» 1960 г., с. 83, примеч. 1).

III — 8; V — 4; VI — 9; VIII — 20, 25, 29; IX — 4, 6; XII — 11; XIV — 22, 38.

Юй 虞 — владение, в котором когда-то жили предки Шуня. Оно находилось на северо-востоке нын. уезда Пинлу в пров. Шаньси. Часто обозначает по метонимии самого Шуня (см.).

IX — 9; XII — 6.

Юй-гун 虞公 — правитель владения Юй, уроженцем которого был Шунь (см. выше).

IX — 9.

Юй-гун Чжи-Сы 庚公之斯 — полководец во владении Вэй. Других данных о нем не найдено.

VIII — 24.

Юйшань 羽山 — гора, находящаяся в нын. уезде Таньсянь пров. Шаньдун на стыке ее с юго-западной частью уездов Юйсянь и Ганьсянь в пров. Цзянсу. По версии, приведенной в шанхайском издании 1960 г. (с. 214, примеч. 3), название горной местности в 30 ли юго-восточнее нын. уездного города Пэнлай в пров. Шаньдун.

IX — 3.

Юн Цюй 癘疽 — он же Юн Цзюй, один из любимцев (фаворитов) правителя владения Вэй, по имени Лин-гун. Некоторые комментаторы полагают, что речь идет о лекаре, исцеляющем от вередов, что и отражено в переводе этого места.

IX — 8.

Ючжоу 幽州 — далекая область, находившаяся в пределах нын. пров. Ляонин, начиная с северной части пров. Хэбэй.

IX — 3.

Юшэнь 有辛 — название страны (пустоши?), находившейся в северной части нын. уезда Цаосянь пров. Шаньдун. Ли Бин-ин считает, что Юшэнь — самостоятельное владение, находившееся в нын. уезде Чэньлю пров. Хэнань (см. «Мэн-цзы вэнь сюань», с. 134, примеч. 2).

IX — 7.

Юэ 越 — (возможно, Юйюэ или Уюэ (?)) — страна, в которой было пожаловано несколько владений побочным сыновьям Шао-Кана, правителя Поднебесной династии Ся. Предполагают, что эта страна занимала территорию, начиная с нын. уезда Хансянь (с южной части) в пров. Чжэцзян до берегов океана. В годы Кун-цзы правитель этой страны Гоу-Цзянь покорил владение У и присоединил его к своим землям, но впоследствии сам был уничтожен правителем владения Чу.

VIII — 31; XII — 3.

Юэ-Чжэн Цю 樂正葵 — двойная фамилия Юэ-Чжэн происходит от древнего чина, ведавшего делами музыки; имя Цю означает «Шуба». Биографических сведений в комментариях к книге «Мэн-цзы» не приводится. Можно предположить, что этот скромный человек, ничем не прославившийся, кроме дружбы с сановником Мэн Сянь-цзы, состоял в родстве с Юэ Чжэн-цзы. В шанхайском издании 1960 г. сказано, что он и Му Чжун, вместе с Мэн Сянь-цзы, занимали четвертый ранг (см. с. 239, примеч. 3). В одном из прежних частных изданий предлагается произносить Лэ-Чжэн Цю, но подтверждений нет ни в одном из официальных изданий времен династии Цин.

X — 3.

Юэ Чжэн-цзы 樂正子 — по имени Кэ, ученик Мэн-цзы, служил при дворе правителя владения Лу. Биографических сведений о нем найти не удалось.

II — 16; VII — 24; XII — 13; XIV — 25.

Я

Ян Хо 陽貨 — он же Ян Ху, сановник-дафу во владении Лу, современник Кун-цзы. В книге «Лунь юй» прежних изданий ему уделено особое внимание (см. Ян Бо-цзюнь, «Лунь юй и чжу», с. 187 и далее).

VI — 7.

Ян Ху 陽虎 — см. Ян Хо.

V — 3.

Ян-цзы 楊子 — он же Ян Чжу (см.).

XIII — 26.

Янчэн 陽城 — город, расположенный в юго-восточной части нын. уезда Дэн-фэн пров. Хэнань.

IX — 6.

Ян Чжу 楊朱 — он же Ян-цы. Точных дат жизни и смерти нет. Предполагают, что этот древний китайский мудрец, сопоставимый с эгоцентристами и солипсистами античной Греции, жил значительно раньше Мэн-цы, но позже Кун-цы. Его учение частично изложено в книге «Ле-цы», оно прямо противоположно альтруистической доктрине Мо Ди (см.).

VI — 9; XIV — 26.

Янь 燕 — владение, которое при основании государства Чжоу было пожаловано Шао-гуну, по имени Ши. Та часть названного владения, которая была расположена в пределах нын. уезда Дасин в пров. Хэбэй, известна в истории под названием Северная Янь, а другая — Южная Янь, находилась в западной части нын. уезда Цзисянь в пров. Хэнань. В 222 г. до н. э. обе части этого владения были уничтожены правителем владения Цинь. В 314 г. до н. э. Сюаньван, правитель владения Ци, занимал своими войсками главные города владения Янь в течение трех лет. Поводом к оккупации послужили интриги владетельных князей других владений, пытавшихся втянуть владение Янь в коалицию против владения Ци. Заручившись поддержкой у Лин-вана, правителя владения Чжао, коренное население во владении Янь подняло восстание и возвело его своим правителем. Ему удалось принудить правителя владения Ци вывести войска из оккупированных городов владения Янь (см. комментарии к книге «Чжань го цэ»).

II — 10, 11; IV — 8, 9.

Янь 菴 — небольшое владение в восточной части нын. уезда Цюйфу, а именно Яньли в пров. Шаньдун. Это владение оказывало постоянную помощь тирану Чжоу-Синю во всех его злодеяниях.

VI — 9.

Янь Бань 顏般 — в современных китайских изданиях книги «Мэн-цы» не дается никаких сведений. Легт полагает, что это сын Янь Юаня, любимого ученика Кун-цы. В шанхайском издании «Мэн-цы» 1960 г. высказывается предположение, что вместо иероглифа с чтением «Бань» следует подставить иероглиф с чтением «Гань», без всяких к тому обоснований (см. словарь к книге «Мэн-цы и чжу», т. 2, разд. в 18 черт, с. 476, а также с. 239, примеч. 5).

X — 3.

Янь Ин — см. Ян-цы.

Янь Хуэй 顏回 — любимый ученик Кун-цы, он же Янь Юань, умер 32 лет от роду. Безвременная смерть его весьма опечалила учителя, и он постоянно горевал о нем.

VIII — 29.

Янь-цы 晏子 — он же Янь Ин 晏嬰, ученик Кун-цы. Главный советник при Цзин-гуне, правителе владения Ци. Отличался большими дипломатическими и ораторскими способностями (см. указатель к переводу «Лунь юй»).

II — 4; III — 1.

Янь-цзы 顏子 — см. Янь Хуэй и Янь Юань.

VIII — 29.

Янь Чоу-Ю 顏韙由 — один из просвещенных сановников-дафу во владении Вэй, современник Мэн-цзы. В «Исторических записках» («Ши цзи») назван Янь Чжо-Цзоу. Стремясь определить точное наименование этого лица, китайские комментаторы упустили из виду более существенное: данные о его биографии (см. шанхайское изд. «Мэн-цзы» 1960 г., с. 228, примеч. 3).

IX — 8.

Янь Юань 顏淵 — известен также под именами Янь Хуэй, Янь-цзы и по имени Хуэй. Любимый ученик Кун-цзы.

III — 2; V — 1.

Яо 堯 — правитель Древнего Китая, наделенный эпитетом «Источающий доблесть». Кун-цзы с особым пафосом восхвалял все его качества (см. указатель к переводу книги «Лунь юй»). Биографические сведения о нем изложены в «Исторических записках» («Ши цзи»), раздел «У ди бэнь-цзи».

III — 2; IV — 2; V — 1, 4; VI — 4, 9; VII — 1, 2; VIII — 32; IX — 4, 5, 7; X — 1, 6; XI — 6; XII — 2, 8, 10; XII — 30, 46; XIV — 33, 37, 38.

**СПИСОК
КИТАЙСКИХ ИЗДАНИЙ «МЭН-ЦЗЫ»,
ХРАНЯЩИХСЯ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ АЗИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР***

1. 孟子 Эстампаж стел из Си-ань-фу, кол. В. М. Алексеева, X, 9.
2. 孟子 см. 圖書集成, XXI, 237—292.
3. 孟子 см. 四部備要 изд. 中華書局 010; К $\frac{Л}{452}$.
4. 孟子 см. 朱熹集註 кол. Ивановского, 28, кн. 5—6. С. 244.
5. 孟子 Мэн-цзы, т. XXIV. Собрание классических книг (24 т. 184 бэнь), в дерев. ящиках, из кол. Броссэ. Наньчжанфу. 1816 г. $29\frac{1}{4} \times 17\frac{1}{4}$. На белой бумаге. Е. 14.
6. 孟子 Мэн-цзы, т. XXIV. Собрание классических книг (24 т. 184 бэнь). Из кол. Броссэ. Наньчжанфу, 1816 г. $26\frac{1}{2} \times 17$. На желтой бумаге. Е. 14.
7. 孟子 Цз. 4—5. Из кол. Аз. Деп. Е. 779.
8. 孟子白話解說 Кол. О, 1925, № 229, кн. 9—14. С. 572.
9. 孟子高氏學 Кол. Саоие, 26, IV, 52. Д. 700.
10. 孟子古注 Кол. Саоие, 63, кн. 44—45. Д. 712.
11. 孟子古注擇從 Кол. Саоие, 26, кн. IV, 52. Д. 700.
12. 孟子平議 Кол. Саоие, 25, кн. I, 15. Д. 700.
13. 孟子恆解 Кол. О, 1925, № 228, кн. 6—8. Е. 759.
14. 孟子雜記 Кол. Саоие, 24, кн. II, 42. Д. 699.
15. 孟子集註箋義 Кол. Дмитриевского, 104, кн. 16 и Аз. Деп. 919, кн. IV, 2.
В $\frac{158}{И}$, Е. 449.
16. 孟子續義內外篇 Кол. Саоие, 26, кн. IV, 53. Д. 700.
17. 孟子字義疏證 Кол. О, 1925, № 70. Е. 754.
18. 孟子字義疏證 (Источник не указан). Д. 923.
19. 孟子七篇。諸國年表 Кол. Саоие, 61, кн. 4. Е. 711.
20. 孟子托記 Кол. Саоие, кн. 19, 16. В. 214.

* Ныне Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН. —
Примеч. ред.

21. 孟子章句 Кол. Саоие, 126, кн. I, 1. Д. 722.
22. 孟子正義 Кол. Саоие, 19, кн. 10—15. В. 214.
23. 孟子十四卷 А. XII, 1—3, К $\frac{K}{97}$.
24. 孟子時事略 Кол. Эр. 70, кн. 12, 6. Е. 658.
25. 孟子說 Кол. Саоие, 26, кн. X, 146. Д. 700.
26. 孟子游歷考 Кол. Саоие, 114, кн. IX, 6. Д. 719.
27. 孟子養氣章 Кол. Саоие, 125, кн. 6. Д. 721.
28. 孟子要略 Кол. Саоие, 24, кн. II, 43. Д. 720.
29. 續孟子 см. 伸蒙續孟子.
30. 伸蒙續孟子 Кол. Дмитревского, 7, X, 1. В. 143, X, 1.
31. 繪圖四書速成孟子 Кол. Инь, 1924, № 987. Д. 793.
32. 增補蘇批孟子 Кол. Медвед. 21. С. 272.
33. 復宋蜀大字本孟子音義二卷 (без указания ист.). Д. 188, II.
34. 讀孟子界說 из сер. 乙丑重編飲冰室文集.
35. 日本復宋本音注孟子十四卷 (без указания ист.). Д. 188, II.
36. 論孟書法 Кол. О. 1929, № 112. Е. 688.
37. 皇清賈尚書補石經孟子詩 Вторая коллекция эстампажей В. М. Алексева,
№ 12. К $\frac{K}{260}$.
38. 皇元 (加封孟子) 聖制 Вторая коллекция эстампажей В. М. Алексева,
№ 19.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава первая. Лянский ван Хуэй. Часть первая (7 статей)	15
Глава вторая. Лянский ван Хуэй. Часть вторая (16 статей)	28
Глава третья. Гун-Сунь Чоу. Часть первая (9 статей)	44
Глава четвертая. Гун-Сунь Чоу. Часть вторая (14 статей)	59
Глава пятая. Тэнский Вэнь-гун. Часть первая (5 ста- тей)	73
Глава шестая. Тэнский Вэнь-гун. Часть вторая (10 статей)	88
Глава седьмая. Ли Лоу. Часть первая (28 статей) . . .	102
Глава восьмая. Ли Лоу. Часть вторая (33 статьи) . . .	116
Глава девятая. Вань Чжан. Часть первая (9 статей)	129
Глава десятая. Вань Чжан. Часть вторая (9 статей)	143
Глава одиннадцатая. Гао-цзы. Часть первая (20 статей)	156
Глава двенадцатая. Гао-цзы. Часть вторая (16 ста- тей)	171
Глава тринадцатая. «Всем сердцем...». Часть пер- вая (46 статей)	186
Глава четырнадцатая. «Всем сердцем...». Часть вторая (38 статей)	200
Указатель собственных имен и географических названий	214
Список китайских изданий «Мэн-цзы», хранящихся в Ленин- градском отделении Института народов Азии Академии наук СССР.	262

серия
«Памятники культуры Востока»
Выпуск XII

Мэн-цзы

Предисловие Л. Н. Меньшикова
Перевод с китайского, указатели В. С. Колоколова

Литературно-художественное издание

ISBN 5-85803-136-6

Набор — *Т. В. Чудинова*
Научный редактор — *Л. Н. Меньшиков*
Корректор — *Н. В. Пивоварёнок*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова, Л. Гохман*
Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

ЛР № 65555 от 05.12.97
Издательство «Петербургское Востоковедение»

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
✉ *Для корреспонденции:*
198152, Санкт-Петербург, а/я 111

Подписано в печать 11.10.99. Формат 60×88¹/₁₆.
Гарнитура основного текста «Таймс».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 17 п. л.
Тираж 1500 экз.
Заказ № 3544

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.

Книжная серия

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ®

ВОСТОКА

Серия «Памятники культуры Востока» отмечена дипломом Ассоциации книгоиздателей (АСКИ)

Серия «Памятники культуры Востока» образована в 1993 году и призвана представить российскому читателю произведения древней и средневековой словесности Востока — от древнего Китая до древней Индии — во всем их культурном своеобразии, для чего каждое издаваемое произведение сопровождается оригинальными графическими материалами (гравюрами, ксилографиями, прорисовками, факсимильным воспроизведением редчайших страниц древних манускриптов), а также оригинальными восточными шрифтами, будь то китайская иероглифика, японское слоговое письмо или арабская вязь. Мы надеемся, что эти элементы оформления книг не отпугивают неподготовленного читателя, но напротив — побуждают его к чтению, делают чужую культуру ближе и понятнее. Этой же цели способствуют предисловия и комментарии ведущих специалистов-востоковедов. К 1998 году в серии увидели свет первые восемь томов.

Все книги выходят в серийном оформлении, в твердой обложке с тиснением золотой фольгой, с черно-белыми и цветными иллюстрациями.

В СЕРИИ ВЫШЛИ КНИГИ:

Том I. Чжан Бо-дуань. Главы о прозрении истины (У чжэнь пянь). Предисловие, перевод с китайского и комментарии Е. А. Торчинова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. 346 с. ISBN 5-85803-010-6

«Главы о прозрении истины» представляют собой фундаментальный текст XI в., трактат в стихах, посвященный методологии, теории и практике даосской «внутренней алхимии» (*нэй дань*). Внутренняя алхимия, называемая часто также даосской йогой, представляет собой сложный комплекс психофизических упражнений, направленных на достижение конечной цели даосской религии — бессмертия, совершенства и единения со всем сущим. Настоящее издание включает в себя первый полный перевод на русский язык текста «Глав о прозрении истины», сопровождающийся подробным терминологическим и религиоведческим комментарием, а также исследование даосского учения о бессмертии и путях его достижения. Книга богато иллюстрирована гравюрами к ксилографическому изданию «Дао цзана».

Чжан Бо-дуань

悟
眞
篇

Главы
о прозрении
истины

Том II. Митицуна-но хаха. Дневник эфемерной жизни (Кагэрё никки). Предисловие, перевод с японского и комментарии В. Н. Горегляда. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. 352 с. ISBN 5-85803-031-9.

В эпоху Хэйан (IX—XII вв.) лучшие произведения японской литературы были написаны женщинами. Они писали стихи, эссе, повести и даже романы. Отсюда, наверное, необыкновенный лирический характер японской средневековой прозы, особенно проявившийся в жанре, по традиции именуемом японцами дневниками (*никки*). Это — «заметки обо всем, что прошло перед глазами и взволновало сердце».

Один из первых дневников такого рода был написан знатной японской дамой, известной под именем Дочь Томоясу, или же Мать Митицуна, по имени ее единственного сына, так любовно описанного в дневнике. Произведение Дочери Томоясу охватывает двадцать один год (954—974). Настоящее издание включает в себя первый полный перевод «Дневника эфемерной жизни», японского памятника X века.

Митицуна-но хаха

か
が
ら
の
に
き

Дневник
эфемерной
жизни

Том III. Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи). Предисловие, перевод с древнекитайского, примечания и словарь-указатель Л. Н. Меньшикова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. 576 с. ISBN 5-85803-036-X

Книга Гань Бао (III—IV вв.) «Записки о поисках духов» — один из древнейших и известнейших памятников китайской словесности, повествующих о том, «о чем не говорил Конфуций» — то есть о разнообразнейшей нечисти: об удивительных существах, о животных и растениях-оборотнях, о зловедных бесах, о душах умерших, о чудесных предметах и находках, которые не всегда приносят счастье тем, кому выпадет встретиться с ними.

Обитатели потустороннего мира проникают в мир людей охотно; особенно часто — души умерших, обеспокоенные состоянием дел дома (или состоянием своего захоронения). Иных влечет в мир людей любовь, не осуществившаяся при жизни. Иных влекут таланты живых, иные появляются с грозным предупреждением, иные просто пугают.

Сам Гань Бао в предисловии к своему сочинению написал: «Буду счастлив, если грядущие добродетельные мужи, выписав отсюда самое существенное, найдут, чем развлечь ум и занять взор, и не отнесутся ко мне с презрением».

Гань Бао

搜
神
記

Записки
о поисках
духов

В СЕРИИ ВЫШЛИ КНИГИ:

Том IV. Тамэнага Сюнсей. Сливовый календарь любви (Сюнсеку умэгоэми). Предисловие, перевод с японского, примечания и указатель И. В. Мельниковой. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. 288 с. ISBN 5-85803-038-6

Книга Тамэнага Сюнсей «Сливовый календарь любви» — один из лучших образцов в жанре *ниндзёбон* («повесть о чувствах») — была отпечатана в 1832 году и сразу завоевала признание японских читателей, особенно читательниц. А уже в 1842 году книги *ниндзёбон* были запрещены как безнравственные...

Действие книги разворачивается в Эдо, столице тогдашней Японии, — городе, знаменитом своими веселыми кварталами. Высокородные господа и простолюдины, гейши высшего ранга и обыкновенные женщины... — всех их объединяет любовь, пробуждающаяся с наступлением весны, начинающаяся с цветения сливы у окна. Повесть изобилует мастерски написанными жанровыми сценками из городской жизни старого Эдо.

Произведение жанра *ниндзёбон* публикуется на русском языке впервые.

Том V. Ибн ал-Араби. Мекканские откровения (ал-Футухат ал-маккия). Введение, перевод с арабского, примечания и библиография А. Д. Кышша. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1995. 288 с. ISBN 5-85803-040-8

Русскому читателю впервые предлагаются избранные переводы из наследия Мухйи ад-Дина Мухаммада Ибн ал-Араби (1165—1240), выдающегося мыслителя мусульманского средневековья. Представленные труды знакомят с учением «Величайшего Учителя» (аш-Шайх ал-Ахбар) о Человеке, с метафизикой и мистическим (суфийским) мировосприятием, оказавшим огромное влияние на философов Востока и Запада.

Настоящее издание включает в себя переводы избранных трактатов Ибн ал-Араби (и в том числе одной главы из «Мекканских откровений» — важнейшего и итогового произведения

Учителя), публикуемых на русском языке впервые. Переводы снабжены комменториями и предварены подробным введением, они позволяют русскому читателю составить цельное и глубокое представление о суфийской философской традиции вообще и о ярчайшем ее представителе Ибн ал-Араби.

Том VI. Простонародные рассказы, изданные в столице (Цзинбэнь гунфу сяошо). Предисловие, перевод с китайского и примечания И. Т. Зограф. Стихи в переводе Л. Н. Меньшикова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1995. 296 с. ISBN 5-85803-042-4

Эпоха Сун в Китае (X—XIII вв.) была эпохой расцвета популярной народной литературы, в особенности — жанра городской повести *хуабэнь*. Предлагаемый вниманию читателя сборник, относящийся к концу сунского времени, включает в себя лучшие образцы этого жанра.

Семь *хуабэнь*, составивших сборник «Простонародные рассказы, изданные в столице», посвящены обыденной жизни горожан. Перед читателем проходят люди разных профессий и разного социального положения: вельможи и чиновники, военные и монахи, торговцы и ремесленники, жены богачей и бедняков, свахи, служанки, наложницы. Но рядом с миром людей, соприкасаясь с ним и проникая в него, существует мир потусторонний — мир духов, оборотней и душ умерших. Последние активно вмешиваются в дела живущих: прекрасные девы-покойницы возвращаются в мир людей, чтобы добыть счастья в любви или же отомстить за причиненные страдания. А каково жениться на красивейшей девушке и обнаружить потом, что и она, и ее родственники, и все ее окружение оборотни?..

В СЕРИИ ВЫШЛИ КНИГИ:

Том VII. Тексты Кумрана. Введение, перевод с древнееврейского и арамейского и комментарии А. М. Газова-Гинзберга, М. М. Елизаровой и К. Б. Старковой СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 440 с. ISBN 5-85803-021-1

Книга переводов, вошедших в настоящий выпуск сборника «Тексты Кумрана», была подготовлена к изданию в 1967 году и отдана в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука». В настоящее время она вышла в издательстве Центр «Петербургское Востоковедение» в соответствии с последними авторскими пожеланиями.

Во второй выпуск переводов основных сочинений из пещер Хирбет-Кумрана вошли главным образом тексты документов, регулировавших жизнь общины; некоторые из них содержат проекты переустройства всего иудейского общества. По большей части публикуемые тексты больше по объему и лучше сохранились, чем толкования к книгам Библии, опубликованные И. Д. Амусиным в первом выпуске «Текстов Кумрана» (вышедшем в ГРВЛ более 30 лет назад), и сравнительно редко прерываются лакунами.

Тексту каждого сочинения предпослано объяснительное введение. После текста дается подробный комментарий, назначенный дать читателю детальное представление об особенностях памятника; в нем отмечаются неясные и испорченные места оригинала, а также соприкосновение с текстом Библии и с текстом других кумранских источников.

Том VIII. Калидаса. Род Рагху (Рагхуванша).

Введение, перевод с санскрита и примечания В. Г. Эрмана. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 336 с. ISBN 5-85803-018-1

Имя Калидасы — знаменитого драматурга и стихотворца Древней Индии — знаменует собой период высшего расцвета индийской классической культуры. Его поэзию и драматические сочинения переводят на европейские языки начиная с XVIII века, однако о личности создателя этих всемирно известных творений мы до сих пор фактически ничего не знаем: нам не известен ни год, ни место его рождения, ни его общественное положение, ни какие-либо другие конкретные факты его биографии. В настоящем издании русскому читателю предлагается обширный очерк жизни и творчества Калидасы, а также первый русский перевод его поэмы «Род Рагху». Она особенно ценится как непревзойденный образец жанра *махавья* — большой эпической поэмы, воспевающей деяния богов или подвиги древних героев.

«Род Рагху» представляет собой легендарную хронику царей Солнечной династии, возводившей свое происхождение к Вивасвату, богу солнца; к этому мифическому роду принадлежал и знаменитый Рама. Поэма состоит из 19 песней и излагает ряд эпизодов, последовательно рисующих деяния виднейших представителей славного рода.

Том IX. Предания об услышанных мольбах (Гань ин чжуань).

Предисловие, перевод с китайского и примечания М. Е. Ермакова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 368 с. ISBN 5-85803-072-6

В этом томе под одной обложкой объединены пять сборников старых китайских рассказов на буддийские темы — «Предания об услышанных мольбах» («Гань ин чжуань») Ван Янь-ао (V в.), «Подлинные события» («Сюань янь цзи») Лю И-цина (403—444), «Вести из потустороннего мира» («Мин сянь цзи») Ван Яня (ок. 450 — после 500), «Достопамятные происшествия» («Цзин и цзи») Хоу Бо (VI в.) и «Загробное воздаяние» («Мин бао цзи») Тан Линя (VII в.). Явления мирянам будд и бодхисаттв, неотвратимость закона воздаяния за дурные и добрые поступки, события и чудеса, связанные со знаменитыми, прославленными своими добродетелями буддийскими монахами, необычайные происшествия, ведущие к прозрению, путешествия в потусторонний мир... — все это встает перед читателем на страницах буддийских коротких рассказов *сяошо*. Настоящая книга является наиболее полным изданием буддийских *сяошо* на русском языке.

Тексты
Кумрана

מגילות
קומראן

Калидаса

कालिदास
रघुवंश

Род
Рагху

В СЕРИИ ВЫШЛИ КНИГИ:

Том X. Абу-л-Фадл Ахмед ибн ал-Хусейн ал-Хамадани. Макамы

Впервые термин *макама* для обозначения определенного жанра письменной литературы был применен Абу-л-Фадлем Ахмедом ибн ал-Хусейном ал-Хамадани (967—1008). Истоки макама ал-Хамадани следует искать в ученых и назидательных беседах ученых и образованных людей. Но это не просто письменная фиксация бесед, какую мы порой находим в исторических хрониках, — это своего рода маленькие новеллы с вымышленными героями. Один из них — странствующий купец, любитель поэзии и ораторского искусства — присутствует в каждой из пятидесяти макама; от его лица и ведется рассказ. Путешествуя из города в город (каждая история происходит в новом месте), он повсюду встречает плутоватого Александрийца (персонаж по имени Абу-л-Фатх ал-Искандери). Александриец — люмпен, бродяга, ловкий плут, появляющийся всякий раз в новом обличье; он выманивает деньги у доверчивых слушателей как демонстрацией своих знаний и красноречием, так и попростойнством, воровством, обманом.

Ал-Хамадани попытался соединить, казалось бы, несоединимое: изысканную ученую беседу с занимательным авантюрным сюжетом, вложив стилистически утонченные и вполне благонаправленные речи в уста легкомысленного и безнравственного обманщика. В итоге он создал в арабской литературе новый жанр *ал-макамат* — цикл плутовских новелл высокого стиля, сходных по композиции и объединенных двумя общими героями с постоянными функциями. Перевод сборника макама выполнен **А. А. Долининой**

Том XI. Гэ Хун. Мудрец, обьемлющий первоизданную пустоту (Баопу-цзы). Эзотерический раздел (нэй пянь)

Трактат выдающегося даосского философа, алхимика, медика и историка Гэ Хуна «Баопу-цзы», написанный около 320 г. н. э., представляет собой своеобразную энциклопедию раннесредневекового даосизма. Учение о Дао-Пути вселенной и путей его обретения, алхимия и магия, медицина и астрология, учение о бессмертных небожителях и рецепты изготовления эликсира вечной жизни — вот только некоторые из тем, подробно рассматриваемых Гэ Хуном в его «алхимическом апокалипсисе», как назвал трактат «Баопу-цзы» великий российский китаевед академик В. М. Алексеев.

Трактат Гэ Хуна уже давно привлекал внимание отечественных исследователей. Еще в 20-е годы над ним начал работать выдающийся синолог Ю. К. Щуцкий, однако его трудом не суждено было завершиться. И только теперь российский читатель получает возможность познакомиться с этим удивительным текстом, в котором переплетаются описания магических грибов и рассуждения о даосизме и конфуцианстве, рецепты трансмутации металлов и увлекательные новеллы о бессмертных, философские размышления и рекомендации по дыхательной практике и сексуальной гигиене.

Первый полный перевод трактата «Баопу-цзы» на русский язык выполнен **Е. А. Торчиновым**.

ГОТОВИТСЯ:

Том XIII. Линь-цзи И-сюань. Записи бесед Линь-цзи (Линь цзи лу)

Настоящий том объединяет два важных памятника китайской письменной культуры — так называемые *юйлу*, записи бесед величайших чаньских наставников: «Линь цзи лу» Линь-цзи И-сюаня (XI в.), «китайского Сократа», и «Пан цзюй ши лу» Пан Юня. Памятники содержат богатейший материал, позволяющий судить о состоянии чаньской традиции в конце эпохи Тан (618—907), о методе и практике чань в целом и специфической их модификации у данных авторов. Говоря о своеобразии практики Линь-цзи стоит упомянуть хотя бы комплекс своеобразных технических приемов, призванных пробудить интуицию (ведь только с помощью интуиции, согласно чань, может быть постигнута истина), среди которых ориентация на шок («шоковая терапия»), вызываемая не только физическим воздействием, но и словом. «Враждебное» отношение чань-буддистов к слову как к средству передачи истины по иронии судьбы не помешало им оказывать чуть ли не единственными передатчиками разговорного языка эпохи, насыщенного старыми идиомами, простонародными выражениями, вулгаризмами, употребление которых отвергалось учеными-литераторами. И потому чаньский текст чрезвычайно труден для перевода: он таит в себе массу загадок, требует многочисленных примечаний-комментариев.

Комментированный перевод памятников, выполненный **И. С. Гуревич**, сопровождается очерком исторической грамматики китайского языка эпохи Тан на материале чаньских *юйлу*.

Первая книга в серии

Е. А. Торчинов
ДАОСИЗМ. «ДАО ДЭ ЦЗИН»

Книга известного петербургского китаевода Е. А. Торчинова открывает новую серию «Мир Востока», предназначенную для самого широкого читателя.

В своей книге автор всесторонне рассматривает даосизм — традиционную религию Китая. Доступно и увлекательно автор рассказывает о более чем двухтысячелетней истории даосизма в Китае, повествует о знаменитых даосах-отшельниках, алхимиках, магах и чудотворцах, характеризует основные памятники религиозно-философской мысли даосизма и вводит читателя в удивительный мир даосского учения с его стремлением к единению с природой и верой в возможность обретения физического бессмертия и духовного совершенства.

В качестве приложения к книге публикуется плод многолетних трудов автора — художественный перевод всемирно известного трактата «Дао-Дэ цзин», приписываемого таинственному Старцу-Младенцу, мудрецу Лао-цзы.

Вторая книга в серии

Т. В. Ермакова, Е. П. Островская
КЛАССИЧЕСКИЙ БУДДИЗМ

Книга популярно знакомит читателя с догматикой и религиозно-дисциплинарным кодексом буддизма Индии эпохи древности и раннего средневековья. В книге также исследуются основные школы и направления классического буддизма.

Среди разделов — «Чему учил Будда Шакьямуни», «Этапы становления Буддийского канона», «Архат и бодхисаттва», «Четыре благородные истины», «Смысл человеческого рождения», «Стать буддистом: в чем смысл религиозных обетов», «Что такое буддийская философия», «Ведущие школы буддийской классической философии» и др.

*По поводу оптовых закупок книг серии
обращаться в Издательско-торговый дом
«ЛЕТНИЙ САД»:*

197136, Санкт-Петербург, Большой проспект ПС, д. 82

Тел.: (812) 232 21 04. Факс.: (812) 233 19 62

Представительство в Москве: ул. Б. Никитская, д. 46

Тел: (095) 255 01 98

E-mail: letnysad@mail.wplus.net

Первая книга в серии

СУХОЙ ТРОСТНИК

Поэзия эпохи Тан (VII—X вв.) в переводах Л. З. Эйдлина

Книжную серию «Драгоценные строфы китайской поэзии» издательство Центр «Петербургское Востоковедение» начинает книгой выдающихся поэтов средневекового Китая, живших при династии Тан (VII—X вв.). Стихи даны в переложении крупнейшего знатока и переводчика китайской поэзии Льва Залмановича Эйдлина (1910—1985).

В книге представлены поэты, составившие славу танской поэзии, лучшие их стихотворения неизменно украшают самые знаменитые собрания поэтической классики Китая.

Вторая книга в серии

ПРОЗРАЧНАЯ ТЕНЬ

Поэзия эпохи Мин (XIV—XVII вв.) в переводах Ильи Смирнова

В этом сборнике представлена поэзия трехсотлетней династии Мин (XIV—XVII), множество талантливых стихотворцев, продолживших традицию классической китайской лирики. Большинство поэтов вошло в знаменитую антологию, составленную в XVII в. известным литератором Шэнь Дэ-цянем.

Может быть никогда в многовековой истории китайской поэзии стихи не были такими прозрачными, отточенными, совершенными — поэты эпохи Мин поистине осуществили столь чаемый их великими предшественниками идеал «пресной» поэзии.

По поводу оптовых закупок книг серии
обращаться в Издательско-торговый дом
«ЛЕТНИЙ САД»:

197136, Санкт-Петербург, Большой проспект ПС, д. 82

Тел.: (812) 232 21 04. Факс.: (812) 233 19 62

Представительство в Москве: ул. Б. Никитская, д. 46

Тел: (095) 255 01 98

E-mail: letnysad@mail.wplus.net
